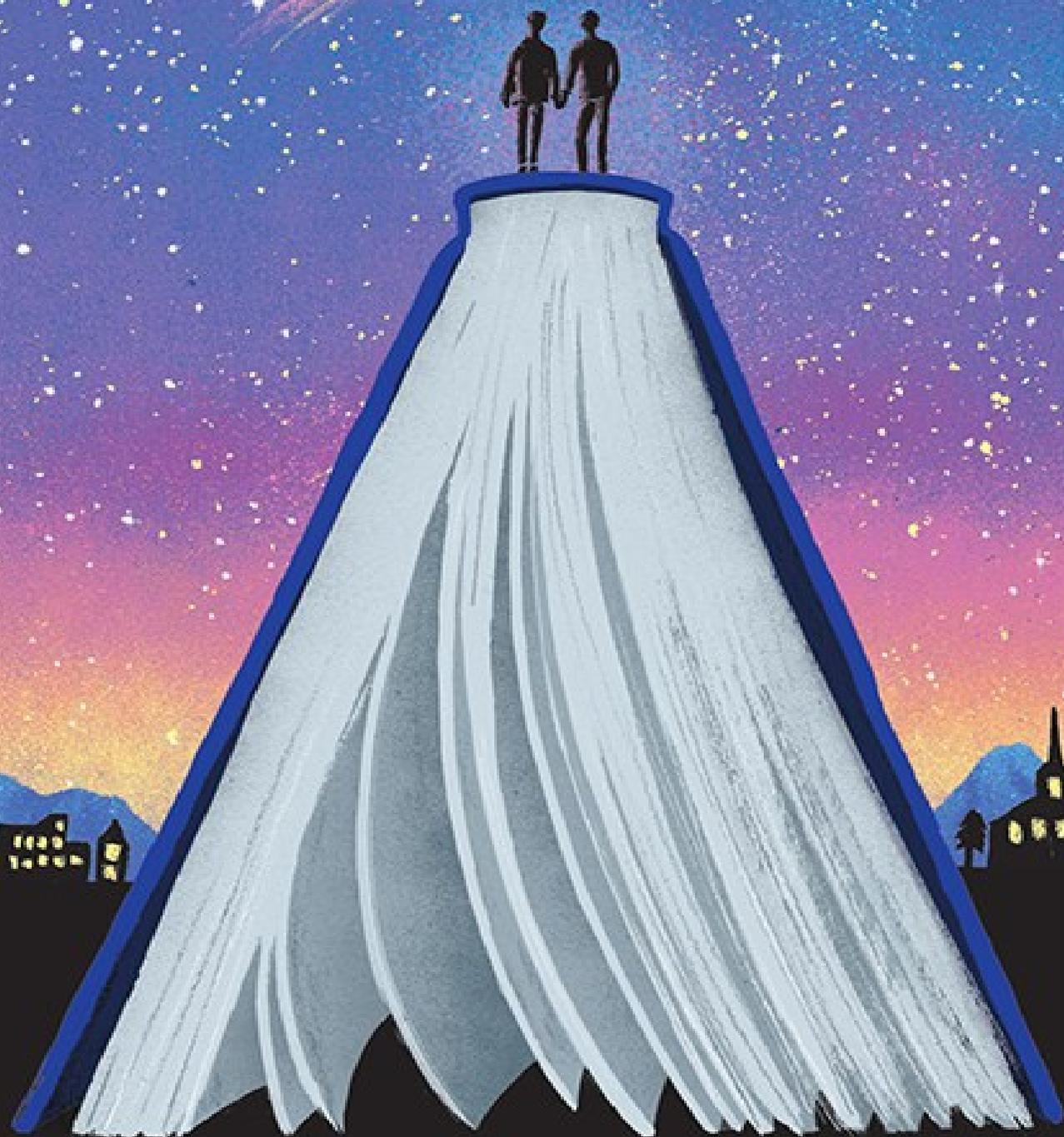

История любовного парня

NEW YORK TIMES BESTSELLING AUTHOR

КРИСТИНА ЛОРЕН

Глава 1.

Конец наших последних зимних каникул похож чуть ли не на круг почета. Мы проучились семь семестров в старших классах, и остается последний — формальный, если честно, — семестр, в который мы вступаем. Я хочу отпраздновать это, как обычный парень: немного времени с собой наедине и несколько бессмысленных часов просмотра «Кроличьей Норы» на YouTube. К сожалению, ничему из этого не суждено случиться.

Потому что напротив, на своей кровати, Отэм свирепо смотрит на меня, дожидаясь объяснений.

Мое расписание не полное, занятия начинаются через два дня, а все хорошие предметы быстро занимают и «*это в твоём стиле, Таннер*».

Не сказать, что она не права. Это в моем стиле. Но я ничего не могу поделать, если в этих отношениях она — муравей, а я — кузнечик. Потому что так было всегда.

— Все нормально.

— Все нормально, — повторяет она, отбрасывая свой карандаш в сторону. — Тебе стоит отпечатать это на своей футболке.

Отэм — моя опора, мое безопасное место, лучшая из лучших — но когда дело касается школы, она невероятно дотошна. Перекатываюсь на спину, уставившись в потолок над ее кроватью. На ее день рождения в десятом классе — сразу после моего переезда сюда, и когда она взяла меня под свое крылышко — я подарил ей плакат с котенком, который ныряет в ванну с пушистыми шариками. С того дня он неизменно остается приклеенным на этом месте. Это супер — милый кот, но в одиннадцатом классе, я думаю, его невинная прелесть начала медленно оскверняться присущими ему странностями. Поэтому под мотивационной фразой «**НЫРЯЙ, КОТЕНОК!**» я наклеил четыре листочка с тем, что, по моему мнению, мог подразумевать создатель постера: «**НЕ БУДЬ ТРУСОМ!**»

Она, должно быть, согласна с этой поправкой, потому что оставила ее на месте.

Поворачиваю голову, чтобы посмотреть на нее.

— Почему ты беспокоишься? Это — *мое* расписание.

— Я не беспокоюсь, — отвечает она, хрустя стопкой крекеров. — Но ты ведь знаешь, как быстро все занимают. Я не хочу, чтобы в итоге ты попал к Хойе на химию, потому что он задает в два раза больше домашнего задания, а это сократит мою общественную жизнь.

Это полуправда. Занятия химией у Хойе *сократит* ее общественную жизнь — у меня единственного есть машина, и я выполняю роль ее водителя большую часть времени — но больше всего Отэм ненавидит, когда я все оставляю на последний момент и все равно умудряюсь добиться того, что хочу. Мы оба хорошие ученики, каждый по — своему. Мы оба на вершине списка отличников, и оба поразили своими показателями АКТ¹. Но если Отэм с домашними заданиями, как собака с костью, то я больше похож на кота, лежащего на солнечном подоконнике; если домашнее задание в зоне досягаемости и оно интересное, я с радостью прельщусь на него.

— Что ж, твоя общественная жизнь — наш приоритет, — смещаю вес, смахивая дорожку крошек от крекеров, прилипших к моему предплечью. Они оставили следы, крошечные, красные вмятины на коже, такие же, как бывают от гальки. Она могла бы отдать немного своей одержимости на уборку комнаты.

— Отэм, господи. Ты свинья. Посмотри на свою кровать.

Вместо ответа она отправляет еще одну стопку крекеров в свой рот, снова оставляя дорожку крошек на своих простынях с Чудо— женщиной. Ее рыжие волосы собраны в неряшливую кучу на голове, и на ней та же пижама со Скуби— Ду, которую она носит с четырнадцати лет. И она все еще ей подходит... в большей степени.

— Если ты когда—нибудь приведешь сюда Эрика, — произношу я. — Он придет в ужас.

Эрик — наш еще один друг и один из немногих детей не—мормонов в нашем классе. Думаю, технически Эрик — мормон, по крайней мере, его родители — да. Они, как большинство людей назовут их, — «Джек Мормон»². Они пьют (и кофе и алкоголь), но все же относительно привлечены к церкви. *Лучший из обоих миров*, говорит он — хотя легко можно заметить, что остальные ученики «Святых поздних дней»³ в школе Прово не согласятся с этим. Когда дело доходит до общественных кругов, номинальные мормоны — это то же самое, что не—мормон в принципе. Как я.

Несколько сухих кусочков крекера вылетает из ее рта, когда она кашляет, симулируя отвращение.

— Я не хочу, чтобы Эрик находился вблизи моей кровати.

Но вот он я, лежу на ее постели. Это свидетельствует о том, насколько ее мать доверяет мне, раз разрешает находиться в принципе в ее комнате. Возможно, миссис Грин уже чувствует, что ничего не произойдет между мной и Отти.

Такое было между нами однажды, на зимних каникулах в десятом классе. К тому времени я прожил в Прово всего пять месяцев, но между нами незамедлительно вспыхнула химия — обусловленная большим количеством совместных занятий и удобства в нашем общем статусе дезертиров от детей—мормонов в школе. К сожалению, для меня химия растворилась, когда дело дошло до физической близости, и каким—то чудом мы избежали пост—поцелуйную неловкость. Я не желаю больше рисковать.

Похоже, она сверхчувствительно улавливает нашу близость в тот же момент, что и я, выпрямляется и натягивает пижаму на свой торс. Я отталкиваюсь, чтобы сесть, прислоняясь к изголовью: безопасная позиция.

— Кто у тебя первый?

Она смотрит вниз на свое расписание.

— Поло. Современная литература.

— То же самое, — краду крекер и — как цивилизованный человек — умудряюсь съесть его, не проронив ни крошки. Просканировав свой лист указательным пальцем, я удовлетворяюсь своим последним семестром. — Честно, говоря, мое расписание не такое уж и плохое. Мне всего лишь нужно добавить что—то четвертое.

— Может, ты добавишь Семинар, — радостно хлопает Отэм.

Ее глаза сверкают, сияют от восторга в темной комнате: она хотела попасть на этот предмет с девятого класса.

Семинар — серьезно, когда школа упоминает об этом в информационных бюллетенях или объявлениях, они даже извлекают из этого свою выгоду — отчего претенциозность всего этого просто нереальна. НАПИСАТЬ КНИГУ ЗА СЕМЕСТР, весело призывает каталог, к будто это может произойти только на этих занятиях. Будто простой человек не накидает достаточно слов за *четыре месяца*. Четыре месяца — это целая жизнь.

Набираются ученики, у которых есть хотя бы один углубленной курс Английского, и

которые имеют средний балл минимум 3.75 за прошедший семестр. Даже если под это попадают все семьдесят детей только в нашем классе, учитель зачислит всего четырнадцать.

Два года назад, «*New York Times*» написала статью под названием: «потрясающе— амбициозный курс, под усердным и тщательным руководством члена факультета NYU— bestselling — Тима Фуджиты». (Я знаю эту цитату дословно, потому что этот кусок был увеличен в пять тысяч раз, распечатан и помещен в рамку на входе в кабинет. Я постоянно жалуясь на чрезмерно— преступное употребление прилагательных, что Отэм считает с моей стороны мелочным). В прошлом году, Себастиан Бразер ходил на Семинар, и какое— то крупное издательство купило его рукопись. Я даже не знаю, кто он, но уже слышал его историю сотню раз: Он сын епископа! Он написал фантастический роман! Видимо, это было потрясающим. Мистер Фуджита отправил роман агенту, который в свою очередь отправил его в Нью— Йорк, и там произошла в каком— то роде цивилизованная борьба за него, и бум, теперь он учится через улицу напротив, в Университете Бригама Янга⁴ и похоже откладывает свою миссию, чтобы уехать в тур по книге и стать следующим Толкиеном.

Или Л. Рон Хаббардом. Хотя, думаю, у некоторых мормонов могут возникнуть проблемы с таким сравнением. Им не нравится смешиваться в кучу с таким культом, как Сайентология. Как и Сайентологам.

В любом случае, сейчас — кроме футбольной команды УБЯ и моря мормонов — Семинар — единственное, о чем всё больше говорят, когда упоминают Прово.

— Ты записалась, — подтверждаю я, не сказать, что удивлен. Эти занятия значат для Отэм все, и помимо соответствия фактическим требованиям, она поглощала романы безостановочно в надежде, что у нее появится шанс написать собственный.

Она кивает. Ее улыбка растягивается от одного сияющего моря до другого.

— Крутая.

— Ты тоже можешь быть, если поговоришь с мистером Фуджитой, — говорит она. — У тебя есть оценки. Ты замечательный писатель. К тому же, он любит твоих родителей.

— Неа, — я жду письма о зачислении в колледж где угодно, но только не здесь — мама умоляла меня выбрать из государственных — и да в любом из этих колледжей будет учитываться мои последние оценки за этот последний семестр. В независимости от того, насколько лёгким я это считаю, сейчас не время упускать шансы.

Отэм ковыряет многострадальный ноготь.

— Потому что тогда тебе придется, ну знаешь, закончить что— то?

— Я закончил с твоей мамой. Думаю, ты понимаешь, о чем я.

Она тянет меня за волосы на ноге, и я визжу на удивление женским звуком.

— Таннер, — она садится. — Я серьезно. Это будет хорошо для тебя. Ты должен пойти со мной на эти занятия.

— Ты так говоришь, будто я хочу.

Она рычит, свирепо сверкая на меня глазами.

— Это Семинар, козлина. Все хотят туда попасть.

Понимаете о чем я? Она ставит свой предмет на пьедестал, и это настолько занудно, что вызывает во мне желание немного защитить Будущее Отэм, когда она выйдет в мир, сражаясь со своей Занудной— Девочкой— Гермией. Я дарю ей свою самую лучшую улыбку.

— Хорошо.

— Ты беспокоишься о том, что придется придумывать что— то оригинальное? —

спрашивает она. — Я могу помочь тебе.

— Да ладно. Я переехал сюда в пятнадцать — мне кажется, мы оба согласимся, что это самое худшее время для переезда из Пало—Альто, Калифорния, в *Прово, Юта* — с полным ртом железок и без друзей. У меня есть истории.

Не говоря уже о том, что я гей и наполовину — еврейский ребенок в традиционном, мормонском городе.

Я не произношу последнюю часть, даже при Отэм. Это не такая сенсация в Пало—Альто, когда в тринадцать я понял, что мне нравится мысль целоваться с мальчиками намного больше, чем с девочками. Здесь же, это станет *огромной* сенсацией. Она моя самая лучшая подруга, да, но я не хочу рисковать и рассказывать ей, чтобы потом обнаружить, что она прогрессивна только в теории и против подростка — гея в своей спальне.

— У нас у всех были брекеты, и ты заставил меня, — она плюхается спиной на кровать. — Кроме того, все ненавидят свои пятнадцать, Таннер. Это время непредвиденных ситуаций и стояков в бассейне, прыщей, тревоги и неясного отношения к социальным правилам. Гарантирую, что десять из пятнадцати учеников на занятиях будут писать об опасностях старших классов, из — за отсутствия глубоких ресурсов художественного вымысла.

Быстрое сканирование моего прошлого по картотеке вызывает скручивающее, оборонительное ощущение в желудке, как будто, она может оказаться права. Может, я *не смогу* придумать что — то интересное и глубокое, а художественный вымысел должен идти из глубин. У меня двое поддерживающих — возможно, *чересчур* поддерживающих — родителя, ненормальная, но замечательная большая семья, не — совсем — ужасная — но — сопливое — эмо сестра, собственная машина. Я не знаю многих потрясений.

Поэтому я упираюсь, щипая ее за заднюю часть бедра.

— А откуда у *тебя* глубокие ресурсы?

Это, конечно же, шутка. Отэм много о чем может написать. Ее отец умер в Афганистане, когда ей было девять. После этого ее мама — злая и разбитая — разорвала связи с Мормонской Церковью, что в этом городе, огромное нарушение. Больше 90 процентов людей, живущих здесь, состоят в СПД. Смена на что — то другое автоматически отсылает тебя на окраину общественной жизни. Добавьте к этой смеси, что на зарплату миссис Грин, она и Отэм еле выживают.

Отэм смотрит на меня категорично.

— Я могу понять, почему ты не хочешь заняться этим, Тан. Там много работы. А ты — лентяй.

***

Она спровоцировала меня записаться на эти дурацкие занятия, и теперь, пока в понедельник после зимних каникул мы вместе едем в школу, она раздражена и обижена, потому что я сказал ей, что пойду.

Я чувствую ее прожигающий взгляд с одной стороны своего лица, когда поворачиваю на Bulldog Boulevard.

— Фуджита просто подписал тебе допуск? — спрашивает она. — И все?

— Отти, ты сошла с ума, если бесишься из — за этого. Понимаешь, да?

— И... что? — произносит она, игнорируя мой риторический вопрос и поворачиваясь

лицом к дороге. — Ты собираешься *сделать* это?

— Да, почему бы и нет? — я въезжаю на школьную стоянку, ищу место ближе к дверям, но, естественно, мы опоздали, и не осталось ничего подходящего. Я паркуюсь на месте с обратной стороны здания.

— Таннер, ты осознаешь, что *это такое*?

— Как я могу ходить в эту школу и не знать что такое *Семинар*?

Она одаряет меня агрессивно— терпеливый взглядом, потому что я использовал свою насмешливую интонацию, которую она не переносит.

— Ты собираешься написать книгу. Целую *книгу*.

Когда я выхожу из себя, это выходит предсказуемо нестрого: жестче, чем обычно открываю свою дверь на морозный воздух.

— Отти, какого черта? Мне казалось, ты просила меня записаться.

— Да, но ты не должен делать этого, если не *хочешь*.

Я снова растягиваю свою самую лучшую улыбку, ту, которая ей нравится. Знаю, что не должен, но эй, я использую оружие, которым обладаю.

— Тогда тебе не стоило называть меня лентяем.

Она дико рычит, думаю, *мне* нравится это.

— Ты настолько везучий, и даже не понимаешь этого.

Я игнорирую ее, забирая рюкзак из багажника. Она чертовски сбивает с толку.

— Ты понимаешь, о чем я, почему все так легко для тебя? — она бежит вслед за мной. — Мне пришлось просить, сидеть на собеседовании с ним, и вроде как *пресмыкаться*. А тыходишь в его кабинет, и он подписывает тебе допуск.

— Все было не совсем так. Я пришел к нему в кабинет, немного поболтал с ним, обновил информацию о своих родителях, и только *потом* он написал мне допуск.

Меня встречает тишина, и когда я оборачиваюсь, то понимаю, что она ушла в другую сторону, прямо к боковому выходу.

— Увидимся на ланче, подруга! — выкрикиваю я. А она показывает средний палец.

Тепло внутри холла божественно, но здесь шумно и пол сырой от грязного, растаявшего снега, сбитого с ботинок. Я с трудом пробиваюсь по коридору к своему шкафчику, протискиваясь между Сашей Сандерсон и Джеком Торном, двумя самыми красивыми — и приятными — людьми в школе Прово.

В общественном положении все намешано. Даже спустя два с половиной года, я все еще чувствую себя новеньким, и так, наверняка, потому что большинство учеников ходят в школу вместе с детского сада, и живут внутри нескольких приходов — в смысле, они входят в одну и ту же паству и видят друг друга на около миллионе церковных мероприятий вне школы. У меня, по сути, есть Отти, Эрик и несколько друзей, которые, так случилось, являются мормонами, но они классные, поэтому не доводят нас до безумства, а их родители не боятся, что мы развратим их. Там в Пало— Альто, в девятом классе я вроде как встречался с парнем несколько месяцев и имел целую кучу друзей, которых знал с детского сада, и они даже бровью не повели, когда увидели меня за руку с Гейбом. Жаль, что я не ценил такую свободу в то время.

Здесь же, со мной флиртуют девушки, конечно, но большинство из них мормонки и никогда в жизни им не позволят встречаться со мной. Большинство родителей— мормонов надеются, что их дети поженятся в их храме, и это просто не может произойти с кем— то, подобным мне, нигде не состоящим. Даже если я обращусь...чего *никогда* не случится.

Возьмем для примера Сашу. Я чувствую, что что— то назревает между нами. Она супер кокетка и недотрога, но Отэм настаивает, что это никуда не приведет. И еще в большей степени это правдиво насчет моих шансов здесь с парнями, среди мормонов или где еще. Не хочу испытывать эти воды в Прово. Я был влюблен в Джека Торна с десятого класса, но он недоступен по трем важным причинам:

1. Мужчина
2. Мормон
3. Прово

До того как разозлиться на меня сегодня утром, Отти вручила мне, без комментариев, листок с блестящими наклейками динозавров. Поэтому, без вопросов, я убрал их в карман. Отэм, как известно, дает мне вещи, которыми я воспользуюсь в какой— то неизвестный период времени, и я просто смиряюсь с этим. Когда открываю свой шкафчик, то понимаю ее мотивы: я заведомо плохо запоминаю свой распорядок дня А и В — здесь практикуется альтернативное расписание занятий, с предметами с часу до четырех в одни дни, и с пяти до восьми в другие дни. Каждый семестр мне приходится приклеивать расписание на дверцу шкафчика, и каждый семестр я не нахожу у себя наклейки.

— Ты неподражаем, — произносит Саша, подходя ко мне со спины, чтобы посмотреть, чем я занят. — И, *божемой*, такой милый. Динозавры! Таннер, тебе что восемь?

— Мне дала их Отэм.

Я слышу реакцию Саши на это в ее молчании, в невысказанном: *Да или нет?*

Всем интересно, не переспали ли мы случайно с Отэм.

Как и всегда я оставляю это без ответа. Ее подозрение — хорошая штука. Непроизвольно, Отэм стала моим прикрытием.

— Классные сапоги, — говорю ей. Они достигают неприличной высоты: выше ее колен. Интересно, на чье внимание она больше всего нацелена в этом: на парней в школе или на родителей дома. Я дарю ей наклейку с динозавром и целую в щеку, проскальзывая мимо нее дальше по коридору с книгами в руке.

Школа Прово отнюдь не религиозная, но иногда кажется иначе. И если и есть то, что ты быстро узнаешь о мормонах, так что они сосредоточены на положительном: положительные чувства, положительные поступки, счастье, счастье, радость, радость. Поэтому современная литература с миссис Поло начинается неожиданными и решительно несчастливым выстрелом: Первая книга, которую мы прочтем — *«Под стеклянным колпаком»*.

Я ощущаю слабое перешептывание в классе, когда ученики ерзают на своих местах, исподтишка поглядывая друг на друга в таком драматичном единении, что их тайные усилия потрачены впустую. Миссис Поло — дикие волосы, пышные юбки, кольца на пальцах, ну, понимаете что к чему — игнорирует волнение. По сути, она в каком— то роде наслаждается этим. Она раскачивается на пятках, дожидаясь, когда мы вернемся к учебному плану и узнаем, что еще у нее припасено для нас.

«Библия Ядовитого Леса», Барбары Кингсолвер, *«Ночь»* Эли Визель, *«Невыносимая легкость бытия»*, Милана Кундеры., *«Стеклянный замок»*, Жаннет Уолс, и так далее, *«Сула»* Тони Моррисона, и даже фальшивые мемуары долбанного Джеймса Фрея. Наверняка многих шокирует *«Эльмер Гентри»* Синклера Льюиса, роман о фанатичности религии и о шарлатанстве жуткого проповедника. В самую точку. Миссис Поло напориста, и мне, к примеру, нравится видеть, как они заерзали

Рядом со мной, и все еще играя в молчанку, сидит Отэм с широко распахнутыми

глазами. Она прочитала практически все книги из этого списка, и насколько я знаю ее, она думает: *Есть ли еще время перевестись на Шекспира к мистеру Гейзеру?*

Она поворачивается и смотрит на меня, ее глаза прищурены, как будто она читает мои мысли. Она снова рычит, и я не могу сдержать смеха, рвущегося из меня.

Я тоже прочитал практически все эти книги. Отэм настояла.

Я откидываюсь на спинку стула, переплетая пальцы за головой, и еще раз улыбаюсь ей.

Проще простого. У меня впереди самый легкий семестр.

Глава 2.

К моменту, когда наступает четвертый урок, Отэм гудит от нервозности. Она в восторге от этого Семинара, но все еще раздражена тем, как я влез туда. Я иду хвостом за ней по коридору и пытаюсь не позволить ей заметить свою улыбку, когда она намеренно уклоняется от меня в дверном проеме, продвигаясь к группе столов, где только одно место осталось свободным.

— Сюда, Отти, — встав у последнего ряда, я указываю на пустующий стул для нее рядом с тем, который я планирую зарезервировать.

У нее два варианта: присоединиться ко мне или выглядеть сказочно капризной, поэтому она подходит с негодующим взглядом.

— Ты паразит.

— Я люблю тебя, но только немножко.

Она смеется.

— Не испортиь мне все.

И вот сейчас становится понятным. Я могу испортить все, ведя себя, как полный осел, в том, во что она вкладывает все свое сердце. Она считает, что я *хочу* этого?

По моему поведению, наверняка, считает.

— Не буду, — скольжу своим счастливым ластиком по столу, тем, который она подарила мне на Рождество два года назад с изображением старого— доброго Хи— Мэна на резинке. Что должно было быть белым квадратиком, сейчас серое нечто. Нынешний ластик Хи— Мэн с едва заметным лицом и только одной ногой.

Ее веснушчатый нос морщится, когда она хмурится на меня без особого желания. Я — прощен.

Мистер Фуджита входит в класс, руки забиты балансирующей стопкой книг. Он неприятно сгружает их на свой стол в центре полукруга из рабочих мест и игнорирует то, как они разваливаются в бесформенную кучу. Копия *«Противостояния»* Стивена Кинга жестко шлепается на пол, приземляясь лицом вниз и открываясь. Он игнорирует и это, периферийным взглядом я замечаю, как выпрямляется Отэм, и знаю, как она сейчас сильно беспокоится о страницах огромной книги, которые мнутя под ее весом все больше, чем дольше она продолжает так лежать.

— Доброе утро! — протягивает мистер Фуджита, а затем смотрит вверх на часы на стене за нами. — Упс! Добрый день! Я — Тим Фуджита. Но все зовите меня Фуджита.

Мне всегда нравился Фуджита, но то, как он раздает свое прозвище, вынуждает меня любить его на семь процентов меньше.

Мы бормочем приветствия в ответ, тихо из— за страха или потому, что устали после ланча, а он ухмыляется нам, оглядывая наши лица одно за другим. Я тоже оглядываю состав

нашего класса: Джош, Дастин, Аманда, Джули, Клайв, Буррито— Дейв, Сабина, Футболист — Дейв, Ашер, Кайли, Маккена, Джеймс, Леви.

Каждый до единого из них — мормоны. Подстриженные волосы, благопристойные рукава, хорошая осанка. На заднем ряду мы с Отэм парочка долговязых деревьев нависающих над пышным ухоженным газоном.

Фуджита подмигивает, когда замечает меня. Он считает мою мать — супергероем. Рядом со мной Отэм размерено выдыхает через нос; из— за моей мамы (компьютерного гения) и папы (кардиохирурга узкой специализации, кто, судя по газетам, спас губернатора Юты) я получаю особое отношение от учителей, с того дня как переехал. Фуджита записал меня на Семинар очевидно из— за подобной привилегии.

— Добро пожаловать, ребята, — он разводит руки в стороны, а затем еще раз мельком оглядывает помещение. — Где он?

Под наше недоуменное молчание Фуджита сканирует помещение снова, а затем смотрит на нас в поисках ответа.

— Кто? — наконец— то, спрашивает Дастин, сидящий — как и всегда — в самом начале.

Фуджита бросает взгляд на свои часы, будто убеждаясь, что он вовремя.

— Я надеялся, что это будет классным сюрпризом, и полагаю так и будет в любом случае, но он видимо опаздывает.

Мы отвечаем ожидаемой тишиной, когда его брови медленно поднимаются ввысь.

— У нас будет специальный ассистент на этом предмете, — сообщает он нам. Я могу представить, барабанную дробь, которую он подразумевает, но его драматические паузы вызывают только озадаченное, разочаровывающее ощущение. — Вы будете рады услышать, что Себастиан Бразер станет наставником каждого из вас!

Хор возбужденных возгласов льется из четырнадцати тел в помещении — герой мормонов, собирается проводить время с *нами*. Даже Отэм прихлопывает ладонью свой рот. Для нее — мормон или нет — Себастиан — местная знаменитость.

Фуджита раскачивается на пятках с переплетенными впереди себя руками.

— У Себа очень занятое расписание, безусловно, — я мысленно стону. *Себ.* — Но мы оба считаем, что этот опыт может стать полезным для вас. *Я* верю, что он вас вдохновит. Пройдя свой собственный курс, в свои девятнадцать он на пути к престижной литературной карьере, — наклонившись вперед, Фуджита доверительно добавляет. — Естественно, я читал его роман. Он потрясающий. Потрясающий!

— Он слышал о Кристофере Паолини? — шепчу Отэм.

Она отпускает в мою сторону ледяной взгляд «заткнись».

Фуджита подхватывает стопку листов из разорванной папки и начинает раздавать ее.

— Я полагаю, мы можем пропустить тему «Почему— Вы— Здесь». Вы здесь для того, чтобы написать книгу, так? — чуть ли не каждый кивает с энтузиазмом. — И напишете. Четыре месяца это не так много, это правда, но вы закончите ее. Вы разберетесь в этом. Именно поэтому я здесь.

— Мы незамедлительно возьмемся за дело, — он обходит весь класс. — Я предлагаю список для ознакомления, у меня есть масса ресурсов насчет того, как начать, и типы процессов написания, но по правде говоря, единственный способ написать книгу — написать ее. Однако вам ее писать — и это ваш процесс.

Я смотрю на учебный план и предлагаемый график разработки проекта, которым он

скользнул по моему столу, и чувствую, как горит лоб, чувствую то покалывание ползущей паники по моей шее.

У меня неделя, чтобы придумать идею.

Одна неделя.

Когда я ощущаю внимание Отэм на себе, я поворачиваюсь с беззаботной улыбкой. Но видимо она не такая беззаботная, как я надеялся; ее собственная улыбка дергается, надламываясь с одной стороны

— Ты сможешь сделать это, — тихо произносит она, глядя прямо на меня.

Попросите меня дифференцировать тригонометрическую функцию, и я сделаю это. Дайте мне молекулярный набор для моделирования, и я построю вам самое красивое органическое соединение, которое вы видели. Но просить меня вытащить что— то из глубины души и поделиться этим с миром? Душевный разгром. Я не особенно наслаждаюсь работой, но это идет в разрез со всей моей ненавистью к выполнению дерьмовой работы, как ничто другое. Я никогда не пытался проявлять творческий подход раньше и осознаю это только сейчас, сидя здесь.

И чтобы только ухудшить все, Фуджита добавляет:

— Теперь же, опыт мне подсказывает, что у большинства из вас уже есть идея в голове. Но к следующей неделе мы с Себастианом поможем вам отшлифовать ее. Отполировать. И тогда: Вы нырнете в нее с головой!

Я даже не могу порадоваться тому, что он повторил вдохновляющий слоган трусливого — плаката Отэм дословно, потому что впервые за... ну, возможно, за всю жизнь, я чувствую, что столкнулся с тем, что мне не по зубам.

Отэм скользит моим ластиком с Хи— Мэном обратно по столу и пользуется этим как предлогом, чтобы сжать мою руку.

Боковая дверь открывается, и стулья слегка скребут по деревянному полу, когда люди оборачиваются. Мы все знаем кто это, но все равно смотрим.

***

Первый и единственный раз, когда я видел Отэм пьяной, был прошлым летом, тогда же первый и единственный раз она призналась, что влюблена в меня. Я считал, что мы были на одной и той же стадии, после наших поцелуев два года назад, но оказалось это не так. Как— то выпив четыре Mike's Hard Lemonades, но до того как растрясти меня ото сна на своем полу и умолять пьяным дыханием забыть обо всем, что она сказала, она лепетала около часа о тайных чувствах, что скрывала последние два года. В своей дымке опьянения и путаницы из ее непоследовательности под действием алкоголя, я помню четко только три предложения:

Твое лицо имеет смысл для меня.

Иногда у меня возникает странное чувство, что меня будет не достаточно для тебя.

Я люблю тебя, но только немножко.

Единственным способом, избежать потенциальной и полнейшей неловкости после всего этого, было шутить про это целую неделю.

Я люблю тебя, но только немножко, — стало нашим новым девизом лучших друзей. Отэм пыталась объяснить мне логику того, что мое лицо имеет смысл для нее, несколько раз, но без особых успехов — что— то о симметрии черт и о том, как они нравятся ей на

инстинктивном уровне — но это все равно мое самое любимое нелогичное заключение, когда я вижу, что она переживает из— за чего— то. Я просто говорю: «Отти, успокойся; твое лицо имеет смысл для меня», и ее всегда прорывает. Каждый раз, она смеется.

Вторая фраза — *«Иногда у меня возникает странное чувство, что меня будет не достаточно для тебя»* — очень близка к цели. Хотя я набирался смелости, чтобы открыться перед ней, но после того, что она сказала, я передумал. Слова Отти звучали диссонансным аккордом внутри меня, внутренним конфликтом, который подразумевается у бисексуалов. На одном моем плече сидит дьявол — невежественное восприятие, с которым я сталкиваюсь со всех сторон, и снаружи и внутри сообщества нетрадиционной ориентации, которое твердит, что бисексуальность — на самом деле, *неуверенность*, что для бисексуала невозможно удовлетворится одним партнером, и этот ярлык, как способ не решаться. А на другом сидит ангел — гей — позитивные книги и брошюры, призывающие меня поверить — сказать этому нет, что означает, что я открыт для влюбленности в любого. Я с радостью определяюсь, но отдельные аспекты не так важны, как сам человек.

Но вместе с тем, что я никогда не влюблялся и не испытывал той раздирающей боли в груди из— за одного человека, я никогда не узнаю, что из этого в итоге будет правильным. Когда Отэм сказала о том, что ее будет недостаточно для меня, я отпустил это и притворился, что не помнил. Но проблема в том, что я *помню*. И по сути, я зациклен на этом, одновременно с тем, что притворяюсь будто не болезненно ожидаю того момента, когда кто — то выбьет землю из— под моих ног, вызовет во мне чувство уверенности в нем таким образом, в каком я никогда не был уверен ни в ком за всю свою жизнь.

Поэтому когда Себастиан Бразер входит в класс, и замечает меня, а я замечаю его, у меня возникает ощущение, что я заваливаюсь набок на своем стуле.

Я опьянен.

И теперь понимаю, что Отэм имела ввиду насчет лиц.

Я видел его раньше, в коридорах школы, но никогда не уделял много внимания: он — один из идеальных, супер— ребенок — мормон — сын епископа и, насколько я могу судить, чрезвычайно набожный.

Но сейчас, похоже, я не мог не уделять внимание. Себастиан больше не ребенок. Я замечаю его четко — очерченную челюсть и миндалевидные глаза, покрасневшие щеки и беспокойно двигающееся адамово яблоко, когда он сглатывает под давлением наших взглядов.

— Привет, ребята, — он коротко машет, сбивчиво проходя дальше в класс, чтобы пожать руку Фуджиты. Пристальное внимание класса следит за ним, как под прицелом.

Фуджита лучезарно улыбается нам.

— А я что вам говорил?

Волосы Себастиана выбриты по бокам, и свободно спадают с макушки. Его улыбка такая широкая, яркая и чистая: он чертовски красив. Но есть что — то за всем этим, что — то в том, как он двигается, что вызывает во мне восхищение. Возможно, это из— за того, что его глаза не задерживаются слишком надолго на ком — то одном. Может, из— за того, что я чувствую в нем легкую настороженность по отношению к нам.

Когда он встает лицом к классу, его взгляд вспыхивает, встречаясь с моим собственным — на крошечное мерцание секунды, — и потом опять, как призма улавливающая свет, потому что он смотрит дважды. Этого короткого промежутка между ударами сердца достаточно, он замечает мою незамедлительную симпатию. Черт возьми, как быстро он

осознает это. Это должно быть случается с ним постоянно — восхищенные взгляды со всех сторон класса — но для меня так быстро увлечься совершенно чуждо. У меня в груди, в моих легких — дикие животные, рвущиеся из своей клетки.

— О, боже, — бормочет Отэм рядом со мной. — Его улыбка делает из меня идиотку.

Ее слова — слабый отголосок моих собственных мыслей: его улыбка станет моей *погибелью*. Это чувство вызывает во мне беспокойство, резкий крен, что говорит мне, — он мне нужен, или мне будет плохо.

Рядом со мной она разочаровано вдыхает, не обращая внимания на мой собственный внутренний крах.

— Очень жаль, что он — мормон.

Глава 3.

Во второй половине дня понедельника мы свободны от домашнего задания, мама сегодня дома раньше и считает это знаком, что ей нужно свозить своих детей по магазинам. Моя сестра, Хейли, взволнована подобной возможностью — закупить еще больше похоронной одежды. Я соглашаюсь поехать, хотя без особого энтузиазма, в основном потому что знаю, если останусь сам по себе, я могу провести несколько часов за ноутбуком со множеством открытых вкладок, пытаюсь узнать как можно больше о Себастиане Бразере.

К счастью, Отэм увязывается с нами. Суперсила мамы, похоже, в ее сверхъестественной способности подбирать самую уродливую одежду для своих детей. Именно поэтому, Отэм — замечательная группа поддержки. Но, к сожалению, непосредственная близость всех троих означает, что любое мобильное исследование о Себастиане должно проводиться скрытно. Отэм может удивиться, если застукает меня, гулившего картинки с нашим сексуальным ассистентом. Мама и Хейли знают, что мне нравятся мальчики, но в данном случае мама не придет в восторг, когда узнает, что объект моей нынешнего интереса — сын местного епископа.

Организованная религия — то, что в нашем доме воспринимается с не очень большой теплотой. Мой отец — еврей, но много лет не посещал Храм. Мама выросла в СПД, только чуть севернее отсюда, в Солт—Лейк—Сити, но в возрасте девятнадцати лет отказалась от церкви, после камин—аута ее младшей сестры, моей тети Эмили, в старших классах, и ее родители и церковь отвернулись от нее. Конечно, меня тогда не было, но я слышал несколько историй и вижу мамину венку на лбу, которая проступает, когда заходит речь о любом аспекте узколюбости церкви. Мама не хотела разрывать отношения со своими родителями, но, как и любой нормальной, милосердный человек, не могла оправдать отчуждение того, кого любила, из—за кучки старых правил в книге.

Тогда, вы можете спросить, почему мы здесь, живем в самом чрезвычайно—мормонском месте в мире? Так же, как ни странно, из—за мамы. Два с половиной года назад крупный супер—нагруженный софт, основанный здесь, переманил ее из Google, где она была единственным инженером—программистом женского пола и в основном отбивалась от атак всех вокруг. NextTech предложили ей место генерального директора, но вместо этого она попросила должность главного технического директора, которая шла почти с неограниченным бюджетом на развитие технологий. Сейчас ее команда разрабатывает какое—то программное обеспечение голографического 3—D моделирования для НАСА.

Для любой другой семьи с шестизначным доходом, чуть ли не экономя в Саус—Бей,

решение могло бы быть простым. Большая зарплата в месте, где прожиточный минимум может вписаться в наш крошечный шкаф в Пало—Альто? Сделано. Но из—за маминого прошлого, решение о переезде было мучительным. Я все еще помню звуки споров родителей поздними вечерами, когда предполагалось, что мы с Хейли должны были спать. Папа считал, что это возможность, от которой она не может отказываться, и та, которая будет подпитывать ее воображение. Мама согласилась — но волновалась, как это отразится на ее детях.

Точнее, она волновалась, как это отразится на *мне*. За два месяца до поступившего предложения, я признался родителям, что бисексуал. Ну, «признался» слишком сильно сказано. Своим выпускным проектом в школе мама создала не отслеживаемое программное обеспечение, которое помогало работодателям следить за тем, чем занимались их сотрудники. Оказалось, что оно настолько удобное в использовании и с приятным интерфейсом, что была разработана потребительская версия и продана чуть ли не в каждый дом Штатов с работающим компьютером. Вероятно, мне стоило сложить дважды два и догадаться, что мои родители тоже будут использовать ее в нашей домашней сети перед открытием того, что я могу просматривать порно на телефоне.

Это был неловкий разговор, но, по крайней мере, привел к компромиссу: я мог посещать определенные сайты, а они не будут отслеживать меня онлайн так долго, сколько я не буду маячить в местах, как выразилась мама, «которые дадут мне нереалистичные ожидания того, каким должен быть секс или о том, как должны выглядеть тела».

В итоге мои родители, ярые противники мормонов, переехали с дочерью—эмо и сыном — геем обратно в Страну Чудес Мормонов. Чтобы компенсировать свое чувство вины и убедиться, что я защищен любой ценой (в переводе: быть очень, очень осторожным в том, кто я есть), мои родители создали в нашем доме гейскую «пещеру гордости». Мы с Отэм проводим большую часть времени у нее в доме, а Хейли ненавидит практически всех (и никто из ее злобного клана не приходит к нам), поэтому очерки ЛГБТ, PFLAG⁵ — брошюры и радужные футболки вручались мне со спонтанными поцелуями и несменным гордым взглядом. Мама подкладывает иногда в мою наволочку наклейки на бампер, которые обнаруживаются, когда острый уголок ночью встречается с моей щекой.

«НИЧТО НЕ БУДЕТ ПРЕЖНИМ, ЕСЛИ НЕ БУДЕТ ТЕБЯ!»

«СМЕЛОСТЬ — КАЖДЫЙ ДЕНЬ БЫТЬ СОБОЙ В МИРЕ, КОТОРЫЙ ТВЕРДИТ ТЫ БУДЕШЬ БЫТЬ КЕМ—ТО ДРУГИМ»

«ЛЮБОВЬ НЕ ЗНАЕТ ГРАНИЦ».

«НОРМАЛЬНО — ЭТО ПРОСТО ШКАЛА НА СТИРАЛЬНОЙ МАШИНЕ».

Отэм находит их в разных местах на протяжении многих лет, но отмахивается от них с бормотанием, «Господи, Сан—Франциско».

Забавно думать сейчас об этом в машине, тайно пролистывая с отвисшей челюстью фотографии Себастиана, потому что я начинаю представлять, что они произносятся в моей голове его низким, мягким голосом. Даже при том, что Себастиан заговорил сегодня всего лишь три раза, этот звук все еще кружит пьяной пчелой в моей голове.

Привет, ребята.

Ох, книга выходит в июне.

Я здесь, чтобы помочь вам, когда это потребуется, поэтому пользуйтесь мной.

Я почти пропал, когда он произнес это.

Поиск по сети не дает мне ничего, что я уже бы не знал. Большинство результатов по

«Себастиан Бразер» — снимки из стейкхауса в Омахе, ссылки на статьи о Семинаре, или объявления о книге Себастиана.

Google — картинки, вот где я срываю джек — пот. Там есть снимки, где он играет в бейсбол и футбол (да, сохраню эту), и несколько с его интервью местным газетам. Когда я нажимаю на них, его ответы немного рассказывают о нем — они кажутся довольно механическими — но он в галстук на большинстве снимков, а в сочетании с его волосами? Я уже готов завести папку с порно коллекцией Себастиана Бразера.

Серьезно, он — самый сексуальный парень, которого я когда — либо видел лично.

Facebook — тупик. Аккаунт Себастиана заблокирован (естественно), поэтому я не только не могу посмотреть его фотки, но и не могу узнать его семейный статус. Не то, чтобы меня это волнует, или будет волновать через несколько дней. Он — красавчик — мормон. Эта вспышка безумного увлечения ни к чему интересному не приведет. Я не позволю — мы по разные стороны очень толстого забора.

Закрываю все окна браузера в своем телефоне, пока не пал жертвой самой худшей из возможных преследований в соцсетях: бесполезной охоты на его Snapchat или Instagram. Даже сама идея наткнуться на сэлфи сонного, полуголого Себастиана наносит ущерб моей нервной системе.

В торговом центре мы с Отэм следуем за мамой, пока она петляет между стоек в мужском отделе Nordstrom. Я — скучающая марионетка в их руках. Мама приводит меня к столу с футболками, прикладывая несколько к моей груди. Она сощуривается, спрашивает мнение Отэм, и обе женщины совещаются, перед тем как молча отвергнуть большинство из них. Я никак не комментирую. Я знаю, как все это работает.

Моя сестра где — то покупает сама себе вещи, предоставляя нам приятную передышку от ее постоянной нужды препираться с нами. Мама и Отэм поладили, и когда они вместе, я получаю передышку от обязанности уделять внимание тому, кто и о чем говорит; они развлекают друг друга сами.

Мама прикладывает ужасную футболку с темой Вестерна к моей груди.

Я не могу позволить вот этому проскользнуть.

— Нет.

Она игнорирует меня и смотрит на реакцию Отэм. Но Отти в команде Таннера, и морщит свой нос от отвращения.

Повесив обратно футболку, мама спрашивает ее:

— Как тебе расписание в этом семестре?

— Мне нравится, — Отти протягивает маме голубую рубашку на пуговицах и с короткими рукавами от RVCA. Я тайно показываю ей большие пальцы. — Мне, возможно, стоит сменить Современную литературу на Шекспира, и математический анализ, наверняка, сведет меня в могилу, но в остальном — все хорошо.

— Уверенна, Таннер с радостью поможет тебе с мат анализом, — говорит мама, и я чувствую, как Отэм закатывает на это глаза. — А как у тебя, милый?

Я прислоняюсь к стойке, скрещивая руки поверх серебряной перекладины.

— Я добавил биологию после ланча и теперь засыпаю на последнем уроке.

Мамины волосы гладкие и собраны в хвостик, и она сменила свою рабочую одежду на джинсы и свитер. В таком образе она выглядит моложе, и если бы Хейли бросила свои штучки в стиле Уэнзди Аддамс⁶, они бы с мамой были похожи на сестер.

И как по сигналу, Хейли материализуется позади меня, сбрасывая огромную кучу

черной ткани в руки мамы.

— Мне не понравились ни одни штаны, но эти футболки — клевые, — говорит она. — Мы можем сходить поесть? С голоду умираю.

Мама смотрит вниз на груз в своих руках. Я вижу, как она мысленно отсчитывает до десяти. Сколько я помню, наши родители призывали нас быть самими собой. Когда я начал сомневаться в своей ориентации, они сказали, что их любовь ко мне не зависит от того, куда я пихаю свой член.

Ладно, они использовали не эти конкретные слова. Мне просто нравится так говорить.

В прошлом году, когда моя сестра решила, что хочет походить на труп, они прикусили языки и поощряли ее выражать себя, как ей того хотелось. Наши родители — святые, когда дело касается терпения, но у меня такое ощущение, что это терпение истончается.

— Три футболки, — мама возвращает все обратно Хейли. — Я говорила тебе три футболки и две пары штанов. У тебя уже с десятков черных футболок. Тебе не нужно еще столько же, — она поворачивается обратно ко мне, пресекая возражения Хейли. — Так значит, биология вызывает у тебя сонливость. Что еще?

— Отти стоит остаться на Современной литературе. Это будет самая легкая пятерка.

— Ох. Наш ассистент на Семинаре — супер — красавчик, — сообщает ей Отэм.

Как будто переходя в какой-то защитный режим, мама скользит взглядом от меня к Отти.

— Кто он?

Отэм издает душераздирающий звук.

— Себастиан Бразер.

У нас за спинами стонет моя сестра, и мы оборачиваемся в ожидании неизбежного.

— Его сестра Лиззи учится в моем классе. Она всегда такая *счастливая*.

Я усмехаюсь на это.

— Жуть, да?

— Таннер, — предупреждает мама.

Моя сестра толкает меня в плечо.

— Заткнись, Таннер.

— *Хейли*.

Отэм пытается заговорить нас, переводя тему на текущую:

— Себастиан ходил на занятия в прошлом году. Видимо, эта книга действительно замечательная.

Мама протягивает мне футболку с узором «огурец», которая настолько ужасная, что я даже признавать ее не хочу. Она снова толкает ей в мою грудь, одаривая меня «маминым лицом».

— Ох, он же продал ее, так ведь? — спрашивает она у Отэм.

Отэм кивает.

— Надеюсь, по ней снимут фильм с ним же в главной роли. У него такие мягкие волосы, а его улыбка... *боже*.

— Он мальчик с румяными щечками, — говорю я до того как успеваю лучше подумать об этом.

Мама напрягается рядом со мной. Но Отти, кажется, не слышит ничего странного в том, что я сказал.

— Абсолютно точно.

Мама вешает футболку обратно и натянуто смеется.

— Это может стать проблемой.

Она смотрит на Отэм, когда произносит это, но я знаю, без сомнений, что она адресует это мне.

***

Мой интерес к заметным чертам Себастиана Бразера не уменьшился к уроку в пятницу. Впервые после моего переезда сюда, я изо всех сил стараюсь быть менее заметным. Если бы это была ассистент— женщина, которая бы привлекала меня, то это не было бы таким уж большим делом, для того, кто случайно поймает мой пристальный взгляд. Но сейчас рядом с ним, я не могу. И эта попытка разыгрывать безразличие откровенно утомительна. Фуджита и Себастиан ходят кругами по классу, пока мы набрасываем идеи любой основы, которая нам подойдет — наброски, случайные предложения, песни, картинки — а я в основном машинально рисую спираль на своем листе просто, чтобы не следить за его передвижениями. Отэм рядом со мной, отстукивает, кажется, тысячи слов в минуту на своем ноутбуке без передышки, это и отвлекает и сводит с ума. У меня какое— то иррациональное чувство, что она вытягивает всю мою творческую энергию. Но когда я встаю, чтобы пересесть в другую часть класса хоть для какого— то пространства, я чуть не сталкиваюсь с Себастианом.

Грудь— к— груди, мы смотрим друг на друга несколько секунд, перед тем как синхронно отступить назад.

— Прости, — произношу я.

— Нет, нет, это все я, — его голос одновременно и тихий и низкий, и ему присущ какой— то гипнотический ритм. Интересно, он будет когда— нибудь давать проповеди этим голосом, будет ли выносить осуждение этим голосом.

— Фуджита сказал, что я должен работать с тобой более тесно, — говорит он, и сейчас я осознаю, что он шел, чтобы поговорить со мной. Выскочивший румянец жаром расцветает на его щеках. — Он сказал, что ты, похоже, эм, немного отстаешь на стадии построения сюжета, и мы должны решить эту проблему вместе.

Защитная реакция и нервная энергия создают странную смесь внутри моих жил. Прошло только три занятия, и я уже отстаю? И слышу это от *него*? От этого застегнутого на все пуговицы религиозного фанатика, которого не могу выкинуть из своей головы? Я смеюсь, слишком громко.

— Все в порядке. Серьезно, я нагоню за эти выходные. Я не хочу, чтобы тебе пришлось тратить время...

— Я не против, Таннер, — он сглатывает, и я замечаю, впервые, какое длинное у него горло, и насколько гладкое.

Мое сердце стучит отбойным молотком. Я не хочу, чтобы он так влиял на меня.

— Мне нужно разложить все это в своей голове, — говорю я, а затем протискиваюсь мимо него, убитый.

Я ожидал, что Себастиан станет коротким увлечением, единственной ночью фантазий и все. Но даже наблюдение за его передвижениями по классу потрясает меня. А нахождение так близко к нему доводит до удушливой паники. Он владеет пространством, которое занимает, но не потому, что он внушительный качок или какой— то истекающий кровью мачо. Свет, кажется, улавливает его черты как— то иначе, чем у всех нас.

Отэм следует за мной несколькими минутами позже, укладывая ладонь на мою руку.

— Ты в порядке?

Определенно нет.

— В полном.

— Тебе не стоит волноваться из— за того, насколько все остальные ушли вперед.

Я смеюсь, возвращаясь к другому стрессу: роману.

— Вау, спасибо, Отти.

Она стонет, роняя свою голову на мою руку, тоже засмеявшись.

— Я не в том смысле.

Когда бросаю взгляд в сторону, я замечаю, как Себастиан только что отвел взгляд от нас. Отти тянется и целует меня в щеку.

— Все еще собираешься на день рождение Мэнни?

Лазертаг⁷, чтобы отметить восемнадцатилетие. Такое только в Юте, боже.

— Не знаю, — мне нравится Мэнни, но со всей честностью, я всего лишь человек. Я не перенесу столько вечеров в Лазертаг.

— Да ладно тебе, Тан. Там будет Эрик. Мне нужен кто— то для компании, чтобы не выглядеть нелепо перед ним.

Школа — это какой— то кровосмесительный маленький бассейн. У Отэм что— то к Эрику, который сохнет по Рейчел, сестре девочки, которую я поцеловал на балу в прошлом году, и которая, я уверен точно, встречается с братом лучшей подруги Хейли. Собрать практически всех здесь, это как вторая база в шестой степени.

Но не похоже, что здесь есть что— то лучшее, чем можно было бы заняться.

***

Звуки музыки и электронных звонов просачиваются сквозь двойные двери Fat Cats. Парковка забита. Если бы это был любой другой город, я, быть может, и удивился, но сейчас вечер пятницы; мини— гольф, лазертаг и мерцающий— в— темноте боулинг — настолько же дико, как это и называется.

Отэм рядом со мной, и свет от ее телефона освещает ее профиль, пока она усиленно печатает и идет по подмороженному тротуару в одно и то же время.

В тот год, когда мы переехали сюда, семейство Скотт поехало на папином Приусе в Вегас на свадьбу моей тети Эмили и ее девушки Шивани. У нас с Хейли были глаза размером с блюда все выходные: электронные билборды, стрип— клубы и обнаженная кожа... повсюду были представления, куда бы мы ни посмотрели.

Здесь же, помимо очевидных различий, например, огромного размера и снующих повсюду скудно— одетых официанток, было того же рода безумие в воздухе. Fat Cats — как Вегас для детей и трезвенников. Посетители с безумными взорами скользят жетоном за жетоном в мерцающие машины в надежде выиграть что— то, *что угодно*.

Я замечаю стайку людей, которых знаю по школе. Джек Торн играет в, я уверен, зажигательную игру Skee— Ball с лентой билетиков, спускающейся на пол к него ногам. Футболист — Дейв играет в пинбол с Клайвом, а футбольный мяч предсказуемо зажат у него между ног. Сам же именинник, наш друг Мэнни Лавеа страдает фигней с парочкой своих братьев недалеко от ряда столов в дальней части, но к огорчению Отэм: нет намека на Эрика.

Я изучаю силуэты перед собой на огромном экране, который подвешен над дорожками боулинга — простите, «Аллеями Грома» — прежде чем сдаться.

— Ты ему пишешь? — спрашиваю Отэм, бросая взгляд сверху— вниз на нее, напряженно вглядывающуюся в свой телефон.

— Нет.

— Тогда что тебя заставило приклеиться к своему телефону сегодня вечером? Ты едва ли отвлекаешься.

— Просто набираю несколько заметок, — отвечает она, берет меня за руку и проводит мимо стойки выкупа билетов прямо к столам. — Для книги. Ну, понимаешь, случайные мысли, которые всплывают у меня в голове или кусочки диалогов. Это хороший способ фиксировать все. Фуджита ждет чего—нибудь к понедельнику.

Стресс сдавливает мое нутро, и я меняю тему.

— Да ладно тебе, Отти. Дай мне выиграть для тебя что—нибудь.

Я выигрываю для нее гигантского тигра, который, я с горечью осознаю, вскоре окажется на свалке, и мы возвращаемся обратно на вечеринку, когда туда приносят еду. Изможденная женщина по имени Лиз пытается привести вечеринку к кому—то виду порядка, перед тем как сдаться и опустить поднос с овощами и соусом в центр стола. Честно говоря, мы были здесь столько раз, что Лиз могла бы пойти и скурить пачку сигарет, и с нами было бы все нормально на протяжении вечера.

Эрик находит нас, когда мама Мэнни раздает бумажные тарелки, и вся наша группа — в общей сложности двадцать человек — встает в очередь по обе стороны от длинных столов. Здесь есть обычная недорогая и плохая пицца и Спрайт, но я спасаю себя несколькими блюдами, которые его мама приготовила сама. Семья Мэнни из Тонга, и когда я только переехал сюда в десятом классе из разнообразной страны чудес Саус—Бей, было таким облегчением обнаружить смуглого человека в улыбающемся море белых лиц. Из— за миссионерских усилий на Гавайях и других островах Тихого океана, в Юте на удивление большое количество полинезийцев. Мэнни и его семья не исключение, но они среди семей — мормонов, которые не держат все в себе. Мэнни большой и забавный и чуть ли не всегда улыбается. Я бы увлекся им, если бы это не было столь очевидной тратой времени: он — яростный гетеросексуал. Я бы отдал каждый цент, что у меня есть, и поспорил бы, что Мэнни не будет девственником, когда женится.

Я останавливаюсь рядом с Отэм, открываю рот, чтобы подразнить ее из— за того, что у нее только одна хлебная палочка на тарелке, но все слова вылетают из моей головы. Себастиан Бразер стоит напротив, разговаривая с двумя братьями Мэнни. Мой пульс срывается в стремительный галоп.

Я не знал, что он будет здесь.

Отти тянет нас к скамейке, чтобы сесть на нее, и отвлеченно попивает воду из стаканчика. Сейчас, при ближайшем рассмотрении, я замечаю, что она приложила больше усилий к своему внешнему виду: Она выпрямила волосы. Она нанесла липкий, сверкающий блеск. Я абсолютно уверен, что на ней новая рубашка.

— Почему ты не ешь? — спрашиваю я, раскатывая салфетку с пластиковыми приборами.

В попытке доказать, что она не смотрит на Эрика, она фотографирует свою еду, рассматривает свое творение, а затем печатает что—то, прежде чем повернуть телефон ко мне. Это снимок ее хлебной палочки на простой, белой бумажной тарелке с надписью

«ужин» под ней.

Серьезно.

— Пицца выглядит жирной, а все остальное — странное, — отвечает она, указывая на мою собственную тарелку. — В этом салате сырая рыба.

Я снова поднимаю взгляд и незаметно бросаю его поверх плеча Отэм, чтобы увидеть, что Себастиан пересел за стол рядом с нами. На скамейке рядом с ним рюкзак. Меня внезапно одолевает мысль, где он был. В школе? В библиотеке? Живет ли он в кампусе УБЯ? Или дома со своими родителями?

Возвращаю внимание своей еде.

— Это тот же севиче, что у тебя был в том месте в городском парке. Тебе понравилось.

— Не помню, чтобы мне понравилось, — Отэм тянется вилкой через стол, чтобы все равно украсть кусочек. — Кстати, ты видел, кто здесь?

Можно подумать, я мог пропустить.

Эрик и Отэм перебрасываются какой-то незначительной болтовней, и хотя я не совсем вслушиваюсь, я все равно уделяю достаточно внимания, чтобы заметить вспышки неловкости каждые несколько секунд. Любой бы заметил. Отэм смеется слишком громко. Молчание затягивается, а затем разрывается, когда они одновременно заговаривают. Возможно, Эрику она тоже нравится, и это объясняет, почему они оба ведут себя, как пара малолеток. Разве это плохо, что я чувствую облегчение, что она увлеклась им, даже если это будет сокрушительно и повлияет на всех нас? Моя дружба с Отти значит очень много для меня, и я не хочу, чтобы между нами были какие-то остаточные романтические крохи. Если все может вернуться к нормальному насовсем, может, я смогу в итоге рассказать ей о себе.

Возможно, у меня появится тот, с кем я смогу обсудить эту дилемму с Себастианом.

И с этим, кошачьи ушки моих мыслей вернулись обратно, сосредоточившись за моей спиной. Как будто само присутствие Себастиана вибрирует. Я хочу знать, где он находится каждую секунду. Я хочу, чтобы он заметил меня.

Этот план безвременно сорван, когда Мэнни тащит нашу группу к арене лазертаг. Я нехотя иду, следуя за ними в комнату для инструктажа, где мы ожидаем дальнейших действий.

Отэм решила смотреть из наблюдательной зоны в соседней комнате, поэтому я стою с Эриком, задаваясь вопросом — есть ли способ ускользнуть незамеченным до начала игры. Но когда я смещаюсь к двери, то замечаю Себастиана и брата Мэнни Кола, входящих на площадку. Я чуть не давлюсь своей жвачкой.

Я даже не притворяюсь, что слушаю, когда приходит инструктор. Я не в состоянии оторвать взгляда от Себастиана и того, как его челюсть, его волосы и его лицо выглядят в этом освещении. Ему, должно быть, тоже тяжело уделять внимание, потому что его взгляд обводит помещение и встречается с моим.

Одну,

две

три секунды,

он смотрит на меня.

Узнавание мелькает на его лице, и когда он улыбается, мой желудок скручивает, как будто пол рухнет под моими ногами.

Спасите меня.

Я улыбаюсь в ответ, в шатком раздразе.

— Меня зовут Тони, и я ваш ведущий в игре, — произносит инструктор. Я моргаю, заставляя себя посмотреть вперед. — Вы уже выбрали капитанов двух команд? — когда никто не изъявляет желания, он указывает туда, где на периферии стоят Себастиан и Кол и жестом показывает нам следовать за ним в помещение для снаряжения.

Каким— то образом в процессе перетасовки, Эрик сматывается в конец очереди, и я оказываю прямо рядом с Себастианом. Господь, благослови Эрика. С каждой стороны помещения ряды с жилетами с блоками питания. Тони объясняет нам, как надеть и закрепить их спереди, подражая действиям стюардессы, которая готовит нас ко взлету.

— Снимаете бластер с зарядной станции и нажимаете на курок, — говорит он. — Вы увидите кодовое имя на светодиодном экране. Все увидели свои?

Я делаю, как он сказал и имя «Патриот» мигает на маленьком экране. Тайно подсматриваю у Себастиана — «Сержант Синих».

— Запомните это имя. По ним будут размещаться ваши очки на таблице снаружи, после игры. Чтобы набрать очки и выиграть, вам нужно снимать противников из другой команды. Вы должны сделать это в одном из шести мест, — Тони тянется за рукавом Мэнни и тянет его к себе. — Вот сюда вы должны целиться, — говорит он, медленно указывая пальцем на каждый светящийся блок, прикрепленный к жилету.

— Если вас ранят в плечо или спину, ваше снаряжение вспыхнет, и попадание будет засчитано. Получаете ранение в грудь, ваше снаряжение вспыхивает, но бластер блокируется. Вас по—прежнему могут попасть, но вы не сможете отстреливаться в ответ. Вы будете легкой добычей, пока не доберетесь до своей базы или не найдете место, чтобы спрятаться, пока ваше оружие не заработает снова.

Он отпускает Мэнни и осматривает помещение.

— На арене будет играть две команды, и жилеты каждой команды будут подсвечены конкретным цветом, — указывая на жилет Кола, он произносит, — Красная команда, — а затем указывает на Себастиана. — Синяя команда. Стреляйте в любой цвет, только не в свой. Базы каждой команды соответствуют вашим цветам, и вы будете получать по три очка за попадание и уничтожение ваших противников.

Рядом со мной переступает Себастиан, и я замечаю, как он коротко смотрит в мою сторону, его взгляд падает на мои ноги, а затем обратно вверх. Мурашки проносятся по моей коже.

— Сейчас, до начала битвы, — произносит Тони, — несколько правил. Не врезаться: вы можете столкнуться с кем—то или чем—то. Не лежать на полу. На вас наступят. Никакого физического контакта любого рода, и это включает поцелуи в темноте. Мы вас видим.

Я кашляю, а Себастиан переступает снова рядом со мной.

Тони заканчивает, предупреждая нас о драке оружием или — упаси бог — ненормативной лексике, и приходит время начинать.

Раздевалка тускло—освещена, но мне все равно нужно мгновение, чтобы привыкнуть к темноте на площадке. Наши команды рассредоточиваются вдоль стен, от чего те выглядят, будто из неоновой кирпичики, и я замечаю нашу базу в центре. Мрачные огни подсвечивают декорации, от чего трудно разобрать все остальное. Звуки включения питания бластеров раздаются один за другим, волной по помещению, и начинается отсчет.

Пять...

Четыре...

Три...

Два...

Один...

Сирена пронзает воздух. Я оббегаю одну стену, затем другую. Так темно, что я едва вижу, но секции и периметр помещения помечены неоновой краской или полосками цветных огоньков. Зеленый танк, кажется, сияет в углу, и я замечаю вспышку красного, резкое движение перед ним.

Я стреляю, и жилет пульсирует красным, регистрируя попадание. Мой собственный жилет мигает, когда в меня попадают из— за угла.

— Попадание в цель, — говорит мой пистолет, и значит попали в плечо, потому что когда кто— то быстро движется у стены, я все еще способен стрелять, взрывая его сенсор на груди и гарантируя бесполезность его оружия.

Двое других игроков наступают с противоположных сторон, а я разворачиваюсь и убегаю, несусь к базе. Здесь жарко, абсолютно никакого движения воздуха. Пот скатывается по тыльной стороне моей шеи; пульс зашкаливает. Музыка и звуковые эффекты пульсируют над головой, и если я закрою глаза, то будет достаточно легко притвориться, что все мы на вечеринке, а не носимся по темной арене, стреляя друг в друга пластиковыми лазерными пушками. Я снимаю еще двоих игроков и выдаю серию скорострельных попаданий по базе красной команды, когда в меня снова попадают, на этот раз в спину.

Возвращая свои шаги туда, откуда пришел, я сталкиваюсь с Эриком.

— Там двое рядом с танком, — говорит он. — Они просто сидят и ждут, когда кто— то пробежит.

Я киваю, в состоянии разглядеть его только по белой футболке и датчикам на его жилете.

— Я пойду в обход, — перекрикиваю музыку. — Попытайся добраться до них с тыла.

Эрик хлопает меня по плечу, и я несусь вокруг секции.

Арена представляет собой двухуровневый лабиринт, с рампами, на которые можно запрыгнуть, чтобы избежать огня или забраться повыше для лучшего выстрела.

— Попадание в цель. Попадание в цель. Попадание в цель, — регистрирует мой пистолет, и мой жилет загорается. Шаги ускоряются позади меня. Когда я поднимаю пистолет, чтобы отстреливаться в ответ, ничего не выходит. Мне попали в грудь. Я оглядываюсь, в поисках базы своей команды или места для укрытия, когда чувствую, как в меня врезается тело, кто бы это ни был, он утягивает меня в небольшой закуток как раз в тот момент, когда Кол и один из его команды пробегают мимо.

— Черт...спасибо, — произношу я, вытирая предплечьем свой лоб.

— Не за что.

Мой пульс сбивается. Я почти забыл, что Себастиан здесь. Он выдыхает, переводя дыхание, и дрожь жаром пробегается вверх по моему позвоночнику.

Слишком громко для разговоров, и мы слишком близко, чтобы я обернулся и посмотрел на него, не сделав момент странным, слишком интимным. Поэтому я стою, как вкопанный, пока мой мозг выходит из строя.

Он держит меня за жилет, и моя спина плотно прижимается к его переду. Это длится меньше десяти секунд — время необходимое, чтобы разблокировался мой пистолет — но, клянусь, я ощущаю каждую проходящую секунду. Мое дыхание звучит громко в ушах. Я чувствую свой пульс, даже сквозь музыку. Я так же чувствую дыхание Себастиана, горячее

напротив моего уха. Мои пальцы чешутся от желания потянуться назад и прикоснуться к его лицу, чтобы ощутить покраснел ли он, здесь, в темноте.

Я хочу оставаться в этом темном углу вечность, но чувствую, как оживает пистолет в моей руке. Он не ждет, хватая меня сбоку за жилет, перед тем как оттолкнуть и прокричать, чтобы я следовал за ним к красной базе. Эрик огибает угол, мы несемся по полу и огибаем секцию.

— Огонь! Огонь! — кричит Себастиан, и мы синхронно стреляем. Требуется всего несколько взрывов, перед тем как база вспыхивает красным, и записанный голос звучит над головами.

— Красная база уничтожена. Конец игры.

Глава 4.

Впервые за всю свою школьную жизнь мне не нужно расписание, приклеенное на шкафчике наклейками— динозаврами, чтобы знать, где я должен быть. На прошлой первой неделе, Семинар Фуджиты был в понедельник, среду и пятницу. На этой неделе — вторник и четверг. Такой вариант довольно стабилен до конца года.

Я вижу три варианта событий:

Первое: я могу полюбить Пн, Ср и Пт — недели потому, что будет три шанса увидеть Себастиана.

Второе: я могу возненавидеть Пн, Ср, и Пт— недели потому, что будет три шанса увидеть Себастиана, но он будет посещать только одно занятие, не смотря ни на что.

Третье: я могу возненавидеть Пн, Ср и Пт — недели потому, что будет три шанса увидеть Себастиана, и он постоянно будет там, но не уделяя мне внимания.

В этом последнем случае я становлюсь все возмущеннее, потому что, похоже, не могу скинуть себя эту влюбленность в этого несгибаемого мормона, утопиться в картошке с сыром и соусом, нарастить мужества, не сдавать дерьмовую работу на занятиях и не упустить прием в колледж другого штата моей мечты.

— О чем ты думаешь? — Отэм появляется за моей спиной, упираясь подбородком в мое плечо.

— Ни о чем, — я захопываю свой шкафчик, застегивая молнию рюкзака. Но в действительности, мне кажется не справедливым считать Себастиана несгибаемым мормоном. Не знаю, как объяснить, но он, кажется, намного больше этого.

Она рычит от легкого раздражения и разворачивается, чтобы пойти дальше по коридору на Семинар.

Я догоняю ее, уворачиваясь от группы младшекласников, играющих в гонки на закорках по коридору. Она хорошо научила меня, и я отбиваю ей встречный вопрос.

— О чем *ты* думаешь? — по крайней мере, ее замысловатый ответ отвлечет меня от собственной спирали безумия.

Отэм закидывает свою руку в мою.

— Мне интересно как дела с твоим аутлайном⁸

Ах, точно, мой аутлайн. Схема с пресловутым перекаати— поле, катящимся по тундре.

— Нормально.

Раз...два...три...

— Хочешь я взгляну, перед тем как мы зайдем?

Я ухмыляюсь.

— Нет, Отти, все в порядке.

Она останавливается прямо напротив кабинета.

— Ты его закончил?

— Что закончил?

По трепету ее ноздрей я понимаю, что моя лучшая подруга представляет меня мертвым и истекающим кровью на полу.

— Аутлайн.

Мысленная картинка выскакивает в моей голове — документ Word с двумя одинокими строчками, которые я не осмелился бы показать ни единой душе: *Наполовину еврей, наполовину гей подросток, переехавший в кишачий мормонами город. Он с нетерпением ждет, когда уедет.*

— Нет.

— Думаешь, сможешь?

Я предлагаю ей в ответ одну выгнутую бровь.

Это только наше четвертое занятие и, несмотря на священный авторитет этого кабинета, мы уже, похоже, нашли ритм, определенный комфорт в поведении хулиганов, пока не появился Фуджита. Футболист— Дейв со своим неизменным футбольным мячом пинает его попеременно ногами, пока Буррито— Дейв отсчитывает количество раз, которые он выполнит, не уронив его на пол. Джули и Маккена громко обсуждают выпускной, а Ашер делает вид, что не замечает (МакАшер — имя их пары — бывшая парочка, и его неумелый разрыв с ней оставил нам богатство для зрелищной подпитки). Отэм не отстает от меня с желанием посмотреть мой аутлайн — помните: собака с костью — а я отвлекаю ее игрой в «камень— ножницы— бумагу», потому что глубоко внутри нам обоим все еще по десять лет.

Тишина опускается на помещение, и я поднимаю взгляд, ожидая увидеть Фуджиту, но входит Себастиан с папкой в руке. Эффект от встречи с ним, как скрежет иголки по одной из папиных старых пластинок в моей голове, и я выбрасываю Отэм какой— то неизвестный знак рукой, который очень примерно напоминает коготь птицы.

Она щипает меня за руку.

— Камень бьет все, чем бы это ни было.

— Как дела, ребята, — произнес он, засмеявшись и положив папку на стол.

Единственный человек, не обративший сильного внимания на него, — Отэм, которая готовилась продолжить игру. Но я вернулся туда, на лазертаг арену с Себастианом, прижимающимся ко мне. Он оценивает класс своим спокойным, отстраненным взглядом.

— Вам не обязательно замолкать, когда я вхожу.

Маккена и Джули предпринимают несмелую попытку вернуться к своему разговору, но трудно тайно сплетничать, когда все вокруг молчат, и это так же трудно в присутствии Себастиана. Он такой... *настоящий*. Он красивый, конечно, но еще он обладает той аурой доброты вокруг, как будто по— настоящему хороший человек. Это одно из тех вещей, о которых можно сказать на расстоянии. Он улыбается всем, обладает тем, что моя мама, уверен, назвала бы «великолепной осанкой», и я готов поспорить на все деньги на своем сберегательном счету, что он никогда не произносил — даже мысленно — мое любимое слово на букву «Б».

Ужасная мысль озаряет мою голову, и я поворачиваюсь к Отэм.

— Как ты думаешь, он носит пижаму с Иисусом?

Если она и считает странным, что я спрашиваю у нее, какое храмовое белье носит Себастиан, — скромное белье из футболки и шорт, которое носит большинство взрослых правоверных мормонов, — то не показывает этого.

— Ты наденешь свой покров, когда получишь право на дарение.

— Сделаю *что*? — маме нужно лучше стараться в образовании своих детей.

Она вздыхает.

— Пока они не пройдут через свой Храм.

Я пытаюсь говорить небрежнее, как будто просто болтаю.

— Так значит, он еще не ходил в Храм?

— Сомневаюсь, но откуда мне знать? — она нагибается, чтобы порыться в своем рюкзаке.

Я киваю, хотя это не совсем помогло мне. Я не могу спросить у мамы, потому что она захочет знать, зачем я спрашиваю.

Отти выпрямляется, сжимая заново заточенный карандаш.

— Он пройдет через Храм, когда будет жениться или соберется на миссию.

Я постукиваю ручкой по своей губе, сканируя пространство, как будто слушаю ее в пол — уха.

— Аа.

— Сомневаюсь, что он женат, — сообщает она теперь с большим интересом, кивая туда, где он стоит.

Он что— то читает в передней части кабинета, и на секунду я лишаяюсь дара речи от намек на то, что он *мог бы* быть женат. Кажется, ему девятнадцать.

— Он не носит кольцо, — продолжает она. — И разве он не отложил свою миссию из— за выпуска книги?

— Разве?

Она смотрит на него, а затем снова на меня. На него, затем на меня.

— Не улавливаю, что ты пытаешься мне сказать.

— Он *здесь*, — говорит она. — Ты уезжаешь на свою миссию — на два года — обычно после школы или где— то в это время.

— Так он не носит храмовое белье?

— Господи, Таннер! Тебя действительно волнует, какое белье он носит? Давай лучше поговорим о твоём чертовом аутлайне!

Знаете такие моменты? Те, когда девушка орет на все кафе: «У меня месячные!» или парень кричит: «Я думал, что это был пук, но, похоже, наложил в свои штаны!» и все остальное окружение замолкает? Это происходит. Прямо сейчас. Где— то между «*так он не носит храмовое белье*» и «*Господи Таннер*» Фуджита входит в класс, и все, кроме нас с Отэм замолкают.

Фуджита усмехается, качая из— за нас головой.

— Отэм, — говорит он не зло. — Уверяю, ничье мужское белье не настолько интересно, как ты надеешься.

Все смеются, в восторге от позора третьего уровня. Она открывает свой рот, чтобы возразить ему, объяснить, что это я спрашивал о нижнем белье, но как только Фуджита соглашается, что «да, давайте обсудим наши аутлайны» возможность уходит. Меня отталкивает инертно влево, когда Отэм сильно бьет меня по правой руке, но я отвлечен, задаюсь вопросом, что *он* думает обо всем этом разговоре. По своей собственной воле, мои

глаза смещаются к Себастиану как раз в тот момент, когда его взгляд стреляет в другую сторону.

Его щеки в пятнах неотразимого розового цвета.

Фуджита вынуждает нас достать наши аутлайны, и клянусь, такое ощущение, что все раскатывают такие длинные, огромные, очень подробные манускрипты. Раздается тихий стук, когда Отэм достает перевязанную пачку бумаги и бросает ее на стол перед собой. Я даже не удосуживаюсь открыть свой ноутбук ради двух схематичных предложений моего аутлайна. Вместо этого я достаю пустую тетрадь на спирали и постукиваю ей по столу с усердным видом.

— Таннер, хочешь начать? — обращается Фуджита, его внимание было привлечено шумом, который я создал.

— Эм, — я опускаю взгляд. Только Отэм может сказать, что страница, которую я читаю, пустая. — Я все еще работаю над общей идеей...

— Это нормально! — восклицает Фуджита, кивая, как маяк восторженной поддержки.

— ...но я думаю, что это будет...роман о взрослении парня... — я не произношу «гея» — который переезжает в, эм, довольно религиозный город из большого города и...

— Замечательно! Замечательно. Все еще формируешь, я понимаю. Тебе стоит сесть с Себастианом, обсудить это, да? — Фуджита уже кивает мне, как будто это я предложил. Не могу сказать, спасает он меня или наказывает. Он поворачивается, сканирует класс. — Кто еще хочет поделиться своим аутлайном?

Руки всех взлетают вверх, кроме Отэм. Что интересно, учитывая, что ее аутлайн, наверняка, самый подробный. Она работала над ним приблизительно год. Но и еще она моя лучшая подруга, и в данном случае, я не сомневаюсь, что она спасает меня; если бы она прошла по своему, после невнятного бубнежа, что выдал я, я бы выглядел еще хуже.

Класс разбивается на небольшие группы, и мы перекидываемся идеями, помогаем друг другу построить наши сюжетные арки. Я вынужден работать с Джули и Маккеной, и поскольку книга Маккены о девушке, которую бросают, и она превращается в ведьму и требует отмщения у своего бывшего, мы проводим около десяти минут над обсуждением самой книги, перед тем как перейти на большее рассмотрение выпускного и разрыва МакАшера.

Это настолько скучно, что я отталкиваю свое кресло от них и сгибаюсь над бумагой, надеясь, что меня поразит вдохновение.

Я пишу одно и то же слово снова и снова:

ПРОВО.

ПРОВО.

ПРОВО.

Это одновременно странное место и распространенное. Будучи венгерского и шведского происхождения, я не обладаю какими— то чертами, которые нигде в стране, практически не кричали бы «*другой*» — но в Прово, темных волос и темных глаз достаточно, чтобы я выделялся. Там, в Саус— Бей, большинство людей больше не белые центральной Америки, и стать мормоном — не дар, вот совсем. А еще? Никому там, дома, не приходилось объяснять, что значит быть бисексуалом. Я понял с тринадцати лет, что увлекаюсь мальчиками. Но до этого я знал, что, вероятно, и по девочкам тоже.

Мои слова медленно трансформируются, превращаясь в кое— что другое, лицо, мысль.
Я ДАЖЕ НЕ ЗНАЮ ТЕБЯ.

ТАК ПОЧЕМУ У МЕНЯ ТАКОЕ ОЩУЩЕНИЕ, ЧТО
Я, ВОЗМОЖНО, ЛЮБЛЮ ТЕБЯ?
(НО ТОЛЬКО НЕМНОЖКО)

Я оглядываюсь через плечо, переживая, что Отэм может поймать меня на использовании нашей фразы, когда я думаю о чем— то другом — о *ком*— *то* другом — но мое дыхание сбивается вполтину, когда я замечаю его, стоящего позади меня и читающего через мое плечо.

Порозовевшие щеки, неуверенная улыбка.

— Как дела с аутлайном?

Я пожимаю плечами, скользя ладонью по четырем строфам помешательства на бумаге.

— У меня такое ощущение, что все далеко впереди, — мой голос дрожит. — Я даже не ожидал, что нужен аутлайн до того, как начал. Я в некотором роде предполагал, что мы сделаем это *здесь*.

Себастиан кивает. Склонившись ниже, он тихо произносит:

— У меня не было аутлайна несколько недель.

Гусиная кожа покалывает мои руки. Он так сильно пахнет *парнем* — намеком дезодоранта и той трудноопределимой мужественностью.

— Не было? — переспрашиваю я.

Он выпрямляется, качая головой.

— Нет. Я пришел без малейшей идеи о том, что буду писать.

— Но в итоге ты написал нечто блистательное, судя по всему, — я указываю на свою в большей степени пустую страницу. — Я не рассчитываю, что молния ударит дважды в этом классе за два года.

— Никогда не знаешь, — говорит он, а затем улыбается. — Я чувствовал присутствие Духа со мной, пока писал. Я ощущал вдохновение. Никогда не знаешь, что призовет тебя. Просто будь открыт для этого, и оно придет.

Он разворачивается, удаляясь к следующей группе, а я остаюсь полностью растерянным.

Себастиан знает — *должен* знать — что я увлечен им. Мой взгляд беспомощно скачет по его лицу, его шее, его груди, его джинсам, где бы он ни был в кабинете. Он прочитал, что я написал? Осознает ли он, что в тот момент *он* был моим вдохновением? Тогда зачем было добавлять упоминание о Духе?

Со мной играют?

Отэм перехватывает мой взгляд через весь кабинет, беззвучно спрашивая, «*Что?*», потому что, уверен, я выгляжу так, будто изо всех сил пытаюсь выполнить какой— то сложный математический расчет в своей голове. Я встряхиваю головой и убираю руку, снова раскрывая свои слова на странице.

Что— то загорается во мне, слабое мерцание идеи, нить, распутанная с того вечера в комнате Отэм до сегодняшнего дня.

Парень— гей. Парень— мормон.

— Себастиан, — зову его.

Он оглядывается на меня через плечо, и наши взгляды, как будто связаны какими— то невидимыми узами. Спустя пару секунд, он разворачивается и возвращается обратно ко мне.

Я посылаю ему свою самую лучшую улыбку.

— Фуджита, кажется, считает, что мне нужна твоя помощь.

Его взгляд насмешлив.

— А ты считаешь, что нуждаешься в моей помощи?

— У меня всего два предложения написаны.

Он смеется.

— Значит, да.

— Видимо, да.

Я рассчитываю, что он предложит мне отойти к дальнему столу рядом с окном, или встретиться в библиотеке на моем перерыве. Но я не рассчитываю, что он скажет:

— У меня есть немного времени на этих выходных. Я смогу в эти дни помочь.

Такое ощущение, что остальные в помещении исчезают, когда он произносит это, а мое сердце срывается на бешенный бег.

Это, вероятно, ужасная идея. Да, я увлечен им, но боюсь, что если копну глубже, то он мне не понравится.

Но это будет к лучшему, не так ли? Определенно не помешало бы встретиться ненадолго вне пределов класса, чтобы получить ответ на мой вопрос: могли бы мы вообще стать друзьями, не говоря уже о большем?

Боже, мне следует действовать осторожнее.

Он сглатывает, и я слежу за тем, как двигается его горло.

— Так удобно? — спрашивает он, притягивая мой взгляд обратно к своему лицу.

— Да, — отвечаю я, и сглатываю. На этот раз он смотрит. — Во сколько?

Глава 5.

Папа сидит в своей обычной зеленой форме за завтраком, когда я встаю в субботу утром, согнувшись над своей миской с овсянкой, будто та хранит величайший секрет жизни. Только когда я подхожу ближе, то понимаю, что он спит

— Пап.

Он подпрыгивает, ударяя миской по столешнице, прежде чем неуклюже вцепиться в нее. Он откидывается назад, прихватывая свою грудь.

— Ты напугал меня.

Я кладу руку на его плечо, закусывая смех. Он выглядит настолько невероятно растрепанным.

— Прости.

Его ладонь опускается на мою, сжимая ее. И пока я стою, а он сидит, у меня ощущение, что я просто огромный. Так странно, что я такой же высокий, как и он сейчас. Почему— то мне не передалась ни одна мамина черта. Я весь в папу: темные волосы, высокий рост и ресницы. У Хейли мамина фигура, цвет волос и наглость.

— Ты только что вернулся домой?

Он кивает, ныряя своей ложкой обратно в чашку.

— В середине ночи поступил пациент с проколотой сонной артерией. Меня вызвали на операцию.

— Проколотая сонная артерия? Он выкарабкался?

Он отвечает крошечным покачиванием головы.

Ух. Это объясняет сутулую позу.

— Отстой.

— У него двое детей. Ему было всего лишь тридцать девять.

Я прислоняюсь к столешнице, поедая хлопья прямо из коробки. Папа притворяется, что его это не волнует.

— Как он...

— Автокатастрофа.

В желудке ухает. Только в прошлом году, папа рассказывал нам с Хейли, что три его лучших друга разбились в аварии сразу после выпускного. Папа тоже был в машине и выжил. Он уехал из Нью—Йорка, чтобы поступить КУЛА⁹, а затем поехал в Стэнфорд в медколледж, где познакомился и женился на моей маме — бывшей мормонке — к большому огорчению его собственной матери и всей его обширной семьи в Венгрии. Но пусть и прошло столько времени, каждый раз, когда бы он ни возвращался в пригород Нью—Йорка, потеря его друзей каждый раз чувствовалась свежей.

Это единственное, о чем мама и он вообще спорили перед нами: мама настаивала, что мне нужна собственная машина. А папа считал, что я могу обойтись без таковой. Мама выиграла. Проблема Прово в том, что здесь абсолютно нечем заняться, нигде, и неудобно для прогулок пешком. Но хорошее в Прово, что здесь невероятно безопасно — никто не пьет, и все водят, как восьмидесятилетние старики.

Похоже, он замечает только сейчас, что я одет и готов к действиям.

— Куда ты собрался в такую рань?

— Собираюсь поработать над проектом с другом.

— Отэм?

Черт. И зачем я сказал, что с «другом»?

Я должен был сказать с «человеком с занятий».

— С Себастианом, — на папино недоуменное выражение мне приходится добавить. —

Он — наставник на нашем Семинаре.

— Малец, который продал книгу?

Я смеюсь.

— Да, малец, который продал книгу.

— Он же мормон, не так ли?

Я оглядываюсь, будто в комнате полно мормонов, не пьющих наш кофе.

— А разве не все здесь?

Папа пожимает плечами, возвращаясь к своей холодной овсянке.

— Мы — нет.

— А кто мы?

— Мы — освобожденные сторонники объединения еврейства, — произносит мама, вливаясь в комнату в шпанах для йоги и с убранными в высокий, неряшливый пучок волосами. Она встает рядом с папой, даря ему какой—то отвратительный, затяжной поцелуй, что заставляет меня с лицом нырнуть в коробку с хлопьями, а затем она идет напрямиком к кофейнику.

Она наливает себе чашку, обращаясь к папе через плечо.

— Поли, во сколько ты вернулся домой?

Он изучает часы, моргает и прищуривается.

— Где—то полчаса назад.

— Разорванная сонная артерия, — кратко излагаю для нее. — Не выжил.

Папа поднимает на меня глаза и неодобрительно хмурится.

— Таннер, — произносит он, его голос низкий.

— Что? Я только обобщил для нее, чтобы тебе не пришлось снова проходить через это.

Мама возвращается к нему, теперь молчаливо, обхватывает его лицо своими ладонями. Я не слышу, что она говорит, но тихое бормотание ее голоса заставляет и меня почувствовать себя лучше.

Хейли — пятно из черной пижамы, вороньего гнезда из волос и хмурости, входит в комнату.

— Что вы такие громкие?

Забавно, что она выбрала именно этот тихий момент, чтобы войти с жалобами.

— Это звук высокофункциональных людей, — сообщаю я. Она бьет меня в грудь и пытается попросить маму, налить ей немного кофе. Как я и ожидал, мама отказывает ей и предлагает апельсиновый сок.

— Кофе тормозит твой рост, — сообщаю своей сестре.

— Так вот почему твой член такой...

— Таннер собирается на работу над заданием, — демонстративно перебивает ее папа. — С парнем по имени Себастиан.

— Ага, с парнем, который ему нравится, — говорит им Хейли. А мамина голова дергается в мою сторону.

Мои внутренности незамедлительно превращаются в клубок паники.

— *Не нравится, Хейли.*

Она одаривает меня вопиюще скептическим взглядом.

— *Ну— ну.*

Папа наклоняется вперед, теперь более бодрый.

— Нравится в смысле *нравится?*

— Нет, — качаю головой. — Нравится, как хороший человек, который поможет получить мне пятерку. Он всего лишь мой наставник.

Папа широко улыбается мне, его энтузиазм напоминает, что даже если я не увлечен парнем, которого мы сейчас обсуждаем, то Он— Не— Имеет— Ничего— Против— Моей— Ориентации. Единственного, что сейчас не хватает — наклейки на бампер.

Хейли ставит свой стакан с соком на стол с громким *стуком*.

— Он всего лишь твой наставник, которого Отэм описывает, как «супер—сексуального», а ты — как «мальчика с румяными щечками».

Мама вступает в разговор.

— Но он ведь просто помогает тебе с книгой, так ведь?

Киваю.

— Так.

Любой, кто бы наблюдал за этим обсуждением, могли бы подумать, что моя мама волнуется из— за того, что он парень, но это не так. Из— за того, что он мормон.

— Ладно, — произносит она, как будто мы только что закрепили сделку. — Хорошо.

В моем животе вспыхивает пожар от беспокойства в ее голосе, прожигающий дыру внутри меня. Я перехватываю стакан Хейли, опрокидывая в себя ее апельсиновый сок, чтобы потушить пламя. Она смотрит на маму, взывая к справедливости, но мама и папа разделяют момент родительского молчаливого общения.

— Мне любопытно, возможна ли дружба между супер— мормоном и супер— не— мормоном, — говорю им.

— Так ты рассматриваешь это как какой— то эксперимент? — осторожно спрашивает

папа.

— Ага. Типа того.

— Хорошо, но не *играй* с ним, — просит мама.

Я стону. Это становится утомительным.

— Ребят, — я уйду всю комнату, чтобы захватить рюкзак. — Это для школы. Мы просто пройдемся по моему аутлайну.

Я написал это раз семнадцать в своем блокноте, пока ждал появления Себастиана там, где мы договорились встретиться: в творческом алькове городской библиотеки Прово.

Когда он нацарапал адрес своей электронки идеальным почерком, я был уверен, что он ожидал от меня приглашения на встречу в Shake Shack — не в Старбакс, ей — богу — где мы рассмотрим мой аутлайн. Но сама мысль сидеть с ним на людях, где любой из школы мог нас увидеть, казалась слишком разоблачающей. Мне не нравится признавать это, но что если кто — то увидит меня и решит, что я хочу обратиться? Что если кто — то увидит его и задастся вопросом, что он делает с парнем не — мормоном? Что если это будет Футболист — Дейв, который заметил, как мой взгляд следовал за Себастианом на занятиях, и епископ расспросит несколько своих контактов в Пало — Альто, кто сообщит ему, что я — гей, и он расскажет об этом Себастиану, а Себастиан расскажет всем?

Я определенно надумываю.

МЫ ПРОСТО ПРОЙДЕМСЯ ПО МОЕМУ АУТЛАЙНУ.

МЫ ПРОСТО ПРОЙДЕМСЯ ПО МОЕМУ АУТЛАЙНУ.

МЫ ПРОСТО ПРОЙДЕМСЯ ПО МОЕМУ АУТЛАЙНУ.

На лестнице за моей спиной шуршат шаги, и мне хватает времени, чтобы встать и скинуть свой блокнот на пол, перед тем как появляется Себастиан, выглядя, будто реклама Патагонии, в дутой, синей куртке, в черных штанах и ботинках Merrell.

Он улыбается. Его лицо порозовело от холода, и меня поражает прямо в грудь то, насколько сильно мне нравится смотреть на него.

А это очень, очень плохо.

— Привет, — произносит он, слегка переводя дыхание. — Прости, я опоздал на пару минут. Моей сестре подарили здоровый дом для Барби на день рождения, и мне пришлось помочь отцу собрать его перед уходом. Такое ощущение, что в этой штуковине было миллион частей.

— Не переживай, — отвечаю, начиная протягивать руку, чтобы пожать его, перед тем как оттянуть ее обратно, потому что *«какого черта я творю»?*

Себастиан замечает, протягивая свою руку, прежде чем тоже убрать ее.

— Не обращай внимания.

Он смеется, растерянный и явно развеселившийся.

— Такое ощущение, что сегодня твой первый день с новой рукой.

Боже мой, это ужасно. Мы просто два чувака, которые встретились по учебе. Друганы. А друганы не волнуются. *Будь другомом, Таннер.*

— Спасибо, что встретился со мной.

Он кивает и наклоняется, чтобы подобрать мой блокнот. Я перехватываю его раньше, чтобы он не успел прочитать строчки, которыми я успокаивал себя, но не могу сказать,

преуспел ли в этом. Он отступает, избегая моих глаз, и вместо этого смотрит мимо меня на пустое пространство.

— Здесь будем? — спрашивает он.

Я киваю, и он следует за мной дальше в помещение, нагибаясь, чтобы выглянуть в окно. Снег покрывает горы Уосатч плотным туманом, как призрак, нависающий над нашим тихим городком.

— Знаешь, что странно? — спрашивает он, не оборачиваясь ко мне.

Я стараюсь игнорировать то, как проникающий свет улавливает одну сторону его лица.

— Что?

— Я никогда не был здесь, наверху. Я торчал в книгохранилище, но никогда понастоящему не ходил по библиотеке.

С кончика языка рвется колкость: «*это потому что все, чем ты занимаешься вне пределов школы, занимает церковь*». Но я проглатываю это желание. Он здесь, чтобы помочь мне.

— Сколько твоей сестре? — спрашиваю я.

Бросив взгляд на меня, он снова улыбается. Он носит свою улыбку так легко, так неизменно. — Той, что с домиком Барби?

— Да.

— Фейт — десять, — он делает шаг ко мне, и еще один, и незнакомый голос в моем сердце кричит: *ДА, ИДИ СЮДА*, но потом я понимаю, что он намекает мне, чтобы мы должны переместиться за стол и начать работу.

Будь другом, Таннер.

Я разворачиваюсь, и мы устраиваемся за столом, который я занял немного раньше — думал, что нам ни одного не достанется. В библиотеке больше никого нет в девять утра субботним утром.

Его стул скрипит по деревянному полу диссонансно, и он смеется, бормоча извинения под нос. Я втягиваю дозу его запаха, находящегося так близко, и появляется ощущение, что я ловлю кайф.

— У тебя есть еще сестры и братья, да?

Он искоса смотрит на меня, и мне хочется объяснить свой вопрос — я не собирался делать едкое предположение о размере семьи мормонов. Хейли и Лиззи учатся в одном классе.

— Моей второй сестре пятнадцать. Лиззи, — говорит он. — А еще у меня есть брат, Аарон, которому тринадцать, но такое ощущение, что двадцать три.

Я слишком вежливо смеюсь над этим. Внутри же я, как спутанный комок нервов, и даже не знаю почему.

— Лиззи же ходит в школу Прово, да?

Он кивает.

— В десятый класс.

Я видел ее в школе, и Хейли была права: Лизи — ходячая вечная улыбка, и очень часто помогает уборщику во время обеденного перерыва. Она кажется настолько переполненной радостью, что чуть ли не вибрирует от нее.

— Она вроде милая.

— Так и есть. Фейт тоже милая. А Аарон — он...ну, ему нравится расширять границы. Он — хороший ребенок.

Киваю, Таннер Скот — неловкий остолоп до скончания времен. Себастиан поворачивается ко мне, а я практически ощущаю его улыбку.

— А у тебя есть братья или сестры? — спрашивает он.

Видел? Вот как это делается, Таннер. Поддерживай разговор.

— Только сестра, — отвечаю. — Хейли. Она, вообще— то, учится в одном классе с Лиззи, кажется. Хейли — шестнадцать, и она дьявольское отродье, — осознаю, что сказал, и с ужасом поворачиваюсь к нему. — Боже. Поверить не могу, что так сказал. Точнее *что*.

Себастиан стонет.

— Классно. После сегодняшнего дня я не смогу с тобой общаться.

Чувствую, как лицо кривится от презрения, и слишком поздно осознаю, что он просто шутит. Его улыбка теперь тоже сходит с лица. Она испаряется, как только он осознает, насколько сильно я растерялся и насколько легко поверил в самое худшее о его вере.

— Прости, — произносит он, его губы с одной стороны изгибаются. Он вовсе не выглядит так, будто испытывает неловкость. Наоборот, ему похоже, немного весело из— за этого. — Я пошутил.

Смушение закипает в моей крови, и я усиленно стараюсь вернуть обратно свою уверенную улыбку, ту, с которой всегда получаю то, чего хочу.

— Пожалей меня. Я все еще учусь общаться с мормонами.

К моему глубочайшему облегчению Себастиан по— настоящему смеется.

— Я здесь, чтобы переводить.

И после этого мы оба склоняемся над моим ноутбуком, читая жалкую горстку строчек:

Полуеврей, полуникто подросток— гей переезжает в кишачий мормонами город. Он дожидаться не может, когда снова уедет.

Я чувствую, как Себастиан замирает рядом со мной, и моментально понимаю свою ошибку: я так и не изменил свой аутлайн. Сердце резко ухает.

Я не против рассказать ему, что не могу дожидаться, когда снова уеду. Я даже не чувствую вину за фразу «кишачий мормонами», даже если и должен. Кое— что затмевает все.

Я забыл удалить слово «гей».

Никто здесь — по крайней мере, никто кроме моей семьи — не знает обо мне.

Стараюсь незаметно оценить его реакцию. Его щеки порозовели, а глаза перепрыгивают в начало, перечитывая заново.

Я открываю рот, чтобы заговорить — объясниться — в тот же момент, как он говорит:

— Это твоя общая тема, так? Ты собираешься писать о ком— то с нетрадиционной ориентацией, живущем в Прово?

Холодную дрожь облегчения выбрасывает в мой кровоток. Конечно же, он не предполагает, что я пишу что— то автобиографичное.

Энергично киваю.

— Я решил, что он будет бисексуалом. Да.

— И он только что переехал сюда...

Я снова киваю, а затем понимаю, что в его голосе есть что— то нерешительное, нечто понимающее. Если Себастиан вообще разведывал про Таннера Скота, то должен был знать, что я переехал сюда перед десятым классом, и что мой отец — еврей, врач в Долине Юта.

Он может даже знать, что моя мама отлучена.

Когда он встречается со мной взглядом, он улыбается. Такое ощущение, что он очень

осторожно сдерживает свою реакцию на это. И теперь все мои страхи о Футболисте— Дейве, который рассказывает епископу, а епископ — Себастиану, кажутся слишком запутанными. Естественно, это с легкостью просочилось из *меня*.

— Никто не знает, — выпаливаю я.

Он качает головой.

— Все нормально, Таннер.

— Я серьезно, *никто*, — провожу ладонью по своему лицу. — Я хотел удалить это слово. Это одна из причин, почему я застрял. Я продолжаю делать главного героя би, и не знаю, как буду писать эту книгу на занятиях. Я не знаю, чего *захочет* от меня Фуджита, или родители.

Себастиан наклоняется вперед, перехватывая мой взгляд.

— Таннер, ты можешь написать любую книгу, какую захочешь.

— Моя семья очень непреклонна в том, чтобы я открылся кому— то здесь про себя, только если я по— настоящему доверяю этому человеку.

Я даже не рассказал своей лучшей подруге, а сейчас вываливаю все, даже не моргнув, единственному человеку, с которым, вероятно, даже не должен был делиться ничем из этого.

Его бровь медленно приподнимается.

— Твоя семья знает?

— Ага.

— И они нормально относятся к этому?

— Моя мама, она...вообще— то она *слишком эмоциональна* в своем принятии.

После секундного молчания он снова переводит внимание на компьютер.

— Думаю, это замечательная идея переложить все на бумагу, — тихо произносит он. Он зависает указательным пальцем перед экраном. — Здесь очень много всего только в двух предложениях. Много мужества и драматизма, — его глаза встречаются с моими снова. Они — безумная смесь зеленого, коричневого и желтого. — Не уверен, как много смогу помочь конкретно с этой темой, но с радостью обсужу ее.

Я чувствую, как эти слова диссонансом проходят через меня, и от этого морщусь свой нос.

— Ты был бы таким же полезным, если бы я писал про драконов или зомби, да?

Его смех быстро становится моим любимым звуком.

— В точку.

Двадцать минут требуется для моего сердца, чтобы вернуться к нормальному ритму, но в то же время Себастиан не замолкает. Такое ощущение, что он догадывается о моей панической, внутренней неразберихе, и намерено заговаривает меня, а его слова вылетают изо рта непринужденным и завораживающим тактом.

Он говорит мне, что это нормально, что это пока лишь идея, что, насколько он знает, каждая книга начинается с чего— то подобного — с предложения, образа, кусочка диалога. Он говорит, что я должен решить, кем будет главный герой, каким будет конфликт.

— Сосредоточься на этих двух сильных сторонах его личности, — произносит он, отмечая пальцами. — Он — анти— мормон и...

Его второй палец зависает, ничего не помечая.

— Гей, — заканчиваю за него.

— Точно, — он сглатывает, складывая свои пальцы обратно в кулак. — Это подросток ненавидит всех мормонов и планирует свой побег только для того, чтобы его родители присоединились к церкви и отреклись от него, когда он уедет?

— Нет... — видимо, он не так уж и много изучил о моей семейной истории. — Семья будет поддерживать, я думаю.

Себастиан откидывается назад, задумавшись.

— Это подросток ненавидит Церковь СПД, и в конечном счете уезжает из города только для того, чтобы соблазниться на другой «религиозный культ»?

Я пристально всматриваюсь в него, в его способность посмотреть на свою веру глазами неверующего, чтобы в действительности выкрутить все таким негативным.

— Может быть, — отвечаю. — Но думаю, я так же не хочу очернять церковь.

Себастиан встречается со мной взглядом, прежде чем быстро отвести его в сторону.

— Какую роль его, эм, бисексуальность играет в книге? — это первый раз, когда он запнулся за все время — его румянец растекается по лицу пылающей картой.

Я хочу сказать ему: *Мне интересно, смог бы я, вообще, понравиться тебе, смог бы кто — то такой, как ты, подружиться с таким, как я.*

Но он уже здесь, бескорыстен и искренен с *таким, как я.* Я ожидал, что он появится и как хороший наставник ответит на несколько вопросов и даст мне толчок к началу, пока я буду во все глаза таращиться на него. Я не ожидал, что он будет спрашивать обо мне или будет таким понимающим. Я не ожидал, что он мне *понравится.* Теперь же конфликт был очевиден, и это заставляет что — то прочное внутри меня скрутиться в тугую, беспокойный шар, потому что это то, о чем даже страшно писать.

— Подумай об этом, — тихо произносит он, нервно теребя скрепку. — Так много вариантов как все может пойти, и многое зависит от его путешествия, его открытий. Он начинает возмущаться своим городом и ощущением, что он его душит. Обретет ли он свободу, оставшись, или уедет? Обретет ли он что — то, что изменит его мнение на этот счет?

Киваю в экран компьютера, потому что понимаю, что не смогу сейчас смотреть на него и не проецировать все свои чувства на лице. Моя кровь кипит от жара моей влюбленности.

За окном начинается снег, и, слава богу, мы перемещаемся в пару кресел рядом с окном, чтобы понаблюдать, оставив книгу в стороне на некоторое время. Себастиан родился здесь, в нескольких милях вниз по дороге. Его отец — налоговый адвокат, призванный на службу епископом около двух лет назад. Его мать работала финансистом в Vivint еще до рождения Себастиана. Теперь же она домохозяйка и жена епископа, что, как объясняет Себастиан, каким — то образом делает ее матерью всего их прихода. Ей нравится это, рассказывает он, но это означает, что ему и Лиззи приходится больше заниматься Фейт и Аароном. Он играет в футбол и бейсбол с шести лет. Его любимая группа — Bon Iver. Он играет на пианино и гитаре.

Я снабжаю его теми же безопасными фактами: я родился в Пало — Альто. Мой отец — кардиохирург. Мама — программист. Она винит себя за то, что не находится часто рядом, но я в большей степени очень горжусь ей. Мои любимые группы — Nick Cave и Bad Seeds, но я никоим образом не музыкален.

Мы не пережевываем вопрос о моей ориентации, но я ощущаю присутствие этого, как третьего человека в помещении, сидящего в темном углу и подслушивающего наш разговор.

Тишина звенит между нами, пока мы наблюдаем за скользким, серым тротуаром прямо под окном, который медленно покрывается белым одеялом. Пар поднимается из вентиляционного отверстия на тротуаре, и со странной, неистовой склонностью в моем сердце я хочу узнать он нем как можно больше. Кого он любит, что ненавидит, существует

ли такая возможность, что он по мальчикам.

— Ты не спрашивал меня о книге, — наконец, произносит он.

Он имеет ввиду *свою* книгу.

— Ой — черт — прости. Я не хотел показаться грубым

— Это не грубость, — он смотрит мне в лицо и ухмыляется так, будто мы делили одну и ту же раздражающую тайну. — Просто именно это делают все.

— Думаю, это очень клево, — я пихаю руки в карманы и вытягиваюсь на своем месте. — В смысле, очевидно же, что она потрясающая. Представь, что твоя книга будет здесь, в этой библиотеке.

Он, похоже, удивлен этим.

— Возможно.

— Готов поспорить, что ты уже устал говорить об этом.

— Немного, — он пожимает плечами, улыбаясь мне. Эта улыбка говорит мне, что ему нравится то, что я не спрашивал его о книге, что я здесь не для второсортной славы небольшого города.

— Это прибавило некоторых сложностей, но трудно жаловаться, потому что я понимаю, насколько благословлен.

— Да, конечно.

— Мне всегда было интересно, каково было бы жить здесь, когда ты не выращен церковью, — говорит он, меняя тему. — Тебе было пятнадцать, когда ты переехал?

— Ага.

— Было трудно?

Мне требуется секунда, чтобы решить, как именно ответить на это. Себастиан знает обо мне то, что больше никто не знает, и это вызывает неуверенность в моих действиях. Он кажется хорошим, но не имеет значение насколько ты хороший, в информации сила.

— Прово может быть удушающим.

Себастиан кивает, а затем наклоняется вперед, чтобы получить лучший вид из окна.

— Я понимаю, что церковь вызывает *ощущение*, будто она повсюду. И для меня это так же. Такое ощущение, что она проникает в каждый аспект моей жизни.

— Еще бы.

— Могу представить, какой она может казаться удушающей со стороны, но в ней и много хорошего, — он переводит взгляд на меня, и с нарастающим ужасом я понимаю, для чего была вся эта встреча по учебе. Я понимаю, почему он согласился прийти. Он *вербует* меня. Сейчас он знает обо мне, и это дает ему еще больше причин протянуть мне руку, спасти меня. Он вербует меня не в пьяный клуб «Gay Bliss» на севере Юты, а в Церкви СПД.

— Я понимаю, что в ней есть хорошее, — осторожно произношу я. — Мои родители... знакомы с церковью. Трудно жить здесь и не замечать, как плохое, так и хорошее в ее действиях.

— Да, — туманно отвечает Себастиан, не глядя на меня. — Я понимаю это.

— Себастиан

— Да?

— Просто...хотел, чтобы ты знал, на случай... — замолкаю, поморщившись и отводя взгляд. — Я не просил тебя помочь, чтобы после этого присоединиться к церкви.

Когда я снова перевожу на него взгляд, его глаза — встревоженно расширены.

— Что?

Я снова отвожу взгляд в сторону.

— Мне показалось, что, возможно, я произвел на тебя впечатление, будто хотел потусоваться с тобой, потому что сомневаюсь в себе или хотел присоединиться. У меня нет никаких сомнений в том, кто я. Ты мне действительно нравишься, но я здесь не для того чтобы обратиться в веру.

Ветер свистит за окном на улице — так близко у окна прохладно — а внутри, он изучает меня, без эмоций.

— Не думаю, что ты хочешь присоединиться, — его лицо розовеет. *От холода. От холода. Это не из— за тебя, Таннер.* — Я и не думал, что из— за этого ты... — он качает головой. — Не беспокойся. Я не стану пытаться уговорить тебя вступать в церковь. Только не после того, о чем ты поделился со мной.

Мой голос непривычно робкий:

— Ты же не расскажешь никому?

— Конечно, нет, — его мгновенный ответ. Он пристально вглядывается в пол, работая челюстью над чем— то нечитаемым для меня. Наконец, он копается в своем кармане. — Я... вот.

Почти импульсивно он вручает мне небольшой клочок бумаги. Он теплый, как будто был зажат в его руке.

Я раскатываю его, уставившись на десять цифр внутри. Номер его телефона.

Он, должно быть, написал его заранее, возможно, до того, как ушел из дома, пихнув его в свой карман, чтобы принести мне.

Понимает ли он, что это сравни вручить мне гранату? Я могу разорвать все этим, и в частности его телефон. Я очень много пишу смс— ок, но господи — то, что у меня возникает желание отслеживать его движения, когда он в классе, кажется одержимостью дьявола. Понимать, что я могу дотянуться до него в любое время — пытка.

— Я не... — он начинает, а затем смотрит мимо меня. — Ты можешь позвонить мне или написать. По любому поводу. Когда угодно. Чтобы встретиться и обсудить твой аутлайн, если тебе потребуется.

В груди болезненно сжимается.

— Да, конечно, — зажмуриваюсь. Такое ощущение, что он вот— вот сорвется, и от необходимости ответных слов все мои внутренности сжимаются. — Спасибо.

Он встает.

— Не за что. В любое время.

— Себастиан?

— Да?

Наши взгляды встречаются, и я не могу поверить в то, что собираюсь сказать:

— Я определенно хочу встретиться снова.

Его щеки вспыхивают цветом. Он правильно перевел это в своей голове? И что я сам сказал? Он знает, что мне нравятся парни, поэтому должен понимать, что я говорю не только о книге. Себастиан изучает мое лицо, порхая ото лба, к моему рту, подбородку, к моим глазам, и снова к губам, перед тем как совсем отвести взгляд.

— Мне, наверное, пора.

Я — клубок колючей проволоки; какофония голосов, выкрикивающих в моей голове инструкции.

Поясни, что ты имел ввиду только учебу!

Спроси о книге!

Извинись!

Повышай ставки и признайся ему в своих чувствах!

Но я только киваю, рассматривая его напряженную улыбку, как он убегает к лестнице и исчезает за поворотом начищенного до блеска дубового покрытия.

Возвращаясь к своему ноутбуку, открываю пустой документ и выливаю все это на страницу.

Глава 6.

«Это мой номер»

«Кстати, это Таненр»

«Эм, то есть Таннер»

«Не могу поверить, что только что опечатался в собственном имени»

«Хаха! Я именно так и запишу твой контакт»

«От Себатсиана»

«(Заметил, что я сделал)»

Я ухмыляюсь в телефон следующие двадцать минут, перечитывая нашу переписку снова и снова. Телефон прилип к моей ладони; я уверен, что родителям интересно, чем я занимаюсь — могу сказать это по их обеспокоенным взглядам за обеденным столом.

— Убери телефон, Тан, — просит папа.

Я укладываю его «лицом» вниз на стол.

— Простите.

— С кем ты переписываешься? — спрашивает мама.

Я понимаю, что им не понравится это, но не собираюсь лгать.

— С Себастианом.

Они обмениваются взглядами через весь стол.

— Наставником? — подтверждает мама.

— Можешь перечитать, — протягиваю ей телефон. — Ты все равно сможет это сделать, так ведь?

Она неохотно принимает его, как будто ожидает увидеть намного больше, чем хочет. Ее лицо смягчается, когда она читает эти безобидные слова.

— Очень мило, но, Таннер... — она позволяет последней части сойти на нет и смотрит на папу для поддержки. Возможно, она не совсем уверена в том, насколько авторитетно будет выглядеть, пока на ней радужный фартук «ГОРДОСТИ».

Папа тянется за телефоном, и его лицо тоже смягчается, пока он читает, но затем его взгляд мрачнеет.

— Вы встречаетесь?

Хейли фыркает.

— Нет, — отвечаю я, не обращая на нее внимания. — Господи, ребят. Мы вместе работаем над проектом.

Стол погружается в раздражающе — скептическое молчание.

Мама не выдерживает.

— Он знает о тебе?

— О том, что я превращаюсь в тролля после заката? — качаю головой. — Не думаю.

— Таннер, — мягко произносит она. — Ты знаешь, о чем я.

Знаю. К сожалению.

— Умоляю, успокойтесь. Не похоже, что у меня есть хвост.

— Милый, — начинает мама напугано. — Ты намеренно недопонимаешь...

Мой телефон жужжит перед отцом. Он поднимает его.

— Снова Себастиан.

Протягиваю руку.

— Пожалуйста?

Он возвращает его мне, нахмурившись.

«Меня не будет на занятиях на этой неделе»

«Просто хотел, чтобы ты знал»

Грудь будто раскалывается, линия разрыва расходится посередине и борется с сияющим солнцем, которое расцветает у меня внутри, потому что *Себастиан решил меня предупредить*.

«Все в порядке?»

«Да. Мне просто нужно съездить в Нью—Йорк»

«Мы делаем это? Теперь мы непринужденно переписываемся?»

«Ой, представь себе»

«Хаха! Уверен, что буду постоянно казаться растерянным»

«Когда ты уезжаешь?»

Мама громко вздыхает.

— Таннер, ради всего святого, пожалуйста, прекращай переписываться за столом.

Я бормочу извинения под нос и встаю, убираю телефон «лицом» вверх на кухонный островок и возвращаюсь на свое место. Оба моих родителя молчат угрюмо и агрессивно, и я бросаю взгляд на свою сестру, понимая, что она сейчас проживает самый лучший момент в своей жизни, наблюдая, как на меня надвигаются неприятности первый раз в жизни.

На фоне царапания тарелок и звука, перестукивающегося льда в стакане с водой, хмурая осведомленность кружит над столом, и как результат чувство неловкости стягивает мой желудок. Мои родители знают, что я влюблялся в парней раньше, но никогда не было подобного положения дел. Теперь же есть парень с именем и номером телефона. Мы так *классно относимся к этому*, но я понимаю сейчас, сидя за тихим обеденным столом, что присутствуют слои их одобрения. Возможно, для них проще так *классно относиться к этому*, когда они только и твердят мне, что мне не разрешается встречаться ни с одним парнем из Прово. Мне можно будет влюбляться в парней только после выпуска и с тем, кого

мои родители выберут из допустимого круга интеллигентных, прогрессивных мужчин не— мормонов?

Папа откашливается, признак того, что он подбирает слова, и мы все смотрим на него, надеясь, что он выровняет этот самолет вовремя. Я жду, что он скажет что—нибудь о «слоне в комнате», но вместо этого он останавливается в безопасной зоне:

— Расскажите нам о своей учебе.

Хейли начинает перечислять несправедливости десятого класса, как ей приходится сгибаться из—за шкафчика в нижнем ряду, как отвратительно пахнет в женской раздевалке, и как ее бесят на глобальном уровне парни. Наши родители терпеливо улыбаются, прежде чем сосредоточиться на том, что их действительно волнует: мама убеждается, что Хейли хорошая подруга. А папу в основном волнует, чтобы она надрывала свою задницу за учебой. Я в пол уха оцениваю ее хвастливый ответ по химии. Когда мой телефон находится в десяти метрах от меня, это означает, что 90 процентов моего мозга сосредоточено на том, ответил ли Себастиан и смогу ли я увидеть его перед отъездом.

Я чувствую нервозность.

К справедливости сказать, что прием еды — это своеобразное событие. Папа родом из огромной семьи, состоящей из женщин, главным удовольствием в жизни которых забота о своих мужьях и детях. Хотя так же было и в мамином мормонском доме, но в семье папы все было сосредоточено на еде. Женщины не просто готовили еду, они были *поварами*. Когда приезжает Бабб, она заполняет нашу морозилку месячным запасом грудинки и запеканки, и делает сдержанное, в большей степени хорошо—продуманное замечание о том, что ее внуки в основном выживают на сэндвичах. Со временем она переросла свое разочарование из—за того, что папа не женился на еврейке, но все равно борется с маминой рабочей занятостью и нашей вытекающей зависимостью от бутербродов и еды в вакуумных упаковках.

Но несмотря на мамино антирелигиозное мировоззрение, она была воспитана в культуре, где женщина обычно тоже выполняла роль домохозяйки. Ее отказ упаковывать каждый день наши ланчи или не вступать в родительский комитет — боевой призыв всех феминисток.

Даже тетя Эмили иногда борется с чувством вины из—за невозможности чуть больше сосредоточиться на ведении ее домашнего хозяйства. Поэтому мама пошла на компромисс, позволяя Бабб научить ее приготовлению определенных блюд, и она старается приготовить большую партию из них каждое воскресенье, чтобы мы питались всю неделю. И над этим сомнительным мероприятием мы, как дети, во всяком случае, подшучиваем. Но папа это совсем другая история: он придирчив в еде. Даже несмотря на то, что он считает себя либералом, какими они являются, но все равно у него есть некоторые традиционные склонности. И жена, которая готовит, — одна из них.

Мама наблюдает за тем, как ест папа, оценивая, как быстро он запихивает еду в зависимости от качества. То есть, чем быстрее он ест, тем меньше ему нравится еда. Сегодня, папа, кажется, едва жует, прежде чем проглотить.

Обычная мамина улыбка опускается уголками вниз.

Сосредоточенность на этой динамике помогает мне отвлечься, но только слегка.

Я оглядываюсь на телефон. Оставив его экраном вверх, я могу сказать, что только что был звонок или сообщение: экран засветился. Я запихиваю суп с фрикадельками в себя, ошпаривая рот, пока не вычищу всю тарелку, и, извиняясь, встаю перед тем, как хоть кто—то из них возразит.

— Таннер, — тихо ворчит папа.

— Домашка, — ополаскиваю за собой посуду, складывая ее в посудомоечную машину.

Он следит за тем, как я ухожу, одаривая меня понимающим взглядом за брошенное единственное оправдание, которое он не оспаривает.

— Твоя очередь мыть вечером посуду, — кричит мне в след Хейли.

— Неа. Ты должна мне за то, что я убирался в ванной в прошлые выходные.

Ее взгляд доносит до меня образный «фак».

— Я тоже люблю тебя, ведьма.

Взбегая по лестнице наверх, я ныряю в свои сообщения.

Мое сердце сжимается, жестко и неистово. Он прислал мне пять штук.

Пять.

«Я уезжаю днем в среду»

«У меня встреча с редактором и издателем в четверг»

«Я еще не встречался со своим издателем. И должен признаться, что нервничаю»

«До меня только что дошло, что ты, наверное, сейчас за столом со своей семьей».

«Прости, Таннер»

Я отвечаю подрагивающими пальцами.

«Нет, не извиняйся, родители заставили меня убрать телефон подальше»

«Я так рад за тебя»

Набираю свою следующую мысль и потом — с затрудненными и частым дыханием — быстро нажимаю на «отправить»:

«Надеюсь, у тебя будет замечательная поездка, но мне будет не хватать твоего присутствия на занятиях»

Я целую минуту жду ответа.

Пять.

Десять.

Он — не дурак. Он знает, что я — би. Он должен понимать, что я влюблен в него.

Я отвлекаю себя, пролистывая Snapchat Отэм: ее ноги в тапочках. Раковина, забитая посудой. Крупный план ее хмурого лица со словами «текущее настроение», написанными под снимком. И в итоге, я закрываю соцсети и открываю ноутбук.

Мне нужно понять, с чем я имею дело. Проведя детство в Калифорнии, я знал, что мамина семья — мормоны, и то, что она обычно говорила о них — что случалось в редкие моменты — заставляло меня считать их каким-то странным религиозным культом. И только когда переехал сюда и начал жить среди них, я отметил, что не знаю о них ничего, кроме стереотипов. Было удивительным узнать, что несмотря на то, что другие христианские веры не согласны, но мормоны все равно считают себя христианами. Так же большая часть их свободного времени тратится на служение — помощь остальным. Но помимо этого они не употребляют кофе, не пьют алкоголь, не ругаются и никаких сношений, все это кажется для меня туманным облаком секретов церкви.

Как обычно, Google поможет.

Несмотря на все мои шутки о христианской пижаме, оказывается храмовое белье не просто скромная одежда, это физическое напоминание об их обязательствах перед Богом. К тому же, слово «обязательство» *повсюду*. По сути, церковь, кажется, владеет своим собственным языком.

Иерархия в мормонской церкви исключительно мужская. Это одно из многого, куда мама попала в точку: женщин обманывают. Конечно, они рожают детей — согласно церкви, это неотъемлемая часть плана Божьего — и могу служить миссией, если выберут, но женщины имеют не так уж и много власти в традиционном смысле. В том смысле, что они не могут занимать должности или принимать решения, которые повлияют на официальную церковную политику.

Большую часть моих мыслей в последнее время — помимо Себастиана/храмового белья — занимает единственная вещь, от которой у моей мамы закипает кровь: ужасная история церкви СПД касательно геев.

Поскольку церковь и осуждает практику конверсионной терапии, но это вовсе не означает, что ее не существует, или что не разрушены жизни многих и многих людей. Из крупниц, что я собрал от своей мамы, здесь основная позиция: мормон открывается своей семье, которая быстренько отсылает его туда, где его «излечат». Подобный род терапии заключается в помещении человека в специализированное учреждение и электрошоковую терапию. Иногда препараты или выработка условного рефлекса отвращения, что звучало нормально на словах, пока я не узнал, что это означало использование наркотиков, чтобы вызвать у человека отвращение во время просмотра однополый эротики. Интернет рассказывает мне, что более «безобидные» версии включали в себя создание условий для позора, или преобразование в стереотипное мужское или женское поведение, консультативная терапия, гипноз и нечто под названием исправление оргазмического состояния, что — просто нет.

Когда тетя Эмили открылась двадцать восемь лет назад, ее родители предложили ей выбор: конверсионная терапия или отлучение от церкви. Теперь же позиция Церкви Мормонов насчет секс—меньшинств совершенно непонятна.

Судя по любому указанию церкви по данному вопросу можно найти, что единственный секс, который возможен — между мужем и женой. Скука. Но что удивительно, церковь признает разницу между влечением представителей одного пола и тем, что они называют гомосексуальным поведением. В сущности: парни испытывают влечение к другим парням = мы будем смотреть в другую сторону. Парень целует парня = плохо.

Самое забавное, что после всех этих ультиматумов, которые в основном настаивают, что гей—мормон опускает свой нос и становится несчастливым и неудовлетворенным всю свою жизнь во имя Господа, большинство церковных высказываний твердят, что все люди одинаково любимые дети и заслуживают отношения с любовью и уважением. Они твердят, что семьи никогда не должны исключать или неуважительно относиться к тем, кто выбирает иной образ жизни...но всегда напоминать тем, кто выбрал иной путь, об извечных последствиях своего выбора.

И, естественно, все, кто здесь живут, знают о той большой шумихе, которую крутили во всех новостях несколько лет назад: изменение в руководстве, которое гласило, что члены однополых браков будут считаться вероотступниками (или перебежчиками церкви — спасибо Google), и дети, живущие в таких семьях должны быть исключены из деятельности

церкви, пока не повзрослеют достаточно, чтобы отказаться от практики гомосексуализма и присоединиться к церкви.

В общих словах: любовь и уважение, но только если ты хочешь жить по их правилам... а если нет, тогда отречение от церкви — единственный вариант.

Понимаете, о чем я? Ужасно размыто.

Где— то на моей кровати вибрирует телефон. Поскольку я один в комнате, то никто не видит, как я практически ныряю в свое покрывало, чтобы откопать его.

«Завтра я весь день буду в УБЯ»

И затем, пока все еще светится экран после его первого сообщения, приходит второе:

«И я тоже буду скучать по тебе»

Что— то происходит между нами. Что— то происходило между нами с того момента, как мы встретились взглядами в первый день занятий.

Я хочу увидеть его до отъезда. Мне плевать, что скажет мама. Мне плевать на доктрину. В конце концов, это не моя церковь.

***

В школе Прово есть крытый кампус для ланча, но это формальность, которой никто не следует. Кампус окружен ресторанчиками быстрого обслуживания, как например, Del Taco, Panda Express и Pita Pit. Четыре дня из пяти мы сбегает туда и перехватываем что—нибудь легкое.

Признаюсь, что знаю, основной предмет Себастиана — Английская литература (нет необходимости в большом расследовании, чтобы добиться своего), но и еще я знаю — потому что он рассказал мне об этом в библиотеке — что ему нравится проводить время в Центре изобразительного искусства им. Харриса, потому что там тихо.

Сегодня на ланч я купил достаточное количество Panda Express для двоих.

Перед моим переездом в Юту, я слышал многое о церкви от людей, которые, следует признать, никогда не имели отношения к ней. *Они отдают своих дочерей замуж, когда тем исполняется двенадцать! Они за полигамию!*

Это неправда в обоих случаях — полигамию запретили в 1890 году — но благодаря моей маме, я знал, что Мормоны просто *люди*, и предполагал, что подростки— мормоны выглядят так же, как любой на улицах Пало—Альто. Что самое безумное, это не так. Серьезно. Они похожи на верхнюю часть колоколо—образной дуги в условиях полировки: они чистые, их одежда главным образом скромная, и они чрезвычайно опрятные.

Я бросаю взгляд на свою старую футболку с надписью «Социальное Искажение» поверх синей термокофты и по большей части нетронутые джинсы. Я бы не почувствовал себя более неловко на территории УБЯ даже если бы надел фиолетовый костюм цыпленка и «лунной походкой» прошелся бы по двору. Сейчас только начало семестра, и за пределами главного студенческого центра проходит какая—то молодежная программа. Здесь много длинных юбок и скромных рубашек, ровно подстриженных волос и искренних улыбок.

Несколько парней играют в Фрисби; один из них бросает ее и выкрикивает:

— Вот блин!

Трое девушек играют в хлопки под аккомпанемент песни.

УБЯ *именно* такой, каким я его представлял, и так же, наверное, именно такой, каким надеялись видеть его основатели, даже спустя 140 лет. Он прямо через дорогу от школы Прово, но кажется совершенно другим миром.

Внутри Центра изобразительных искусств им. Харриса на удивление темно и тихо. Современная архитектура создает ощущение что это место больше «строгое— инженерное», чем «здание искусства», а верхние этажи открыты в прямоугольных рамках, глядя сверху— вниз на пол на первом этаже. Каждый звук — мои шаги по мрамору, шелест голосов, слышимых сверху — раздается эхом через весь атриум.

Себастиана нет ни в одном уютном кресле или за маленькими столами, усеивающими второй этаж, и если вдуматься, то мой пакет с едой кажется неожиданно самонадеянным. Интересно, есть ли здесь камеры, которые отслеживают мои движения, есть ли копы УБЯ, которые придут, решив, что я не принадлежу этому месту, и аккуратно сопровождают на выход из здания, с пожеланием хорошего пути и обещанием, что помолятся за меня, когда выпроводят за границы кампуса.

Спустя несколько минут на третьем этаже я только собрался уходить и заесть стресс двумя ланчами сомнительного качества азиатской еды, когда замечаю пару красных «Адидасов», выглядывающих из— под стола.

Подходя ближе, я заявляю:

— У меня много самой нездоровой еды для ланча, которой могу поделиться.

Себастиан вздрагивает — и за время, которое ему требуется, чтобы повернуться, я умоляю себя вернуться в прошлое и никогда не поступать так. В начале этого учебного года девятиклассница вручила мне конверт, а затем *убежала* в другую сторону. Сбитый с толку, я открыл его. На мою обувь посыпались блестки, и письмо внутри было переполнено наклейками и витиеватым почерком, который рассказывал мне, что она считала, будто мы можем быть родственными душами. Я даже имени ее не знал, пока не прочитал его в конце записки: *Пейдж*, с сердцем из блесток над «й». Не думаю, что в тот момент я осознавал, насколько это мало, четырнадцать лет.

Но стоя здесь, дожидаясь, когда заговорит Себастиан...я — Пейдж. Я — эмоциональный ребенок. И внезапно это кажется стремным — или абсолютно по— детски — прийти сюда и принести ему еду. *Какого черта я творю?*

Он медленно достает свои наушники.

Мне хочется свалиться от облегчения: его покрасневшие щеки говорят мне все, что нужно знать.

— Таннер? — он ухмыляется, так широко. — Привет.

— Привет, да, я...

Он бросает взгляд на часы на экране его ноутбука и делает очевидное замечание:

— Ты покинул кампус.

— А разве не как все?

— Вообще— то, нет, — снова вернув ко мне внимание, он смотрит на меня с небольшим замешательством.

— Я...принес тебе ланч, — я опускаю взгляд на еду в своей руке. — Но теперь у меня такое ощущение, что я нарушил закон.

Вглядевшись повнимательней в то, что я предлагал, он спрашивает:

— «Панда Экспресс»?

— Да. Отвратительно, я знаю.

— Точно. Но, в смысле, раз уж ты здесь...

Он ухмыляется мне. И это единственное приглашение, что мне нужно.

Я открываю пакет, протягивая ему одноразовый контейнер с лапшой и второй с курицей в апельсиновом соусе.

— У меня еще есть креветки.

— Курица подойдет, — открыв ее, он стонет, от чего все мое тело напрягается. — Умираю с голода. Спасибо.

Знаете такие моменты, ощущения настолько нереальные, что у тебя возникает обоснованное «я действительно здесь» ощущение? Когда ты не только используешь преувеличения, но и, на мимолетную секунду, испытываешь вне телесные ощущения? У меня так прямо сейчас. Голова кружится от того, что стою здесь, рядом с ним.

— Мой отец называет ее — курицей для толстожиров, — говорит он мне, когда я выдвигаю стул рядом с ним и сажусь.

Я моргаю, пытаюсь привести в чувство свой разум и пульс.

— Я не стану рассказывать ему, если не хочешь.

Себастиан смеется.

— Он ест ее, по меньшей мере, дважды в неделю, так что не парься.

Я наблюдаю, как он уплетает еду, используя вилку, а не палочки, умудряясь аккуратно вкладывать горстку лапши в свой рот, не измазав подбородок. В нем есть что— то, как в тефлоне: он всегда выглядит сжатым, чистым и продезинфицированным. А глядя на меня, мне становится интересно, какое впечатление произвожу я. Я не неряха, но не обладаю тем же безукоризненным блеском.

Он проглатывает, и миллионы порнографических картинок пролетают в моей голове за десять секунд перед его вопросом:

— Что заставило тебя прийти в кампус? — спрашивает он, а затем аккуратно укладывает полную вилку курицы в свой рот.

Он что напрашивается? Или действительно считает, будто я бы пришел в УБЯ по какой — то иной причине, кроме как увидеть его?

— Я был поблизости, — откусываю кусочек, жую, и проглатываю с улыбкой. — Пришел на территорию универа, чтобы потанцевать и спеть парочку песен.

Его глаза мерцают. Он, похоже, не имеет ничего против, что я не— мормон, не говоря уже о том, чтобы немного посмеяться над этим.

— Клево.

Я смотрю вглубь коридора, прямо на окна, которые выходят во двор.

— А там, на улице, люди всегда так...празднуют?

— Нет, но здесь довольно жизнерадостное место.

Я наклоняюсь вперед, ухмыляясь.

— Кто— то там вообще— то сказал «Вот блин» от досады.

— А что еще им говорить?

Он издевается надо мной снова. Наши взгляды перехватывают друг друга и задерживаются. Его глаза — зелено— желтые с острыми— как— бритва штрихами коричневого. У меня такое ощущение, что я с разбега прыгаю с обрыва, понятия не имея, насколько глубока вода внизу.

Наконец, Себастиан смаргивает, опуская свой взгляд на ланч.

— Прости, что в тот раз так резко ушел.

— Все нормально.

Мне кажется, что это все, чего я добьюсь по этой теме, но каким— то образом, то, как он не поднимает взгляд на меня, то, как его щеки расцветают краской, говорит мне о многом.

Что— то происходит между нами, *охренеть*.

На одном из этажей под нами раздается низкий голос пожилого мужчины.

— Здравствуйте, Брат Кристенсен.

В свою очередь, этот Брат Кристенсен бормочет вежливый ответ, который доносится до нас, и когда они отходят от атриума, их голоса становятся затихающим эхом.

— Погоди— ка, — я снова смотрю на Себастиана, от пришедшего осознания. — Ты же еще не старейшина?

Он сглатывает перед ответом.

— Нет.

Это поразительно.

— Себастиан *Бразер*¹⁰. Это значит, что ты будешь Брат Брат.

Он ухмыляется восторженно.

— Я ждал всю свою жизнь, когда появится тот, кто пошутит над этим. Люди в церкви слишком милые, чтобы так сделать.

Я не решаюсь, не в состоянии прочитать искорки в его глазах.

— Ты издеваешься надо мной.

— Да, — и если это возможно, то его улыбка становится еще шире и высекает место в моей груди, когда он ломается, счастливо смеясь. — Но мне кажется это намного лучше, чем будет у Лиззи — Сестра Брат.

— А она считает это смешным?

— Мы все так считаем, — помедлив, он рассматривает меня несколько долгих секунд, как будто пытается разгадать, а не наоборот, перед тем как наклониться и взять еще порцию еды.

Кажется, я все испортил. У меня было такое странное представление о мормонах, как о пресных, серьезных и тайно злых. Для меня казалось невозможным, что они могли смеяться над собой подобным образом.

— Я вел себя, как засранец, — слова просто выскальзывают из моего рта, и я морщусь, как будто только что матерился в соборе.

Себастиан качает головой, проглатывая еду.

— Что? Нет.

— Я не...

— Знаком с церковью, — заканчивает он за меня. — Как и большинство людей.

— Мы живем в Прово, — напоминаю ему. — Как и большинство людей.

Он пристально смотрит на меня.

— Таннер, я понимаю, что мир не олицетворяет собой Прово. Мы все это понимаем. Кроме этого, и я имею ввиду это в хорошем смысле, похоже, что дети не— мормоны в городе не разделяют лучшую сторону церкви, когда о ней говорят. Я прав.

— Это, наверное, честно, — я опускаю взгляд, ковыряясь в своей по большей степени нетронутой еде. Он заставляет меня так сильно нервничать, таким головокружительным,

возбуждающим образом. Когда я снова поднимаю глаза на его лицо, мне практически больно, когда сжимается грудь. Его внимание приковано к следующему кусочку еды, поэтому мне предоставлено несколько секунд, чтобы без стеснения разглядывать его лицо.

Тоненький голосок пытается дотянуться до меня с самого конца забитой комнаты в моей голове: *Он — мормон. Это обречено! Отступай. Отступай!*

Я разглядываю его челюсть, и его горло и кожу, которую могу заметить прямо под ним, намек на ключицы.

Во рту собирается слюна.

— Еще раз спасибо за это, — говорит он, и я резко перевожу взгляд обратно, перехватывая блеск его глаз, понимая, что меня поймали за пожиранием его глазами.

— Ты, правда, никогда не ускользал из кампуса? — спрашиваю я самым странным в мире переходом на другую тему.

Он жует еще кусок, качая головой.

— Части меня хочется надеяться, что ты немного хулиганишь.

Блин.

Что я только что сказал?

Себастиан смеется, закашлявшись неудачно проглотив, и проталкивает еду глотком воды из бутылки рядом с ним на столе.

— Однажды я сбегал.

Я киваю ему для продолжения, запихивая немного еды в свой рот, в надежде, что это успокоит мой беспокойный желудок и сумасшедший разум.

— В прошлом году я ходил на прием к ортодонту, и когда вернулся обратно, прошла уже половина занятия. У нас было собрание после этого, затем ланч и... — он качает головой, вспыхивая этим проклятым румянцем — ...я понял, что никто не будет искать меня. У меня было три часа, чтобы заниматься тем, что я хотел.

Проглатываю креветку, и она с трудом опускается вниз. Я хочу, чтобы он рассказал мне, что пошел домой и погуглил картинки с целующимися парнями.

— Я пошел в кино один и съел целую упаковку лакричных конфет, — он наклоняется вперед, его глаза полны того дразнящего сияния. — И пил колу.

В голове путаница: *не могу вычислить. Какую эмоцию пустить в кровоток? Любовь или замешательство?* Ради всего святого, *это* же Себастиан со своим самым непослушным поступком.

Он качает головой из— за меня, и в это мгновение, я понимаю, что наивный здесь только я.

Когда он откидывается обратно на спинку стула и смеется, мне конец. Полностью уничтожен.

Я не могу его читать. Я не могу понять его.

Понятия не имею, о чем он думает и смеется надо мной или из лучших намерений, но никогда прежде я не хотел так неистово наклониться вперед и приложиться губами к чьей— то щеке, умоляя его захотеть меня.

Глава 7.

Я возвращаюсь домой все еще будто в каком— то тумане, едва осознавая, что было после ланча. Все занятия, как в тумане. Я помогал Отэм с домашкой по мат анализу

допоздна, но не уверен, что был очень полезным — или, что в итоге ее ответы будут правильными.

Я проигрывал свой разговор с Себастианом снова и снова, и каждый раз задавался вопросом — выглядел ли он настолько счастливым от встречи со мной, как мне казалось. Мы флиртовали...мне *кажется*? Сама мысль, что хороший, прилежный Себастиан сбегает из школы ради того, что, как я подозреваю, было простым восторгом от возможности заняться, чем он не должен был, — все это вызывает серьезные неисправности в моей голове.

Я так же пытаюсь бороться с мыслью, что Себастиан уедет на следующей неделе. Мне всегда нравилась школа, но его присутствие на Семинаре — единственное от чего этот последний семестр в старших классах кажется сносным.

До меня только доходит, и я нащупываю свой телефон.

«Я могу писать тебе, пока тебя не будет?»

Я жалею о том, что отправил это в ту же секунду, но если сейчас разобраться, что я теряю? Слава богу, он не дает мне накрутить себя еще больше, и экран телефона загорается.

«Я буду работать с редактором и еще не знаю своего точного расписания, но постараюсь ответить».

Я выбираюсь из машины и захопываю дверь, все еще улыбаясь в свой телефон, когда вваливаюсь на кухню. Мама стоит у раковины, уже в своей яркой, радужной пижаме, и моет посуду.

— Привет, милый.

— Привет, — отвечаю я, убирая телефон, и выскальзываю из куртки. Я отвлечен и пытаюсь дважды повесить ее. — Ты рано сегодня.

— Скажем просто, что мне нужен бокал вина, — произносит она, закрывая дверцу посудомоечной машинки. Она показывает пальцем на холодильник. — Оставила тебе порцию там.

Благодарю ее поцелуем в щеку, проходя через всю кухню. Не сказать, что я слишком голоден — воспоминаний о ланче с Себастианом достаточно, чтобы отправить мой желудок снова на территорию американских горок — но если я не поем, то просто исчезну в своей комнате, где одержимо буду перечитывать сообщения и возможно ступлю на менее здоровую территорию. Что — будем честны — все равно произойдет.

На тарелке замотанной целлофановой пленкой приклеена записка: «ТЫ МОЯ ГОРДОСТЬ И РАДОСТЬ». Я снимаю ее и улыбаюсь, хотя могу сказать, что сам не свой и слишком широко распахиваю глаза.

Мама наблюдает за мной с другой стороны кухонного островка.

— Ты выглядишь немного... взвинченным. Ты в порядке?

— Да, в полном, — тяжесть ее внимания преследует меня, пока я разогреваю еду и наливаю себе попить. — Что произошло на работе?

Она обходит островок, прислоняясь к нему, как будто собирается ответить. Но телефон вибрирует в моем кармане. Как обычно в это время приходит сообщение от Отэм.

Но есть еще сообщение от Себастиана.

«Кстати, спасибо за ланч»

«У меня был не самый лучший день, и ты его изменил».

«Спокойной ночи, Таннер»

Вагончик на американских горках в моем желудке достигает самого высокого холма и замирает на краю.

— Таннер? — мама стягивает волосы в хвостик, скрепляя его резинкой со своего запястья.

Отрываю взгляд от экрана.

— Что?

Она кивает и наливает тот бокал необходимого вина, перед тем как указать мне, следовать за ней.

— Продолжим.

Ой, черт. Я спрашивал ее об ее дне, а затем прекратил слушать. Оставив телефон на столешнице, я слеую за ней в гостиную.

На гигантском кресле в углу, мама подгибает под себя ноги, наблюдая за тем, как сажусь я.

— Ты же знаешь, что я люблю тебя.

Я внутренне содрогаюсь.

— Знаю, мам.

— И я так горжусь человеком, которым ты стал, что меня чуть ли не разрывает.

Киваю. Я везунчик. Я знаю, кто я. Но бывают такие моменты, когда выражение восхищения становятся...излишним.

Она наклоняется вперед, используя свой мягкий голос.

— Я только переживаю за тебя, милый.

— Прости, что не слушал, о чем ты говорила про работу.

— Я не об этом.

Я уже понимаю.

— Мам, Себастиан — мормон, а не социопат.

Мама насмешливо выгибает бровь, как будто собирается отпустить шуточку, но не делает этого. И от нахлынувшего безумного облегчения, я рад, что она не сделала этого. Его защита нарастает жаром в моей груди.

— Но между вами все по—прежнему платонически, или...?

Я начинаю волноваться. Наша семья обсуждает все, но я не могу перестать думать об их лицах в тот вечер за ужином, и осознавать, что у них довольно специфическое представление о парне, с которым я однажды сойду: с кем—то, таким же, как мы.

— А что если у меня к нему больше, чем просто платонические чувства?

Она выглядит огорченной и медленно кивает.

— Не сказать, что я сильно удивлена.

— Я встречался с ним за ланчем.

Я вижу, как она проглатывает свою реакцию, будто полный рот густого сиропа от кашля.

— Ты же ничего не имеешь против? — спрашиваю я.

— Насчет того, что ты покинул территорию школы? — она откидывается на спинку, изучая меня. — Не совсем, но я понимаю, что так делают все, поэтому выбираю — не

спорить по пустякам. Насчет твоей ориентации? Абсолютно, ничего. Тебе никогда не нужно беспокоиться насчет этого при нас с папой, хорошо?

Сейчас я понимаю, что реальность большинства подростков— геев не такова. Я понимаю, что невероятный везунчик. Слова выходят немного хриплыми из— за эмоций.

— Хорошо.

— Но против ли я твоего преследования подростка— мормона, парня *или* девушки? — она качает головой. — Да. Таннер, я против. И это если быть честной. Возможно, это мое непонимание, но оно действительно беспокоит меня.

Моя признательность моментально гаснет.

— И как это будет отличаться от того, что его родители говорят, что *парни* — под запретом?

— Это *совершенно* другое. Среди сотни прочих причин, ходить в церковь — это выбор. Быть бисексуалом — это просто то, кто ты *есть*. Я оберегаю тебя от ядовитых комментариев церкви.

Я даже рассмеялся на это.

— А его родители делают это, чтобы уберечь его от ада.

— Так не бывает, Тан. Церковь не угрожает адским огнем.

У меня срывает планку.

— А откуда мне знать, что вообще говорит Церковь СПД обо всем? — спрашиваю я, повышая голос. — Не похоже, что ты даешь нам хоть на каком— то уровне представление о том, во что они, *вообще*, верят и как взаимодействуют. Все, что я узнал от тебя, — они ненавидят геев, они ненавидят женщин, они *ненавидят*.

— Таннер...

— Мне, вообще, кажется, что Мормонская церковь не так уж много ненавидит. Ты — единственная, кто ненавидит *их*.

Ее глаза распахиваются, а затем она отворачивает лицо, глубоко вдыхая.

Ох, черт. Я перегнул палку.

Если бы мама была жестокой женщиной, то, наверняка бы, встала и дала мне пощечину в тот же момент. Я мог прочесть это по напряженной линии ее плеч, ее нарочито— спокойный вдохах.

Но мама — *не* жестокая. Она мягкая и терпеливая, и не желает клевать на мою наживку.

— Таннер, милый. Это очень сложно для меня, чем ты можешь себе представить, и если ты хочешь обсудить мою историю, связанную с церковью, то мы можем. В данный момент, я переживаю за *тебя*. Ты всегда в первую очередь идешь на поводу у своего сердца, а уже потом — головы, но мне нужно, чтобы ты подумал об этом, — подоткнув под себя ноги, она продолжает. — Вы с Себастианом из двух совершенно разных миров, и пусть даже это не то же самое через что прошли мы с твоим папой, или тетя Эмили, но оно не так уж сильно отличается. Полагаю, его семья не в курсе, что он гей?

— Да, даже я не знаю, гей он или нет.

— Ну, чисто гипотетически, давай предположим, что его и твои чувства взаимны. А ты знаешь, что церковь считает нормальной однополые отношения, но тебе нельзя никак воплощать их в жизнь?

— Да, знаю.

— Будешь ли ты способен встречаться с ним, но не прикасаться? — это риторический вопрос, поэтому она не ждет моего ответа. — Или, каково тебе будет в роли секрета? Для

тебя будет нормальным встречаться за спинами его родителей? Что если его семья, настолько же близка, как и мы? Как ты будешь чувствовать себя, если его семья отречется от него, из— за отношений с тобой? — на этот раз она ждет моего ответа, но я, честное слово, не знаю, что сказать. Это то же самое, что и впрягать телегу перед лошадью — черт, да перед всем стадом. — Что бы ты почувствовал, если бы он потерял свою общину, или вы двое — искренне влюблены, но он, в итоге, выберет церковь вместо тебя?

Я отбиваюсь шуткой.

— Мы едва переписываемся. Я пока не готов к предложению.

Она понимает, что я делаю, и отвечает терпеливой, грустной улыбкой.

— Знаю. Но и еще я знаю, что никогда не видела тебя настолько увлеченным кем— то раньше, и под восторгом всего «первого», трудно задумываться над тем, что будет дальше. И это моя работа — присматривать за тобой.

Я сглатываю. По логике я понимаю, что она в чем— то права, но упрямая часть моего мозга настаивает, что ситуация совсем не такая. Я смогу с ней справиться.

***

Пусть мама и желает мне только добра, но мои мысли о Себастиане уже как поезд, который не остановить: Машинист исчез, а сам двигатель уже в огне. Мое увлечение неподконтрольно.

Но когда я поднимаюсь в свою комнату, раздумывая над тем, что она сказала, я успокаиваюсь достаточно для того, чтобы понять, что она обсуждает с нами многое, чем я сам позволяю ей. Я знаю насколько была опустошена тетя Эмили, когда, набравшись смелости, она открылась своим родителям, а они сказали ей, что больше не рады ей в своем доме. Я знаю, что она несколько месяцев жила на улице, перед тем как перебралась в приют, и даже там было не очень— то радушно; она пыталась покончить с собой.

И это стало последней каплей для мамы. Она бросила учебу в Университете Юты и забрала Эмили с собой в Сан— Франциско. Там она поступила в КУСФ и работала в ночную смену семь дней в неделю по одиннадцать часов, чтобы содержать их обоих. Мама закончила магистратуру в Стэнфорде. А Эмили в итоге самостоятельно закончила магистратуру в Беркли.

Их родители — мои бабушка с дедушкой, которые сейчас живут где— то в Спокане, оборвали связь с обеими своими дочерьми и даже ни разу не пытались разыскать их.

Мама по— прежнему пытается притворяться, что от этого не больно, но как такое вообще может быть правдой? Даже не смотря на то, что они временами выводят меня из себя, я просто пропаду без своей семьи. Может ли семья Себастиана выгнать его? Смогут ли они *отречься* от него?

Господи, это становится намного серьезнее, чем я ожидал. Я считал, что это будет короткой влюбленностью, любопытством. Но теперь я увяз в этом. И понимаю, что мама не ошибается в том, что мое преследование Себастиана — ужасная идея. Возможно, это хорошо, что он уезжает в Нью— Йорк, и его не будет на занятиях.

***

Я еду в гости к Эмили и Шивани на выходные и — странно — даже не испытываю

желания написать ему. Уверен, что мама рассказала Эмили обо всем, что происходит, потому что та пытается несколько раз заговорить о «любви— всей— моей— жизни», но я уклоняюсь от разговора. Если мама сильно напрягается из— за этого, то Эмили чуть ли не вибрирует.

Они везут меня с собой на какой— то странный артхаусный фильм о женщине, которая разводила коз, и я вырубаюсь где— то на середине. Они не разрешают мне выпить вина за ужином, и я спрашиваю их в чем преимущество иметь двух теток— еретичек, и тем не менее мы с Эмили играем в пинбол в гараже на протяжении четырех часов в воскресенье, и я съедаю около семи порций нута с карри Шивани, перед обратной поездкой домой, чертовски довольный своей собственной семьей.

Удивительно, как немного расстояния и иного взгляда на мир, кажется, помогают очистить мой разум.

А потом, на следующей неделе, Себастиан приходит на занятия в темно— серой хенли с расстегнутой пуговицей на горле и подтянутыми рукавами на предплечьях. И мне открывается пейзаж из мышц и вен, гладкой кожи и красивых рук, и как я должен справляться с *этим*?

Кроме того, он, похоже, более чем счастлив подойти ко мне и взглянуть на мои первые несколько страниц. Он даже смеется над отсылкой к плакату Отэм с котенком и спрашивает меня с плохо скрываемым любопытством, будет ли книга автобиографичной.

Можно подумать, он еще не догадался.

Вопрос так и повис в его глазах — *А я в книге?*

Это зависит от тебя, думаю я.

Видимо моих «расстояние» и «иной взгляд на мир» хватило ненадолго.

У меня было что— то мимолетное к Мэнни, когда мы только познакомились — даже было парочка моментов *наедине*, представляя каково бы это было быть вместе с ним — но это не продержалось долго, и мое внимание переключилось на следующего человека. Целоваться с мальчиками приятно. Целоваться с девочками приятно. Но что— то подсказывает мне, что поцелуи с Себастианом будут чем— то сродни искры, упавшей в центр поля с сухой травой.

После уроков и нескольких снимков ее еды, я не часто видел Отэм в последнее время. Когда она заезжает к нам во время ужина однажды вечером, мама даже не пытается скрыть восторга от встречи с ней и предлагает ей остаться. После всего, мы исчезаем в моей комнате, прямо как в старые добрые времена.

Я лежу на кровати, пытаюсь организовать стоящие листочки с чем— то связанным с моей следующей главой, а Отэм роется в моих вещах и быстро вводит в курс дела школьных сплетен.

Знал ли я, что Макензи Гобл сделала минет Девону Николсону на балконе спортзала, во время учительского баскетбольного матча на прошлой неделе?

Слышал ли я, что несколько парней пролезли под потолочной плиткой одной из душевых и добрались до женской раздевалки?

Слышал ли я, что Мэнни пригласил Сэди Вэймент на выпускной?

Это привлекает мое внимание, и я поднимаю взгляд, чтобы увидеть ее в одной из моих футболок. Мои родители придерживаются строгой политики «открытых дверей», когда кто — то приходит — девочка или мальчик — но, похоже, это не относится к Отэм. Что, честно говоря, забавно, потому что в какой— то момент, пока я всматривался в свои записи, она

разделась и пыталась нацепить на себя мою одежду.

— Я забыл, что люди уже обсуждают выпускной.

Она смотрит на меня так, будто дает мне понять, как я туплю.

— Осталось меньше четырех месяцев. Я говорила об этом в машине на прошлой неделе.

Я сажусь прямо.

— Говорила?

— Да, говорила, — она разглядывает себя в зеркале, растягивая футболку. — Как будто ты больше не слышишь, что я говорю.

— Нет, прости. Я просто... — отталкиваю свою стопку листочков и полностью оборачиваюсь к ней лицом. — Я просто втянулся в свой проект и отвлекся. Напомни, что ты говорила.

— Ох, — произносит она, раздражение моментально угасает. — Я предлагала пойти вместе, чтобы не пришлось создавать из этого такое большое событие.

Вау. Я — придурок. Она собственно пригласила меня на выпускной, а я ничего не ответил. Я совсем не думал об этом. Правда в том, что мы с Отэм ходили вместе на танцы, когда ни у кого из нас не было пары, но так было раньше.

До Себастиана?

Я — идиот.

Она изучает меня в отражении.

— В том смысле, только если больше нет никого, кого ты хотел бы пригласить?

Я отвожу взгляд, чтобы она не могла смотреть мне в глаза.

— Нет. Кажется, я просто забыл.

— Ты забыл про выпускной? Таннер. Это наш выпускной класс.

Я ворчу, пожимая плечами. Оставив мой шкаф в покое, она садится на край кровати рядом со мной. Ее ноги обнажены, а моя футболка достает ей до середины бедра. В такие моменты, как этот, я понимаю, насколько проще была бы моя жизнь, если бы я испытывал к ней все то, что испытываю к Себастиану.

— Уверен, что никого не хочешь пригласить? Сашу? А Джемму?

Я морщу нос.

— Они обе мормонки.

Ох, какая ирония.

— Да, но они *классные* мормонки.

Я подтягиваю ее ближе.

— Давай представим как это будет, до того как примем решение. Я еще не потерял надежды на то, что Эрик наконец— то соберется и сделает тебя порядочной женщиной. Как ты говорила, это наш выпускной класс. Разве *ты* не хочешь, чтобы это стало большим событием?

— Я не хочу.... — она начинает нерешительно, но я перетягиваю ее на себя, а затем скручиваю в шар и щекочу. Отэм смеется, визжит и обзывает меня по разному, и только когда Хейли начинает колотить в мою стену, а папа орет нам «потихше», я, наконец— то, отодвигаюсь, довольный тем, что тема выпускного забыта.

***

Жить здесь становится легче, когда сменяется время года и дни становятся длиннее.

Кроме внезапных походов или катания на лыжах, никто из нас не выходит на улицу по несколько месяцев. И это оставляет мне, как буйно— помешанному в тюрьме, слишком много времени для размышлений. К середине февраля меня настолько тошнит от своей комнаты, дома и школы, что когда наступает первый, по— настоящему теплый день, я готов заниматься чем угодно и так долго, пока это происходит *на улице*.

Снег сходит с тротуаров чуточку больше с каждым днем, пока не остается несколько участков на лужайке.

Папа оставил мне грузовик с прицепом и список дел на сегодня с моим именем на холодильнике утром в субботу. Я буксирую нашу яхту от торца дома к подъездной дорожке и снимаю брезент. Мокрицы засеменяли прочь; она заплесневела и потемнела внутри, и я изучаю объем работы, который ожидает меня впереди. Мы не сможем *использовать* ее по— настоящему еще несколько месяцев, но она нуждается в серьезном внимании и заботе.

На подъездной дорожке повсюду лужицы из подтаявшего снега. От уличного масла и неразберихи из веток и листьев все это выглядит отвратительно, но я знаю, к чему все это ведет: к солнцу и свежему воздуху и запаху барбекю на протяжении выходных. Мы отдаем сидения на перетяжку и меняем ковровое покрытие в этом апреле, поэтому я начинаю вырывать старое барахло вместе с клеем. Я не могу охарактеризовать эту работу, как *приятную*, но поскольку у меня нет настоящей работы, а бензин сам себя не покупает, я выполняю то, что просит мой отец.

Я избавляюсь ото всего, что необходимо, раскладываю еще один брезент на траву, чтобы облегчить транспортировку. Я только успеваю достать водительское сидение, когда слышу легкий скрип тормозов, слышу, как шины останавливаются на дорожке позади меня.

Я оборачиваюсь, чтобы встретиться с Себастианом, который стоит рядом с велосипедом и жмурится на солнце.

Я не видел его вне пределов занятий две недели, и это вызывает странную боль, проходящую сквозь меня. Распрямившись, я подхожу к краю палубы.

— Привет.

— Привет, — отвечает он, улыбаясь. — Что ты там делаешь?

— Похоже, зарабатываю себе на жизнь. Но уверен, что ты называешь это «служением» — произношу я, используя руки для воздушных кавычек.

Он смеется, а у меня сжимается желудок.

— Служение — в большей степени, — кавычки пальцами. — «помощь другим», и в меньшей степени, — еще кавычки, — «ремонт причудливый папиной яхты», но все в порядке.

Черт возьми, он издевается надо мной. Я показываю на бардак у своих ног, усеивающий брезент.

— Видишь этот ужас? Он не причудливый.

Он всматривается в бок яхты.

— Продолжай повторять себе это.

Опустившись на колени, я приближаюсь своим лицом к его до расстояния в несколько сантиметров.

— Хотя, что здесь делаешь ты?

— Я проводил урок по соседству. Решил заехать.

— Значит, ты учишься, пишешь, работаешь наставником и занимаешься репетиторством? Я — *лентяй*.

— И не забывай обо всех служениях в церкви, — отступив назад, он отводит взгляд, пылая щеками. — Но, если честно, я не совсем был поблизости.

Моему мозгу требуется минута, чтобы добраться из пункта А в пункт Б, и когда точки наконец соединяются, понимаю — он приехал сюда специально, чтобы увидиться со мной — и чуть ли не отпрыгиваю в сторону и хватаюсь за него.

И естественно я этого не делаю. Я вижу по тому, как он сжимает руль, что ему не совсем комфортно после признания, и внезапная надежда расцветает внутри меня. Именно так мы проявляем себя: крошечные вспышки дискомфорта, реакции, которые мы не можем скрыть. В некотором роде именно поэтому здесь так ужасно жить и надежно хранить информацию о моей ориентации за закрытыми дверями дома. Вне пределов дома, я могу выдать себя, по подергиванию губ на слово «педик», уставившись на кого — то слишком долго, позволив приятелю обнять себя и сделать это неправильно.

Или просто нервничать из — за того, что он захотел заехать.

Возможно, я просто проецирую это, возможно, просто вижу это в собственной надежде, но все равно, я хочу слезть, аккуратно оторвать его руки от руля и взять их в свои.

Но вместо этого я выдавливаю шутку.

— Замечу, что ты не отрицал часть с ленью. Теперь я понял, какой ты.

Линия его плеч расслабляется, и он отпускает руль.

— В том смысле, что я не хотел ничего такого сказать, но...

— Может, прекратишь отвлекать меня и поднимешься, чтобы помочь.

Себастиан отбрасывает свой велосипед на траву и выскальзывает из куртки, удивляя меня, когда легко запрыгивает в прицеп и на корму.

— Вот, теперь ты поймешь, что такое служение.

Я понимаю, что у меня есть шутка о «служении», но умудряюсь сдержать ее при себе.

Уперев руки в бока, Себастиан оглядывается.

— Что нужно сделать?

— Мне нужно снять сидения и сорвать старое ковровое покрытие. Ох, и отскоблить весь клей. Спорим, что ты теперь сожалеешь, что такой хороший человек, — я протягиваю ему свои перчатки и позволяю себе три секунды попялиться на него. Он не морщится, нет и намек на неуместность. Он тоже в последнее время находился на улице. Его кожа теплого оттенка загара.

— Тебе не обязательно давать мне перчатки, — он отталкивает их в сторону.

— Кажется, была еще пара в гараже.

Себастиан соглашается, и я спрыгиваю вниз, пользуясь секундой, чтобы вдохнуть, пока медленно иду к гаражу и обратно к яхте. Если я прислушаюсь к совету мамы, то это будет идеальной возможностью, чтобы изложить границы всего, и прояснить, что несмотря на то, что он знает обо мне, что больше никто не знает, ничего между нами двумя никогда не произойдет

Скоро, говорю себе. Я все скажу ему скоро. Наверное.

Нам удастся выгащить второе переднее сидение, вместе со скамейкой, и даже не смотря на то, что сейчас около шестнадцати градусов — рекорд для этого времени года — мы оба истекаем потом к тому времени, как занимаемся ковровым покрытием.

— Итак, не пойми неправильно, — произносит он, — но почему твой отец заставляет тебя заниматься этим, вместо того, чтобы...ну, не знаю... — он виновато склоняет голову, и бросает взгляд на мой дом. — ...заплатить кому — то?

Я слеую за его взглядом на дом. Наш район, пожалуй, самый красивый в этой части Прово. У домов изогнутые подъездные дорожки и большие лужайки. У каждого есть готовый цокольный этаж, и у большинства из нас есть законный этаж над нашими гаражами. Это правда, что мои родители зарабатывают хорошие деньги, но они не расточительны.

— Мама экономит каждую копейку везде, где может. Ее причины: Она уже позволила папе купить яхту. Она не собирается позволять ему кого— то нанимать, чтобы обслуживать ее.

— Очень похоже на мою маму, — Себастиан усиливает хватку на конкретном трудно подающемся участке ковра и тянет. Соответствующими *рывками* он снимается небольшими четвертями. — Та часть про сохранение каждой копейки, — уточняет он. — Ее девиз: «используй, носи, работай с этим или обойдись без него».

— Умоляю, никогда не рассказывай моей маме об этом. Она напечатает его себе на футболке.

Или на наклейке на бампер.

Когда ковровое покрытие наконец— то сорвано, Себастиан распрямляется и отбрасывает его в сторону, где он приземляется на брезент со *шлепком* и шлейфом пыли. Тыльной стороной своей руки он вытирает свой лоб.

Кажется практически преступным то, как мне с усилием приходится отвести взгляд от его торса.

Оглядевшись вокруг, он изучает разруху.

— И все же. Старая или нет, это очень красивая яхта.

— Угу, — я тоже выпрямляюсь, слезаю на подъездную дорожку. Родители еще не вернулись, и пригласить его в дом кажется соблазнительно преступным.

— Хочешь попить чего— нибудь?

— Конечно.

Себастиан следует за мной через гараж внутрь дома. На кухне я открываю холодильник, благодарный охлажденному воздуху на своем лице, и изучаю, что у нас есть. Папа в больнице, а мама и Хейли уехали по магазинам.

Я признателен за это, но и *резко осознаю*, что мы одни.

— У нас есть лимонад, кола, диетическая кола, витаминизированная вода, кокосовая вода...

— Кокосовая вода?

— Маме нравится пить ее после тренировок. Лично мне кажется, что на вкус она, как разбавленный солнцезащитный крем.

Себастиан встает за мной, чтобы заглянуть в холодильник, и у меня перехватывает дыхание в легких.

— Удивительное, что они не складывают его в упаковки, — когда он смеется, я чувствую, как смех проходит по его груди.

Я не в порядке.

Он прочищает горло.

— Витаминизированную воду.

Я вытаскиваю две бутылки и протягиваю ему одну, прижимая вторую к своему лицу, когда он отворачивается ко мне спиной.

— Твой отец — врач? — спрашивает он, разглядывая все вокруг. А я наблюдаю, как он откручивает крышку и прикладывает бутылку к своим губам для большого глотка. Мое

сердце синхронно бьется с каждым его глотком...

...раз

...два

...три

...и абсолютно уверен, что не дышу, пока он не заканчивает.

— Угу, в «Долине Юта», — я оборачиваюсь к холодильнику, надеясь, что мой голос не надломился. — Хочешь поесть чего — nibудь?

Себастиан подходит ко мне.

— Да. Не возражаешь, если я помою руки?

— Ага, отличная мысль.

Мы стоим у раковины бок о бок, намыливая свои руки и ополаскивая их под краном. Наши локти сталкиваются друг с другом, и когда тянусь через него за полотенцем, мое бедро врежется в его. Это всего лишь бедра, но в моей голове все переходит к тазовым косточкам напротив друг друга к тому, что трется между ними в мгновение ока. Мое извращение никак иначе — оперативное.

Понимая, что я не могу просто так стоять здесь у раковины и думать о его бедрах, я протягиваю ему полотенце и возвращаюсь к холодильнику.

— Сэндвичей будет достаточно?

— Да, спасибо.

Я достаю ветчину и сыр и все что еще могу найти и выцепляю пару тарелок и ножей из посудомойки. Себастиан занимает место за одним из кухонных стульев. Я толкаю по столешнице к нему хлеб.

— Итак, как продвигается проект? — он разворачивает пакет, выкладывая хлеб на тарелки.

— Проект?

Он смеется, наклоняясь вперед, чтобы встретиться с моими глазами.

— Ну, помнишь, книга? Для занятий, на которые ты ходишь?

— А книга, точно, — ветчина запакована, поэтому ей требуется немного моего внимания, чтобы открыть ее, что означает — у меня есть, по меньшей мере, десять секунд задержки. И этого все равно недостаточно. — Все хорошо.

Он приподнимает бровь, удивленно.

— Хорошо?

Все, что я в последнее время писал, было о тебе, но все классно. Нет необходимости создавать неловкость между нами.

— Угу, — отвечаю, пожимая плечами, не в состоянии придумать что — то более выразительное под тяжестью его внимания. — У меня довольно неплохой результат.

Себастиан отрывает лист латука от кочана и аккуратно кладет его в середину своего куска хлеба.

— Ты позволишь мне прочитать дальше?

— Да, конечно, — вру я.

— Сейчас?

Мой ответ выходит слишком резким:

— Нет пока. Нет.

— Ты можешь зайти после учебы на следующей неделе, и мы могли бы просмотреть ее. Полный рот воды, кажется, застревает в моем горле. Я сглатываю с усилием.

— Серьезно?

— Конечно. Как насчет пятницы?

У меня есть практически неделя, чтобы отредактировать книгу.

— Хорошо.

— Принесешь первые несколько глав, — его глаза мерцают.

У меня только пять дней, чтобы перебрать свою книгу. Сменить имена, как минимум. Может, разнести эту книгу на вариант дневника и *романа*.

Господи, дай мне сил.

Мы едим в тишине несколько минут, передавая упаковку чипсов туда и обратно, и наконец, щелкаем парочкой колы с кофеином — как возмутительно! — когда Себастиан встает и подходит к фотографии на холодильнике.

— Классный снимок, — произносит он, склоняясь ближе, чтобы лучше рассмотреть. — Где это? Это здание *безумное*.

Это мой снимок летом после десятого класса. Я стою перед возвышающейся, искусно спроектированной церковью.

— Это Собор Святого Семейства в Барселоне.

Себастиан переводит на меня взгляд широко — распахнутых глаз.

— Ты был в Барселоне?

— У папы был большая конференция, и он взял нас собой. Это было очень круто, — останавливаясь позади него, я тянусь через его плечо и прикасаюсь к кусочку снимка. — Он по разному выглядит с каждой стороны. Там, где стою я, это фасад страсти, и он проще, чем все остальные. А вот в этих башнях, — я указываю на каменные сферы, которые, кажется, простираются в облака. — Ты можешь подняться наверх.

— У тебя такое лицо, — он смеется. — Как будто ты знаешь что — то, чего не знает человек, который снимал.

Я опускаю на него взгляд, так близко, что могу разглядеть веснушки с одной стороны его носа, то, как его ресницы практически задевают щеки, когда он моргает. Я хочу ему рассказать, что целовался с парнем в том путешествии, только со вторым парнем за свою жизнь. Его звали Дэкс, и он приезжал со своими родителями. Мы ускользали с ужинов с другими врачами и их семьями, и целовались до тех пор, пока не немели наши губы.

Поэтому да, я знаю то, чего не знает человек, который снимает. И я рассказал маме и папе о Дэксе несколько месяцев спустя.

Я хочу сказать Себастиану, что он прав, только если посмотреть на его реакцию, когда я объясню почему.

— У меня есть небольшая фобия насчет высоты, — произношу вместо этого. — И мне чуть плохо не стало, когда родители сказали, что взяли билеты на подъем наверх.

Приподняв подбородок, он смотрит на меня.

— Ты пошел?

— Да, пошел. Кажется, я держал маму за руку всю дорогу, но сделал это. Возможно, поэтому я выгляжу немного гордым.

Себастиан отступает в сторону, усаживаясь обратно за островок.

— Мы однажды проехали сорок миль до Нефий, — произносит он. — Думаю, можно с уверенностью сказать, что тебе повезло.

Я давлюсь смехом.

— Нефий — классно звучит.

— Мы посетили храм в Пейсоне и наблюдали за реконструкцией телеги на Мормонском пути. Так что...да.

Теперь мы оба смеемся. Я сочувственно обхватываю его плечо.

— Ладно, возможно, тебе повезет в следующий раз.

— Не думаю, что это случится, — отвечает он, ухмыляясь мне поверх своей банки колы. Его улыбка выбрасывает смесь эндорфинов в мою кровь.

— Возможно, когда мы закончим с яхтой, то сможем сходить на ней.

Он опускает свою банку на стол рядом с тарелкой.

— Ты когда—нибудь делал это раньше?

— Я хотел сказать, я никогда не управлял сам прицепом раньше, но уверен, что справлюсь с ним. Ты тоже можешь поехать, когда мы в июле поедem на озеро Пауэлл.

Лицо Себастиана опускается на долю секунды, перед тем как его обычная, идеальная маска занимает снова свое место.

— Звучит неплохо.

— Может, нам повезет и станет теплее раньше, — произношу я. — В начале лета.

Интересно, он видит, как колотится мое сердце о ребра.

— Будем надеяться.

Глава 8.

Я провожу все свое свободное время по вечерам на этой неделе, отчаянно выискивая и заменяя имена «Таннер», «Тан» и «Себастиан». Таннер становится Колином. А Себастиан — Эваном. Все, кто ходит со мной в школу получают новые имена. Отэм становится Энни. Фуджита — Франклин, а занятия становятся почетной химической лабораторией.

Я понимаю, что это занятие бесполезно. Даже если я сохраню книгу в новой версии, где «Колин» на самом деле заинтересован в «Йене», одном из учеников— мормонов в классе, я понимаю, что все мои изменения неряшливы и неубедительны в лучшем случае.

В пятницу после занятий, с первыми четырьмя главами, распечатанными и засунутыми под мою руку, я иду от своей машины к входной двери дома Себастиана. И могу поклясться под присягой, что их дверной звонок самый громкий из существующих. По крайней мере, так кажется, как только я вдавливаю кнопку. Мой пульс срывается, не глядя по сторонам, мои нервы бросаются под фуру.

Но теперь нет пути назад. Я собираюсь войти в дом Себастиана. В дом *епископа*.

Серьезно, это не *первое* мое «родео». Я был до этого в доме Эрика, но там облегченная версия «мормонов». Его фотография с выпускного класса теперь висит там, где должен висеть портрет Спасителя. У них по—прежнему висит снимок храма в рамке на стене, но и еще у них есть кофеварка, как у цивилизованных людей.

Все это означает, ту часть ожидания схожую с чувствами археолога перед большими раскопками в Египте: придется много чего раскапывать здесь.

Тяжелые шаги опускаются на деревянный пол внутри дома. Они настолько тяжелые, что заставляют меня задумываться был ли это мистер Бразер по ту сторону двери, а затем во мне взрывается паника, потому что я уложил волосы и одел самую лучшую одежду, и что если вместо того, чтобы сносно выглядеть для мормона, а выгляжу слишком по—гейски?

Что если отец Себастиана сразу же разглядит мои намерения и отправит домой, запрещая своему сыну вообще разговаривать со мной?

Моя паника раскручивается. Я выгляжу прилично, но не достаточно опрятно; по мне заметно желание к Себастиану; мой папа еврей — это плохо? В Прово не так уж много евреев, но поскольку мы больше не практикуем веру, я никогда не считал, как это может *сильно* выбивать меня в аутсайдеры. Боже, да я даже не знаю, когда правильно использовать слово «завет». Я чувствую, как пот покалывает на тыльной стороне моей шеи, и дверь открывается...

Но за ней только Себастиан, с ребенком в стальном захвате его руки.

— Это — Аарон, — произносит он, слегка разворачиваясь, чтобы я смог получше разглядеть его брата. — Это Таннер, — его брат долговязый, улыбающийся и с копной прямых темных волос: мини— версия своего старшего брата. Отличная работа, генетика.

Аарон вырывается и выпрямляется, протягивая мне руку для рукопожатия.

— Привет.

— Приятно познакомиться.

Ему тринадцать, и вот мне интересно, достаточно ли моего рукопожатия? Мормоны, кажется, чертовски хороши в этих делах.

Я отпускаю руку и улыбаюсь, сопротивляясь желанию извиниться. С ругательствами нужно заканчивать, даже если они только в моей голове.

И как будто он понимает, что внутри меня бесшумно разворачивается Чернобыль, Себастиан провожает Аарона обратно в дом, и затем кивает головой для меня, чтобы я следовал за ним.

— Входи, — говорит он, а затем ухмыляется. — Ты не сгоришь.

Внутри безупречно. И очень, *очень* по— мормонски. Интересно, маме будет это знакомо из ее детства.

Впереди гостиная с двумя диванами повернутыми лицом друг к другу, а справа пианино, и огромная картина Храма в Солт— Лейк— Сити. Помимо нее есть, портрет Джозефа Смита. Я следую за Себастианом по коридору, мимо шкафчика с безделушками с белой статуэткой Христа с распростертыми руками, рамки с фотографиями их детей и свадебного фото его родителей, которые одеты полностью в белое. Такое ощущение, что эти двое только вышли из пубертатного периода, если честно, а свадебное платье затянуто чуть ли не до ее подбородка.

На кухне, ожидаемо, нет кофеварки, но к моему бесконечному восторгу, на стене большой снимок Себастиана, стоящего на безупречной, зеленой лужайке, с улыбкой от уха до уха, и непринужденно держащего в руке копию Книги Мормонов.

Он ловит меня на рассматривании снимка и прочищает горло.

— Хочешь попить чего—нибудь? Рутбир, сок...лимонад?

Я отрываю свое внимание от снимка, чтобы посмотреть на него во плоти — каким—то образом настолько отличающегося сейчас передо мной: взгляд более настороженный, кожа чистая даже без фотошопа, щетина оттеняет его челюсть — и как и всегда, мой взгляд притягивают его алеющие щеки. Он смущен или взволнован? Я хочу изучить все до единого его румянцы.

— Воды будет достаточно.

Он разворачивается, и я наблюдаю, как он отходит, а затем возвращаю свое внимание к каждой диковинке в рамках в этом доме. Например, к документу в тяжелой, позолоченной рамке с заголовком «СЕМЬЯ — ПРОКЛАМАЦИЯ МИРУ».

Я никогда не видел ничего подобного. В нашем доме, вы скорее всего увидите

либеральный манифест, прикрепленный к стене.

Я читаю четвертый абзац, где Церковь СПД заявляет, что «священные силы деторождения должны использоваться только между мужчиной и женщиной, в законном браке, как мужа и жены», когда Себастиан прижимает холодный стакан с водой к моей руке.

Я так пугаюсь, что чуть ли не падаю на пол.

— Ну, это интересно, — произношу я, изо всех сил стараясь сохранять голос нейтральным. Я разрываюсь между желанием закончить чтение и почему— то перечитать то, что уже впитал.

Я начинаю понимать, что имела ввиду мама о моей защите от ядовитых посланий церкви.

— Здесь очень много впихано в одну страницу, — соглашается Себастиан, но по его голосу я не могу понять, что он чувствует по этому поводу. Я знал все это, до того как пришел сюда, — то есть секс — для гетеросексуалов, родители должны обучить своих детей этим ценностям, никакого секса до брака, и прежде всего, молиться, молиться, молиться — но увидев это здесь, в доме Себастиана, все становится намного реальнее.

От чего все, что я чувствовал, кажется немного больше *нереальным*.

У меня моментально кружится голова от осознания, что семья Себастиана не просто наслаждается замечательной *идеей* всего этого. Они не просто визуализируют и идеализируют мир; они не играют в игры Будет— Ли— Это— Плохо— Если. Они искренне, по— настоящему *верят* в своего Бога и в эти доктрины.

Я оглядываю Себастиана. Он изучает меня с нечитаемым взглядом.

— Я никогда не приглашал сюда кого— то, кто не был членом, — произносит он. Мысли читает. — Я просто наблюдаю, как ты все это воспринимаешь.

Я решаю быть кристально честным.

— Это трудно понять.

— Мне интересно, если ты откроешь Книгу Мормонов и просто немного прочитаешь из нее, будет ли она разговаривать с тобой, — он поднимает вверх руки. — Я не вербую тебя. Мне просто любопытно.

— Я мог бы попытаться, — я совсем не *хочу* пытаться.

Он пожимает плечами.

— А пока что, давай сядем и обсудим *твою* книгу.

Напряжение этого момента раскалывается, и только после этого я понимаю, что задерживал дыхание, мышцы напряжены повсюду.

Мы направляемся в семейную комнату, которая намного уютнее и менее стерильная, чем гостиная в передней части дома. Здесь же есть бесчисленное количество семейных фотографий в рамках: вместе, по парам, по одному, прислонившись к дереву, — но на каждой до единой они улыбаются. И улыбки тоже настоящие. Моя семья такая же счастливая, как и они, но на нашей последней фотосессии мама угрожала Хейли полным шкафом цветных сарафанов из Gap, если та не прекратит дуться.

— Таннер, — произносит тихо Себастиан. Я смотрю на него, и медленная улыбка растягивается на его лице, пока не ломается, и он начинает смеяться. — Это настолько увлекательно?

То, как он дразнит, заставляет меня осознать, что я веду себя, как первобытный человек, вышедший из пещеры.

— Прости. Просто это так восхитительно мило.

Он качает головой, глядя в пол, но все равно улыбается.

— Ладно, так что насчет твоей книги.

Да, Себастиан. Насчет моей книги. Моей книги о тебе.

Моя уверенность испаряется, оставляя место преступления. Я протягиваю распечатанные страницы.

— Не думаю, что это здорово, но...

Это вынуждает его поднять взгляд на меня, освещенный интересом взгляд.

— Мы разберемся с этим.

Ну, по крайней мере, один из нас оптимист.

Я приподнимаю подбородок, указывая ему, что можно приступать. Он улыбается, удерживая мой взгляд, и продолжает дразнить.

— Не нервничай.

Затем он опускает взгляд на страницы в своей руке. Я слежу, как его глаза порхают туда и обратно, и мое сердце, как граната в горле.

Почему я вообще согласился на это? Почему я не попытался перезаписаться на другие занятия? Да, я хотел провести сегодня время с Себастианом, но разве не было бы намного проще держать все от него в тайне, пока я не пойму, где мы с ним находимся?

И как только у меня возникает эта мысль, я осознаю, что мое подсознание уже победило: я хотел, чтобы он посмотрел на себя здесь. Очень многое взято из наших разговоров. Я здесь, потому что хочу, чтобы он сказал мне, каким возлюбленным он хочет быть: Эваном или Йеном.

Он кивает, когда заканчивает, и похоже перелистывает назад и перечитывает последнюю часть заново.

Он ухмыляется, протягивая листы мне обратно.

— Вау.

Вау? Я морщусь. Видимо, это означает ужасно.

— Чувствую себя идиотом.

— Нет, — произносит он. — Таннер, мне, правда, понравилось.

— Да?

Он кивает, а затем прикусывает свою губу.

— Значит...я в твоей книге?

Я качаю головой. Чеку вытянули из гранаты.

— Никого из тех, кого мы знаем. Ну, кроме Франклина — прототип Фуджиты. Я просто в качестве структуры использовал занятия.

Пробежавшись пальцем по своей нижней губе, Себастиан изучает меня несколько секунд в тишине.

— Я думал...В смысле, я думал, что она про нас.

Чувствую, как кровь отливает от лица.

— Что? Нет.

Он легко смеется.

— Колин и...Йен? Или Эван, наставник?

— Она про Колина и Йена. Другого ученика.

Боже мой. Боже мой.

— Но, — начинает он, а затем опускает взгляд, краснея.

Я усердно стараюсь сдержаться.

— Что?

Он перелистывает страницу и прикладывает к месту указательный палец.

— У тебя опечатка в Таннере здесь. В том месте, где ты хотел заменить на «Колина», мне кажется. Его не захватило твоим поиском и не заменило.

ЧЕРТ.

Та же глупая опечатка в моем имени, которую я *постоянно* делаю.

— Ладно, да. Изначально, это было обо мне и какой— то теоретической личности.

— Серьезно? — спрашивает он со светящимися любопытством глазами.

Я тереблю зажим, которым обычно скрепляю страницы вместе.

— Нет. Я понимаю, ты не...

Он переворачивает еще одну страницу и протягивает мне.

Я ругаюсь себе под нос.

«...С переплетенными пальцами перед собой, Франклин раскачивается на своих пятках.

— У Себа очень занятое расписание, безусловно, — я мысленно стону. *Себ.* — Но мы оба с ним чувствуем, что этот опыт станет полезным для каждого из вас. Я верю, что он вдохновит вас....»

Себ. Я даже не задавал поиска и не менял его прозвище.

Себастиан собирается что— то еще сказать — выражение его лица невозможно прочитать, но оно не кажется испуганным — когда в дверях звучит голос.

— Себастиан, милый?

Мы оба оборачиваемся на звук. Я готов расцеловать женщину, которая прервала эту неловкую адскую дыру. Его мать, я узнаю ее по снимкам, входит в комнату. Она миниатюрная с темно— русыми волосами, собранными в хвост, в простой рубашке с длинным рукавом и джинсах. Не знаю почему, но я ожидал какое— нибудь пышное цветастое платье— монашки с огромным бантом в волосах, но все мои синапсы быстро собираются воедино.

— Привет, мам, — произносит Себастиан, улыбаясь. — Это Таннер. Он ходит на Семинар в этом семестре.

Его мама улыбается мне, подходя ближе, чтобы пожать руку и поприветствовать. Мое сердце стучит отбойным молотком о мои ребра, и мне интересно, я выгляжу так, будто могу упасть в обморок. Она предлагает мне попить и поесть. Она спрашивает, над чем мы работаем, и мы оба бормочем что— то бла— бла— связанное с книгой, не глядя друг на друга.

Но видимо наши ответы достаточно нормальные, потому что она поворачивается к Себастиану.

— Ты перезвонил Эшли Девис?

И как будто по собственной воле, глаза Себастиана порхают ко мне, а потом обратно.

— Напомни еще раз, кто она?

Ее разъяснения заставляют мой желудок ухнуть.

— Координатор мероприятий, — она замолкает, многозначительно добавляя. — У нее есть одинокие подопечные.

— Ох. Нет пока.

— Значит, — она тепло улыбается. — Убедись, что ты сделаешь это, хорошо? Я сказала

ей, что ты перезвонишь. Я просто думаю, что пришло время.

Пришло время? Что это означает? Его родителей беспокоит, что ему девятнадцать и у него все еще нет девушки? Я считал, что он не должен состоять в отношениях, когда уезжает на миссию.

Они подозревают, что он гей?

Он открывает рот, но она аккуратно его перебивает, отвечая на некоторые из моих вопросов.

— Я не говорю, что ты должен привязываться к кому— то. Я просто хочу, чтобы ты познакомился с несколькими...людьми... — *фу, она имеет виду девушек.* — ...чтобы когда ты вернулся домой...

— Хорошо, мам, — тихо говорит Себастиан, бросая и снова уводя от меня взгляд. Он улыбается ей, чтобы избавиться от обиды, когда его перебили.

Она, кажется, довольна его ответом и продолжает.

— Мы уже получили рекламное расписание от твоего агента?

Себастиан морщится, качая головой.

— Пока нет.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Улыбка его матери спадает, и хмурая морщинка занимает место между ее бровей.

— Я переживаю, что у нас не хватит времени, чтобы все скоординировать, — произносит она. — И еще нужно оформить твои документы и согласовать их с МУЦ. Если ты уезжаешь в июне, то у тебя времени в обрез. Мы еще не знаем, куда ты поедешь, поэтому мы предположили, что тебе понадобится три месяца в центре перед отъездом.

В любом другом доме, такой подробный план вынудил бы меня пошутить о шпионах и агентах Кью и ручках, которые превращаются в мачете. Но не здесь.

Но потом что— то щелкает. Мои мозги внезапно кажутся, как мамин старый «Бьюик». Она всегда давила на педаль газа до того, как заводился двигатель, и двигатель затопляло, и требовалось несколько дополнительных секунд для очистки. Мне требуется точно такое же количество времени, чтобы осознать, что Себастиан с мамой говорят об *этом лете*.

А точнее, о том, что он уедет из Прово на два года.

МУЦ — это Миссионерский учебный центр. Он уезжает через четыре месяца.

Четыре месяца я считал вечностью.

— Я спрошу у нее, — отвечает Себастиан. — Прости. Когда я в последний раз сверялся, они сказали, что отдадут мне маршрут со всеми остановками в пути, как только он будет готов.

— Нам так много нужно сделать до твоего отъезда, — говорит она.

— Знаю, мам. Я перезвоню.

Коротко поцеловав его в макушку, она уходит, и комнату, кажется, поглощает напряженная тишина.

— Прости за это, — говорит он, и я ожидаю, что его лицо будет напряженным, но когда я смотрю на него, он широко улыбается. Неловкий разговор между нами ушел. Неловкий разговор с его матерью тоже. — Столько всего согласовывать. Я должен подготовить ей все это побыстрее.

— Да, — я пощипываю свою нижнюю губу, пытаюсь придумать, как спросить о том, о чем хочу, но это действие отвлекает его, и его улыбка соскальзывает, пока он наблюдает, как я трогаю свой рот.

Не знаю, что в этом крошечном перерыве, но — как и его реакция, когда он признался, что пришел увидеться со мной в тот день на яхте — это говорит о многом.

Это говорит о многом, потому что улыбка казалась настоящей, пока он не посмотрел на мои губы, а затем она просто раскололась.

Комната заполняется невысказанными чувствами. Они повисают над нашими головами, как грозные облака.

— Куда ты едешь? — спрашиваю я.

Он снова смотрит мне в глаза, и улыбки теперь как не бывало.

— Ох. После тура по книге? Я собираюсь на миссию.

— Точно, точно, — мое сердце, как сотни шариков, катящихся по полу. Я не знаю, почему мне было нужно, чтобы он произнес это вслух. — И ты еще не знаешь своего предписания?

— Я узнаю его в июле, думаю. Как ты слышал, нам все еще нужно отправить мои документы, но я не могу сделать это, пока не вышла книга.

Миссии непривычным трудно понять. Молодые мужчины — и женщины иногда, но не так часто — уезжают из дома на два года, чтобы отправиться в любую точку мира. Их задача? Создать новых Мормонов. И не в сексуальном плане, по крайней мере, пока. Миссионеры создают новых мормонов *крещением*.

Мы все видели их, идущих или едущих на велосипедах в своих чистых брюках и отглаженных рубашках с короткими рукавами. Они приходят в наши дома с яркими улыбками, опрятными волосами и с блестящими, черными табличками с именами, и спрашивают обо всем, что мы бы хотели узнать об Иисусе Христе, нашем Господе и Спасителе.

Большинство из нас разворачивает их с улыбками и словами «нет, спасибо»

Но моя мама никогда не говорит «нет». Не важно, что она чувствует к церкви — и поверьте, она не позволяет им говорить о Книге Мормонов с ней — они далеко от дома, говорила она, когда мы жили в Пало-Альто. Это правда: большинство из них были далеко от дома, и они проводили целый день на ногах, протаптывая в пустую асфальт. Если мы приглашали их в дом, они были вежливы и милы, как вы можете себе представить. Они принимали лимонад и закуски, и благодарность их была несдержанной.

Миссионеры — самые добрые люди, которых вы когда-либо встретите. Но они захотят, чтобы вы прочитали их книгу и захотят, чтобы вы разглядели истину так, как видит ее их церковь.

Пока они в отъезде, им не позволено смотреть телевизор или слушать радио, или читать что-то помимо разрешенных церковью текстов. Они уходят, чтобы глубже погрузиться в свою веру, чем было раньше, побыть в одиночестве и стать мужчинами, помогать развитию церкви и распространять учение. И им не разрешено оставлять дома девушку. Естественно им не разрешается заводить никаких сексуальных связей — и определенно не с лицами одного с ними пола. Они хотят уберечь тебя, потому что считают, что ты нуждаешься в спасении.

Себастиан хочет стать одним из них.

Я не могу избавиться от этой мысли в своей голове, и мы сидим у него дома, окруженные истиной всего этого — конечно, он хочет стать одним из них. Он *уже* один из них. Тот факт, что он так легко узнал себя в моей книге, что он знает о моих чувствах к нему, не изменит ничего из этого ни на грамм.

Меня даже больше не волнует весь фарс с моим романом; я дам ему посмотреть оригинальную версию, — версию, в которой я явно не могу прекратить думать о нем, — если он пообещает мне, что *останется*.

Он хочет поехать на миссию? Он хочет уехать отсюда и посвятить два своих лучших, жарких, безумных и полных приключений года церкви? Он хочет отдать свою жизнь этому — действительно, *отдать* свою жизнь?

Я утыкаюсь взглядом в свои руки и задаюсь вопросом — какого черта я вообще здесь делаю? У Пейдж с блестящим сердечком нет ничего общего со мной. Я — король наивности.

— Таннер.

Я поднимаю на него взгляд. Он внимательно наблюдает за мной, и становится понятно, что он звал меня больше одного раза.

— Что?

Он пытается улыбнуться. Он нервничает.

— Ты притих.

Честно говоря, терять мне нечего.

— Кажется, я все еще застрял на той части, где ты собираешься на миссию на два года. Как будто до меня только что дошло, чем ты занимаешься.

Мне даже не нужно разъяснять дальше. Он правильно понимает. Он понимает подтекст: «я — не— мормон, а ты — мормон. Как долго мы сможем быть друзьями? Я просто не хочу больше быть твоим другом». Я вижу это по его глазам.

И вместо того, чтобы отмахнуться от этого или сменить тему, или предложить мне научиться искусству молитвы, он встает, тянет вниз за край рубашки, когда она задирается сбоку.

— Пойдем. Нужно прогуляться. Нам обоим есть много о чем подумать.

***

Есть миллионы троп, которые ведут на холм, и когда хорошая погода, вы обязательно пройдете по одной из них, но в Юте погода непредсказуема, и наш теплый фронт уже давно ушел, и никто не ходит в походы.

Свежий воздух в нашем распоряжении, и мы карабкаемся по скользкому горному склону, пока дома в долине не становятся крошечными пятнами, и у нас у обоих сбивается дыхание. Только когда мы останавливаемся, я понимаю, как мы оба усиленно выкладывались на тропе, изгоняя некоторых своих демонов.

Может, одних и тех же.

Мое сердце бешено колотится. Мы определенно движемся к большой букве «Р» *Разговор* — хотя с другой стороны, почему просто не отложить домашнюю работу в сторону и включить Xbox? — и возможность того, где он может состояться, вызывает во мне немного безумные чувства.

Это никуда не приведет, Таннер. Никуда.

Себастиан садится на валун, наклоняется, чтобы устроить свои руки на бедрах и переводит дыхание.

Я наблюдаю за тем, как поднимается и опадает его спина через куртку, с крепкими мускулами — но с прямой спиной, его уникальной *позой* — с совершенно пошлыми мыслями в моей голове. Мои руки повсюду на нем, его руки повсюду на мне.

Я хочу его.

Коротко рыкнув, я отвожу взгляд и смотрю на монумент УБЯ¹¹ вдалеке, и честно говоря, это последнее, что я хочу видеть. Он сделан из бетона, и по моему мнению кажется полным убожеством, но его почитают в городе и на территории университета.

— Тебе не нравится «У»?

Я оглядываюсь на него.

— Нет, нормально.

Он смеется — над моей интонацией, я думаю.

— Существует мормонская легенда, что коренные американцы, жившие здесь много лет назад, рассказали церковным поселенцам, что ангелы им сказали, будто любой кто сюда переедет, будет благословлен и богат.

— Интересно, что коренные американцы больше не живут здесь из— за тех поселенцев.

Он наклоняется вперед, перехватывая мой взгляд.

— Ты кажется, действительно, расстроился.

— Я расстроился.

— Из— за моей миссии?

— Определенно не из— за «У».

Он отшатывается, брови опускаются вниз.

— В смысле, разве ты не знал, чем большинство из нас занимается?

— Да, но, кажется, я думал...

Я поднимаю взгляд в небо и давлюсь смехом. Я такой кретин.

Был ли тот момент, когда я мог остановить этот поезд чувств, несущийся в мой кровоток?

— Таннер, я уеду всего на два года.

Мой смех настолько сухой, что он даже неприятен.

— Всего, — качаю головой, опуская взгляд на землю к своим ногам. — Ну, в таком случае, я точно больше не расстроен.

Мы замолкаем, и как будто кусок льда бросают между нами. Я — невероятный придурок. Я так по— детски себя сейчас веду. Я продолжаю создавать бесконечно неловкие ситуации.

— Ты можешь, по крайней мере, звонить мне, когда уедешь? — спрашиваю я. Мне плевать уже насколько это безумно звучит.

Себастиан качает головой.

— Электронная почта...сообщения?

— Я могу писать своей семье, — уточняет он. — Я могу выйти в Facebook, но...только ради связанных с церковью вещей.

Я чувствую, когда он поворачивается, чтобы посмотреть на меня, и ветер бьет мне в лицо так сильно, что даже больно, но так же кажется, будто небо пытается привести меня хоть немного в чувства.

Очнись, Таннер. Очнись, твою мать.

— Таннер, я не... — он растирает ладонью свое лицо и качает головой.

Когда он не заканчивает свою мысль, я давлю.

— Ты не что?

— Я не понимаю, почему ты расстроился.

Он смотрит исключительно на меня, брови низко сведены. Но это не от смятения, по

крайней мере, я так не думаю. То есть, я *знаю*, что он знает. Он хочет, чтобы я просто произнес это? Он хочет, чтобы я произнес это, чтобы иметь возможность объяснить мягко, почему наши отношения невозможны? Или он хочет, чтобы я признался, что чувствую, чтобы он мог...?

Мне вообще — то плевать почему. Эти слова — тяжеленая глыба в моих мыслях, *в каждой зарождающейся мысли*, и если я просто не дам этому вырваться, то оно размажет и сломает все нежное внутри меня.

— Ты мне нравишься, — произношу я.

Но когда я оглядываюсь, то вижу, что этих слов не достаточно; они не стирают выражение на его лице.

— И я понимаю, что твоя церковь не позволяет такого рода чувства.

Он ждет, по — прежнему замерев, как будто задерживает дыхание.

— Не позволяет парням испытывать подобные чувства...к другим парням.

Он едва слышно выдыхает.

— Нет.

— Но я не мормон, — произношу я, едва ли громче, чем он. — В моей семье это не считается плохим. И я не знаю, что *делать* с этими чувствами или как остановить их в отношении тебя.

Я был прав. Это совсем не удивляет его. Его лицо светлеет, но ненадолго, прежде чем затуманиться по другому поводу. Каждая черта напрягается. Интересно, может, он сожалеет, что я вообще что — то сказал, или хочет, чтобы я просто притворился, что он мой новый, любимый друг, и я буду скучать по платоническим встречам и копошению с этой дурацкой книгой следующие два года.

— Я... — начинает он, а затем выдыхает контролируемым потоком, как будто каждая молекула воздуха несет в себе что — то.

— Ты не обязан что — то говорить, — сообщаю ему. Мое сердце бешено несется. Оно бьется удар, за ударом, за ударом внутри меня. Глупо, глупо, глупо. — Я просто хотел объяснить, почему расстроился. И, — добавляю я, желая, чтобы разверзлась земля под ногами и поглотила меня. — Еще моя книга в основном о том, каково это влюбляться в тебя.

Я слежу за его горлом, как он густо сглатывает.

— Думаю, я знал.

— Я тоже так думал.

Его дыхание становится таким быстрым и тяжелым. Его щеки — розовые.

— Тебе всегда...нравились мальчики?

— Мне всегда нравились все, — говорю я. — Я, на самом деле, би. Здесь дело в личности, а не в половом признаке, полагаю.

Себастиан кивает, а затем не останавливается. Он просто кивает, и кивает, и кивает, уставившись в свои руки между коленей.

— Тогда почему ты просто не стал встречаться с девушкой? — спрашивает он тихо. — Если они тебя привлекают? Не было бы это намного проще?

— Это не то в чем приходится выбирать.

Это намного хуже, чем я мог представить. Это даже тяжелее, чем говорил мне отец. В том смысле, что когда я открылся, я мог сказать, что он волновался о том, как мир может обращаться со мной и с какими рода препятствиями я мог столкнуться, в которых он не сможет мне помочь. И я видел, что эта реакция замаскирована под жесткую дисциплину. Он

хочет, чтобы меня принимали и сделает все, что в его силах, чтобы скрыть свои страхи от меня.

Но сейчас... Я настолько ошибался в этом. Я не должен был ничего рассказывать Себастиану. Как мы вообще сможем остаться друзьями после этого? У меня есть мелодраматические мысли, что это, как оно есть, приведет к разбитому сердцу. Не будет никакого разрыва; просто медленная, болезненная трещина, которая образуется прямо посередине.

— Думаю... мне *всегда* нравились парни, — шепчет он.

Мои глаза взлетают к его лицу.

Он опускает веки, потяжелевшие от слез.

— В смысле, я знаю это.

Боже мой.

— Меня даже не привлекали девочки. Я завидую тебе в этом. Я продолжаю молиться, что окажусь в таком же положении, — он выдыхает. — Я никогда не произносил этого вслух, — когда он моргает, слезы соскальзывают по его щекам. Себастиан запрокидывает голову вверх, глядя в облака и грустно смеется. — Не могу сказать хорошо это или ужасно.

Мои мысли — ураган; моя кровь — река, вышедшая из берегов. Я пытаюсь придумать, что лучше всего сказать, что бы мне хотелось услышать в такой ситуации. Проблема, в которой он признался мне, огромна. Это не похоже ни на что, с чем мне приходилось сталкиваться раньше, даже со своей семьей.

Я действую по своему первому порыву, так, как говорил мне мой отец:

— Я могу рассказать тебе, как хорошо, если ты доверишься мне.

— Да, — он оборачивается ко мне с влажными глазами. — Но я никогда... — он качает головой. — Те есть, я... хотел, но никогда...

— Ты никогда не был с парнем?

Он снова качает головой, быстро.

— Нет. Ничего.

— Я целовался с мальчиком, но честно... я никогда не испытывал ничего... подобного.

Он погружается в это на мгновение.

— Я пытался измениться. И... — он щурится. — ...даже не позволял себе *представлять* каково бы это было... быть с...

Это как удар по моему солнечному сплетению.

— Но потом я встретил тебя, — произносит он.

Его смысл добивает меня еще сильнее.

Меня выбивает из тела, как будто я наблюдаю за этим с другой стороны тропы. Мы сидим на камне, бок о бок, касаясь руками, и я понимаю, что этот момент отпечатается в моей жизни навсегда.

— В первый раз, когда я увидел тебя, — начинаю я, и он уже кивает, как будто знает, что именно я собираюсь сказать.

— Да.

В груди сжимается.

— Я никогда не испытывал такого раньше.

— Я тоже.

Я поворачиваюсь к нему, и все происходит так быстро. Одну секунду он вглядывается в мое лицо, а в другую — его губы оказываются на моих, теплые и гладкие, и это так здорово.

Боже. Я издаю какой— то неподконтрольный горловой звук. Он издает его в ответ, и рычание превращается в смех, потому что он отстраняется от меня с самой большой улыбкой, которую когда— либо видели небеса, а затем он возвращается, целуя меня сильнее и глубже, его ладони опускаются на мою шею.

Его рот приоткрывается, и я чувствую пробный взмах его языка.

Под моими веками вспыхивает свет, настолько интенсивный, что я практически слышу хлопающий звук. Это размягчается мой мозг, или наступает конец света, или, возможно, на нас упал метеорит и это экстаз, который дарят мне, как последнее мгновение, перед тем как отправить в чистилище, а его в место намного— намного лучше.

Это не первый его поцелуй — я знаю это — но первый настоящий.

Глава 9.

На обратном пути, я даже не знаю, куда деть свои руки, не говоря уже о путанице моих эмоций. То, что только что произошло, отпечатается в каждой моей молекуле; уверен, что я вспомню все чувства от каждого прикосновения, даже сорок лет спустя.

Мама всегда говорит мне считаться со своими чувствами. Поэтому, помимо головокружения с желанием я чувствую:

Нервозность.

Неуверенность.

Отчаянное желание повторить это снова и поскорее

Но самые щекотливые эмоции бледнеют на фоне эйфории.

Я

Целовал

Себастиана.

Я чувствовал его *губы* на своих, и его язык, и его смех, звучащий эхом между нами. Мы целовались снова и снова. Всеми способами. Быстро и грязно, медленно и глубоко, что заставляло меня подумать о сексе, и длинных днях в безопасном укрытии чьей— то спальни. Он кусал мою губу, и я отвечал так же, а затем он выпускал звук, который я буду слышать отголосками эха среди безумства своих мыслей до конца выходных. Это ощущалось...таким чертовски правильным. Как будто все, что я делал раньше, с кем— то другим, не считалось в действительности поцелуями. Возможно, это звучит глупо, но казалось, что каждая клеточка в моем теле была вовлечена в это. От этого все, что я делал прежде, кажется каким— то выбеленным и трудным для воспоминания. Мы целовались, пока холод не пробрался под нашу одежду.

Вообще— то, теперь, когда я думаю об этом, мы целовались, пока Себастиан не отстранился, когда моя рука начала поигрывать с краем его рубашки.

Он говорил, что никогда ничем не занимался с парнем, но чисто механически это не ново для него, и я готов поспорить, что у него были девушки. И тем не менее, нас обоих буквально трясло от одного и того же маниакального голода, поэтому, возможно, для него все настолько же отличалось, как и для меня.

Занимался ли он...сексом раньше? Полагаю, нет — уверен, что Отэм посмеялась бы и сказала, что некоторые из детей— мормонов самые развратные в школе, но что— то в Себастиане говорило мне, что он отличается в этом смысле, как будто, помимо того, чем мы занимались сегодня, он следует тем самым правилам.

Но занялся бы он? Со мной?

Этот вопрос выпускает в мою кровь беспокойство и жар.

Очевидно, я опережаю события, но я возбужден и витаю в облаках, и не знаю, как все будет дальше. Мы... встречаемся, или как? Даже если только тайно?

Мы встретимся с ним снова?

В моем воображении, мама отстукивает ногой на заднем плане, побуждая меня получше приглядеться ко всему. Но мысль тут же испаряется. Ощущения после Себастиана еще такие свежие.

Когда мы встали и отряхнулись, это было похоже, на прокол мыльного пузыря. Даже там, на открытом воздухе, мы, казалось, были поистине одни. Но с каждым шагом, что мы спускаемся с холма, растворяется все больше защитной пленки. Прово раскидывается перед нами, большой и чистый.

Я не хочу уходить отсюда. Не хочу, возвращаться домой; и не имеет значения, как сильно я люблю свой дом и семью, и спальню, и музыку, мне больше нравится проводить время с ним.

Себастиан предсказуемо тихий. Он идет на безопасном расстоянии от меня, на расстоянии вытянутой руки, опустив взгляд на точку, куда наступает его стопа на тропе. Уверен, он в еще большем внутреннем раздрае, чем я, но я сам запутался, и кажется трудным придумать, что еще сказать, должны ли мы вообще говорить о том, чем только что занимались?

В подобной постпоцелуйной ситуации с девушками — мой единственный опыт свиданий в Прово — мы бы держались за руки, а я бы контролировал свое тело, пока мы спускались в город. Несомненно, это же подходит и к парням, но не к парням — *мормонам*, которые — судя по нашему молчанию и отсутствию прикосновений, можно подумать, что мы одновременно это осознали — стали бы много говорить и молиться, если бы их застукали спускающихся с горы рука об руку.

Тем не менее...несмотря на все это, я надеюсь, что это молчание не плохой знак. Время от времени он оглядывается на меня и улыбается, и от этого я сияю изнутри. Но затем я вспоминаю его легкую улыбку (не считая стресса), когда его мама покидала комнату, его легкую улыбку, когда девушки разговаривают с ним в школе (а ему нравятся только мальчики), и его легкую улыбку на фотографиях у него дома (на которых он скрывает одну из самых больших тайн о себе), — все это похоже на неглубокую ножевую рану, когда невозможно отличить разницу от настоящей и фальшивой легкой улыбки.

— Ты там в порядке? — мой голос неловко сбивается.

Улыбка слегка меркнет.

— Да.

Я боюсь того, что произойдет через пять минут, когда мы доберемся до торца его дома. Если бы был какой — нибудь способ увезти его из этого города, — ехать, пока мы не сожжем весь бензин, провести всю ночь за разговорами и помочь ему пройти через это, — я бы так сделал. Я знаю, что он сделает, потому что это наиболее драматичная версия того, что сделал я, когда впервые поцеловал парня: вернется в свою комнату и будет снова и снова повторять себе причины, почему то, что произошло можно объяснить простым любопытством, и ничем больше.

— Что ты будешь делать в выходные?

Он резко выдыхает, как будто для ответа на вопрос ему нужно собраться.

— У меня соревнования по футболу завтра, а потом мы с Лиззи поедem в Орэм, чтобы помочь с переездом какой— то семье.

Ах, служение. И Орэм. Ууф. Дома там местами встречаются красивее, но если такое возможно, то там еще спокойнее, чем в Прово.

— И откуда несчастные братья переезжают?

Он одаривает меня сбитым с толку взглядом.

— Из Прово.

— Ты так говоришь, будто больше ни откуда никто не может переехать в Орэм.

Это вырывает из него настоящий смех, и я упиваюсь видом его улыбающихся глаз.

— Нет. Я просто хотел сказать... — он обдумывает это, а затем снова смеется. — Да, ладно, я думаю, что никто не станет переезжать в Орэм, кроме Прово.

— Ээй, Себастиан?

Его щеки вспыхивают из— за моей интонации, а его улыбка каким— то образом одновременно и застенчивая, и соблазнительная.

— Да?

— Ты в порядке после того, что мы только что сделали?

Он бледнеет, и его ответ выходит слишком быстрым на мой взгляд.

— Да, конечно.

— Уверен?

Застенчивая и соблазнительная улыбка сменяется великодушной, и у меня создается впечатление, что мы разговариваем о том, понравилось ли ему пережаренное тушеное мясо моей мамы.

— Конечно.

Я протягиваю руку, намереваясь прикоснуться к его руке из— за какой— то инстинктивной потребности к связи, но он вздрагивает и оглядывается вокруг в моментальной панике.

— Мы. Я, нет. Мы не можем, — его слова выходят такими порывистыми, как неуклюжая атака топора на ствол дерева.

— Прости.

— Не так близко к городу.

Видимо я не преуспеваю в сдерживании эмоций на своем лице, как он, потому что он морщится и шепчет.

— Я не пытаюсь вести себя, как придурок. Это всего лишь реальность. Я не могу... разговаривать вот так... только не там, внизу.

***

Я избегаю маму весь вечер, когда она задерживает на мне взгляд *«нужно поговорить»*, и заявляю, что завален домашкой, что является правдой, но сейчас вечер пятницы, и я никого не обманываю. Звонит Отэм. Звонит Мэнни. Звонит Эрик. Все куда— то собираются планируют заняться чем— то, но это то же самое ничегонеделание, которым мы занимаемся вот уже три года. Выпить два— три пива или рутбира и посмотреть, как люди отслаиваются, чтобы поцеловаться в темных уголках — не похоже на то, чем я хотел бы заняться сегодня вечером.

Я хочу побыть один — но не для того, чтобы пролистывать Instagram, напиваясь

видом моделей— мужчин. Я хочу проигрывать прогулку на холм снова, и снова, и снова. Все, кроме конца.

Это всего лишь реальность.

Не там, внизу.

Я мог бы накручивать эту угнетающую истину и дальше, если бы Себастиан не отправил мне перед сном простой смайлик с заснеженной вершиной горы, что подбавляет топлива к мерцающему огоньку в моей груди.

Я встаю и начинаю кружить по комнате, ухмыляясь в экран.

Гора. Наша прогулка. Он в своей комнате, возможно, думает о нашей прогулке.

Мой мозг дает крюк. Возможно, он — в постели.

Крошечный голосок поднимает оранжевые флаги, вынуждая вернуть мысли в правильное русло.

Я сопротивляюсь ответить радугой, баклажаном или языком, и вместо этого отправляю смайлик с закатом над горой. Он отвечает футбольным мячом. Ах, его выходные. Я отвечаю смайликом лодкой — напоминание того, чем мы могли бы заняться этим летом...если бы он остался здесь.

Телефон жужжит в моей ладони.

«Мы можем побольше поговорить о твоей книге?»

«Да, конечно»

Мое сердце срывается на бег. В суматохе наших тревог, признаний и поцелуев, я совсем забыл, что он прочитал мои главы и понял, что они все о нем. Я совсем забыл — но видимо, он нет — что я должен сдать эту книгу, в конце концов.

«Я могу переделать ее»

«Я могу переписать ее, чтобы она не была настолько очевидной»

«Мы можем поговорить о ней лично, если не против»

Я морщусь, обхватывая свой лоб. *Осторожнее, Таннер!*

«Да, конечно»

После этого он отправляет простое:

«Спокойной ночи, Таннер»

Я отвечаю тем же.

И вспоминаю то, что он сказал сегодня: *Не могу сказать хорошо это или ужасно.*

***

— У меня около пятнадцати тысяч слов, — сообщает Отэм в понедельник днем, вместо приветствия. Она садится на свое место на Семинаре и выжидающе смотрит на меня.

Чешу подбородок, задумавшись.

— А у меня около семнадцати стикеров.

Это ложь. У меня глава за главой. Несмотря на то, что я пообещал Себастиану, слова льются из меня каждый вечер. Я ничего не изменил. Я *добавлял*, желая запечатлеть каждую секунду.

— Таннер, — она говорит, как училка. — Ты должен думать о ней в количестве слов.

— Я не думаю ни о чем в количестве слов.

— Я очень удивлена, — сообщает она с кислой миной. — Книга должна состоять из шестидесяти — девяноста тысяч слов. Ты пишешь на стопке стикеров?

— Может, я пишу детскую книжку?

Она опускает взгляд вниз, сводя вместе брови. Я следую за ее вниманием до места перед собой. Стикер с записями внизу блокнота и с единственными разборчивыми словами на нем:

«ОБЛИЗАТЬ ЕГО ШЕЮ»

— Я пишу не детскую книжку, — убеждаю ее я, запихивая стикер обратно.

Она ухмыляется.

— Рада слышать это.

— А сколько вообще слов на странице?

Отэм многострадально вздыхает, и, наверняка, подходит к этому серьезно. Это тоже сводит меня с ума.

— Около двухсот пятидесяти двенадцатым шрифтом, с двойным интервалом между строк.

Я мысленно подсчитываю.

— Ты написала шестьдесят страниц?

Я написал больше сотни.

— Таннер, — она повторяет мое имя с большим упором на этот раз. — Нам нужно закончить книгу к маю. А сейчас конец февраля.

— Знаю. Все в порядке. Клянусь, — хочу, чтобы она поверила мне. Но не хочу, чтобы она просила посмотреть. Даже показывать фальшивую версию Себастиану было унижительно. Если он уже волновался из— за прозрачности между «Колином», «Эваном» и «Йеном» — представьте, что он читает, как я описывал вечером в субботу о том, как *Таннер* и *Себастиан* целовались на горе?

— Где ты был в пятницу? — спрашивает она, рассеянно ковыряя карандашом дырку на столе, созданную сотнями других учеников, которые занимались тем же самым.

— Дома.

Это привлекает ее внимание.

— Почему?

— Я устал.

— Ты был один?

Я бесстрастно смотрю на нее.

— Да.

— Я видела, как вы с Себастианом ходили на уступ в пятницу днем.

Мое сердце срывается на галоп и уносится через класс в коридор. Оно даже не оглядывается. До этого момента до меня даже не доходило, что кто— то мог увидеть нас, или кого— то бы это *заинтересовало*. Но Отэм интересуется практически все, что делаю я. И она видела, как мы уходили на прогулку вместе — на прогулку, конечно, которая в итоге

закончилась тем, что мы целовались как подростки, какими и являемся.

— Мы просто ходили гулять.

Она широко улыбается, типа «конечно, это была просто прогулка». Но вижу ли я что— то под всем этим, что— то подозрительное?

Возможно, я играю роль не так хорошо, как думал.

— Отти, — шепчу я. В этот момент входит Себастиан вместе с мистером Фуджитой. Все мое тело, кажется, охватывает пламенем, и я надеюсь, что никто не замечает этого. Отэм смотрит прямо, и взгляд Себастиана встречается с моим, прежде чем он его отводит. Его лицо краснеет.

— *Отти*, — я тяну ее за рукав. — Можно я возьму карандаш?

Думаю, она чувствует какую— то паническую грань в моем голосе, потому что разворачивается, выражение ее лица смягчается.

— Конечно, — когда она протягивает его мне, мы синхронно замечаем, что я уже держу ручку.

— Меня не волнует, что ты там напридумывала себе, — шепчу, теперь я веду себя, как будто попросил карандаш, чтобы она склонилась ко мне ближе. — Но это волнует *его*.

Ее лицо становится безумно— растерянным.

— А что я вообще должна была подумать?

Мое сердце успокаивается.

Когда я смотрю в начало класса, Себастиан быстро переводит внимание от нас. Мы не виделись шесть дней. Я бы хотел, чтобы наша первая встреча, после прогулки, носила таинственный, ценный вес, но вместо этого она перегружена странностями. Он, наверное, видел, как мы с Отэм сгорбились друг над другом, а затем я посмотрел на него. Он беспокоится, что я рассказал ей что— то? Он беспокоится, что она прочитала мою книгу — *настоящую* версию? Я пытаюсь покачать головой, чтобы передать — все в порядке — но он больше не смотрит на меня.

И он не смотрит на меня остаток занятия. Когда мы разбиваемся на небольшие группы, он проводит все время с Маккеной и Джули, которые хлопают глазами перед ним. Когда Фуджита переходит в начало класса и разговаривает с нами о развитии персонажей и повествовательной дуге, он встает в сторонку, читая что— то из книги Ашера.

Когда звенит звонок, он просто разворачивается и выходит в коридор. К тому времени, как я запикиваю вещи в свой рюкзак и следую за ним, все, что я вижу, как он толкает дверь и выходит под солнце.

На обеде я вышагиваю, вышагиваю и вышагиваю, пытаюсь придумать, что написать ему, чтобы дать понять — не будучи очевидным — что здесь не о чем волноваться.

— Ты ведешь себя безумно, — говорит Отэм с бетонного блока, где разложила свой хумус и овощи. — Сядь.

Я плюхаюсь рядом, чтобы успокоить ее, воруя одну морковку и съедая ее за два хруста. Но тревога за Себастиана, как резиновая лента, которая туго стягивает мою грудную клетку. Что если он, действительно, расстроен из— за всей этой фигни с книгой? Я могу начать заново? Да.

Я могу начать заново. Я *должен*.

Я начинаю покачивать ногой от новой степени паники.

Она, похоже, не замечает этого.

— Ты должен пригласить Сашу на выпускной.

— Опять выпускной, — пихаю ноготь большого пальца в рот, обгрызая его. — Не думаю, что хочу туда идти.

— Что! Ты обязан.

— Нет.

Она пинает мою ногу своей.

— Ну...Эрик пригласил меня.

Я поворачиваюсь и изумленно смотрю на нее.

— Что? Как так получилось, что я не знаю об этом?

— Понятия не имею. Я запостила это в Instagram.

— Это вот так мы теперь делимся информацией? Случайными постами в соцсетях? — я достаю телефон. Естественно там есть снимок с дверью ее гаража покрытой разноцветными стикерами, которые формируют слово «Выпускной?»

Очень креативно, Эрик.

— Ты должен пригласить Сашу. Мы можем пойти компанией.

Дыхание, кажется, застревает у меня в трахее, и я беру ее за руку.

— Я не могу, Отти.

Она пытается скрыть то, как лишается эмоций ее лицо. Это и хорошо и ужасно

В том смысле, не сказать, что Себастиан пошел бы со мной, да ни за что в жизни. Но мое сердце сейчас принадлежит ему, и пока он не решит, что хочет с ним делать, я не могу отступать.

Отэм разглядывает меня, и мы вдыхаем и выдыхаем в странной синхронности несколько молчаливых секунд.

Я достаю руку из ее хватки и краду еще одну морковку, на этот раз не чувствуя никакой вины.

— Спасибо.

Она встает, оставляет свой ланч мне и целует в макушку.

— Я собиралась встретиться с миссис Поло до шести. Напишешь мне позже?

Кивнув, я наблюдаю за ее исчезновением в здании, перед тем как схватить свой телефон с того места, где он лежит рядом со мной. Набрав несколько вариантов, как все исправить, я останавливаюсь на:

«Как прошли выходные?»

Он сразу же начинает набирать ответ. Кровь несется слишком быстро по моим жилам.

Точки мигают некоторое время, а затем исчезают, и я ожидаю увидеть трактат о футболе и переезде из Прово в Орэм, но получаю, спустя пять минут, только:

«Хорошо!»

Он издевается надо мной? Мое сердце больше не в глотке. Оно, похоже, ударяется о каждый орган, каждое пустое пространство в моем теле. Если бы я закрыл свои глаза, то услышал бы это. Я даже не знаю, что ответить. Поэтому отправляю просто смайлик с большим пальцем вверх и откладываю телефон в сторону.

Четыре морковки спустя, я проверяю телефон.

Себастиан отвечает смайликом «горой» и, несколькими минутами спустя, кое— чем

еще.

«Мои дедушка с бабушкой приезжают из Солт— Лейк— Сити в эти выходные. Мама предложила мне пригласить тебя на ужин. Уверен, что для тебя это кажется ужасным, но клянусь, они очень милые»

«И я хотел бы, чтобы ты пришел»

Глава 10.

Полагаю, что в приглашении Себастиана на ужин зарыт какой— то скрытый код. Может, это его способ напомнить мне, что нам нужно быть осторожнее. Может, это только способ, как он может выразить свою тревогу из— за моей книги и его потенциального камин— аута. Потому что, серьезно, ничто не давало мне четкой картинки того, насколько наша домашняя жизнь отличается, чем то, что произойдет в его доме, даже он заметил мой интерес.

Но еще здесь дело в том, чем мы занимались на горе. Мы целовались, и это был не простой поцелуй или случайный клевок, а *поцелуй* с языками, руками, губами и *намерениями*. Я не могу даже думать об этом без ощущения, что меня погружают в теплую воду. А он едва может смотреть на меня, не краснея, когда мы сталкиваемся. И эти планы на ужин — полное безумие?

Что он *творит*?

Я всматриваюсь в свое отражение в зеркале через всю комнату. Моя одежда — новая, поэтому, по крайней мере, сидит хорошо — я вырос так быстро за последние несколько лет, что мои рукава постоянно слишком коротки, а штаны возвышаются над лодыжками. Я переодевал рубашку семь раз, и с моей стрижкой, думаю, что выгляжу довольно хорошо. Я волновался, что буду слишком обычным в рубашке с короткими рукавами Quiksilver. Хотя одеться в рубашку и галстук было бы как— то самонадеянно, как будто это свидание или *знакомство с родителями*.

А это не так. По крайней мере, я так не думаю.

— Значит, вы двое... *вместе*?

Хейли прислоняется к моему дверному проему, сложив руки на своей груди, как будто оценивает меня через расстояние всей комнаты.

Я снова опускаю взгляд на свою рубашку.

— Черт его знает.

Она щелкает языком, отталкиваясь от двери, чтобы бесстыже плюхнуться на мою кровать.

— Им не нравится такая речь.

Матерюсь себе под нос, потому что, черт возьми, она права. Мне стоит прилагать больше усилий.

— Ты не знаешь, вместе ли вы, но идешь на ужин с его семьей? Это странно.

— Откуда ты узнала?

— Если это должно было оставаться тайной, то тебе стоит пересмотреть разговоры на эту тему с папой и мамой посреди дома.

— Это не совсем тайна, но...

Это тайна.

Хейли кивает. Видимо, ей не нужны мои объяснения, и было приятно видеть в ней вспышку не только эгоцентричной девчонки. Когда мы решили переехать сюда, мои родители усадили ее и дали четко понять, что ее осмотрительность — это все. Даже я заметил мамину панику, когда она пыталась объяснить Хейли, что раскрытие меня в приступе гнева, повлечет за собой катастрофу. Остальной мир не будет всегда таким понимающим, в каком росли мы, особенно здесь в Прово.

Нагнувшись, чтобы подобрать оставшуюся одежду, я вспоминаю, что Хейли и Лиззи в одном классе.

— Я увижусь сегодня с Лиззи. И передам ей от тебя привет.

Хейли морщит свой нос.

Я смеюсь, убирая футболки обратно в ящик и развешивая остальное.

— Ты удивишься, когда узнаешь, что они все такие.

Хейли перекатывается на спину и стонет.

— Она постоянно улыбается и здоровается со всеми в коридоре.

— Что за чудовище.

— Как кто— то может быть таким счастливым будучи *мормоном*? — в ее словах, впервые, я слышу нашу слепую предвзятость. — Я бы захотела убиться.

Я ни разу не встречался с Лиззи, но ощущаю по отношению к ней желание защитить, в любом случае.

— Ты похожа на невежественную тупицу.

Заметив мой телефон, заряжающийся на тумбочке, она поднимает его и вводит пароль.

— Сомневаюсь, что она будет счастлива, если узнает, что ты хочешь залезть в штаны ее брата.

— Заткнись, Хейли.

— Что? Ты думаешь, они все равно бы пригласили тебя на ужин, если бы знали? Для них ты дьявол, пытающийся заманить их сына в ад.

— Они на самом деле не верят в ад, — отвечаю я, хватаясь за свой телефон. — Не носи фигию.

— Ой, Себастиан подтягивает тебя и по «мормонству» тоже?

— Вообще— то, об этом мне рассказала *мама*. Я просто пытаюсь узнать его получше, а это означает — понять, откуда он родом.

Хейли видит мое лицемерное поведение насквозь

— Конечно, конечно, именно это я и имела ввиду. А он поделился той частью, где они близки к принятию однополого брака? Или что они признают, насколько жестокой и ужасной ошибкой была конверсионная терапия? — спрашивает она вперемешку с сарказмом. — Он не осознает по волшебству, что ты нравишься ему больше чем Бог, или Иисус, или Джозеф Смит. Это плохая идея.

Ее слова ударяют чем— то уязвимым по моей груди. Я срываюсь, вырываю телефон из ее рук.

— Дура.

***

Дом Себастиана не менее устрашающий во второй раз. Снаружи можно рассказать все, что нужно о семье, которая живет внутри: он белый и опрятный, скрупулезно

поддерживаемый, но не чересчур. Он выглядит радушным и безопасным, но и еще как будто я могу облажаться в чем— то, сломать что— то, оставить отпечатки *где— нибудь...* возможно, например, на их старшем сыне.

Внедорожник Бразеров стоит внутри открытого гаража, и новенький Lexus припаркован дальше. Он, должно быть, принадлежит бабушке и дедушке. Я вижу свое отражение в окне с пассажирской стороны, когда прохожу мимо, и напряжение в моей нервной системе удваивается. Как я выдержу ужин в самой строго— консервативной семье в Прово, не выставив себя влюбленным дурачком, каким являюсь?

Возможно, Хейли была права: Это, действительно, плохая идея.

Я подбираюсь перед тем, как нажать на дверной звонок. Он эхом раздается по дому, перед тем, как внутри слышится голос Себастиана:

— Я открою!

Дрожь волнения толчком заводится в моей груди.

Дверь распахивается, и его вид вытягивает весь кислород, который есть на крыльце. Я не видел его с занятий, когда все было странно и молчаливо. Он тогда не смотрел на меня, но определенно смотрит на меня сейчас. Каждый нейрон в моем мозгу, который переживал должен ли я идти или нет, расплавился в серой материи.

Закрывая за собой дверь, Себастиан выходит на крыльцо. Он в брюках и накрахмаленной белой рубашке, которая не застегнута у воротничка. Я вижу гладкое горло и ключицы, и намек на его грудь тоже имеется. Во рту собирается слюна.

Интересно, у него был галстук? Он снял его ради меня?

— Спасибо, что пришел, — произносит он.

Отчаяние берет верх над моим пульсом, и мысль о том, что я сделаю что— то, из— за чего потеряю все, вонзается болезненным лезвием в мои ребра. Я хочу сразу же заверить его, что планирую переписать всю свою книгу, но вместо этого выдаю:

— Спасибо за приглашение.

— Хорошо, — говорит он, делая шаг вперед и указывая на дверь. — Ну, это, возможно, будет скучно. Я просто хочу сразу же предупредить тебя. И прошу прощения, если они начнут говорить о церковных делах, — он вжимает одну руку в свои волосы, что заставляет меня вспомнить о том, как это ощущалось тогда на горе. — Это никак не изменить.

— Шутишь? Посмотри на меня. Я обожаю церковные дела.

Он смеется.

— Ну, конечно, — глубоко вдохнув, он приглаживает свои волосы, поправляет рубашку и тянется к дверной ручке.

Я останавливаю его своей ладонью.

— Это все странно, или только дело во мне?

Я понимаю, что выживаю какой— то знак того, что он помнит, чем мы занимались, что ему понравилось это.

Его ответ делает всю мою проклятую неделю:

— Дело не только в тебе, — его взгляд встречается с моим, и затем его лицо пересекает самая удивительная улыбка, которую я видел. Ни один семейный портрет внутри не был свидетелем такой, ни на секунду.

Повинуясь импульсу, я выпаливаю:

— Я начал свою книгу заново.

Его глаза расширяются.

— Да?

— Да, — густо сглатываю, давясь своим сердцебиением. — Я не могу прекратить думать об...этом...но понимаю, что не могу ее сдать, — беспокойство о возможности начать заново книгу и трепет от его вида кипят одновременно в моем животе. Нервозность облегчает вранье. — Я уже начал кое— что новое.

Могу сказать, что это то, что он хотел услышать, и он сразу же сияет.

— Это хорошо. Я могу помочь тебе, — он дает себе три секунды, чтобы посмотреть на мои губы, а потом переводит взгляд на мои глаза. — Готов?

Когда я киваю, он открывает дверь, одаривая меня последним ободряющим взглядом, перед тем как мы шагаем внутрь.

В доме пахнет свежим хлебом и жареной индейкой, и из— за того, что на улице немного прохладно, чем внутри, окна покрыты слоем конденсата, затуманивающего стекло. Я следую за Себастианом мимо небольшой гостиной — *Еще раз привет снимку сексуального семнадцатилетнего Себастиана. Еще раз привет множеству Иисусов. Приветии угнетающей табличке* — до конца коридора к месту, которое открывалось с одной стороны к семейной комнате, а с другой — на кухню.

Мужчина, я только могу предположить — отец Себастиана, смотрит телевизор.

Он встает, когда замечает нас. Он выше, чем Себастиан, наверное, на пару сантиметров, но с теми же светло— каштановыми волосам и легкой позой. Не уверен, чего я ожидал — более устрашающей позы, возможно? — но я не готов к тому, что он протягивает свою руку, чтобы пожать мою и поражает меня той же подгибающей— колени улыбкой.

— Ты, должно быть, Таннер, — его голубые глаза яркие и мерцают легкой степенью удовлетворенности. — Много слышал о тебе.

Он...что еще раз?

Бросаю вопросительный взгляд в сторону Себастиана, который демонстративно смотрит в другую сторону.

— Да, сэр, — отвечаю, быстр поправляя себя. — То есть, епископ Бразер.

Он смеется и кладет ладонь на мое плечо.

— Я — епископ Бразер только в церкви. Зови меня Дэн.

Мой папа никогда бы не одобрил, если бы я называл чьих— то родителей по именам, но я не собираюсь спорить.

— Хорошо. Спасибо, мистер...Дэн.

Пожилой мужчина спускается по лестнице. Темные завитки волос лежат поверх его ушей, и, несмотря на строгость его костюма и намечающуюся седину на висках, они делают его моложе, даже озорным.

— Аарону нужен был ассистент по Лего. Когда он спросил, как я понимаю что делаю, я ответил, что это из— за моего инженерного образования. Теперь он собирается учиться на инженера, чтобы бесконечно собирать Лего. Это сработает, полагаю.

Себастиан встает рядом со мной.

— Дедушка, это Таннер. Друг с Семинара.

Он осматривает меня теми же ярко— голубыми глазами.

— Еще один писатель! — восклицает он и протягивает руку для рукопожатия. — Эйб Бразер.

— Приятно познакомиться, сэр, — произношу я. — И только Себастиан писатель. А я ближе к обезьяне, получившей свободный доступ к клавиатуре.

Дэн и его отец смеются, но Себастиан пристально смотрит на меня, сведя брови вместе.

— Это неправда.

Я бормочу какую-то смешную версию «как скажешь» — потому что — честно говоря — тот факт, что я могу писать о том, что буквально происходит со мной день ото дня, а потом даю ему прочитать плохую, идиотскую версию своей книги — по-прежнему унизительно.

На кухне Себастиан представляет меня своей бабушке, Джуди, которая спрашивает, живу ли я по-соседству. Думаю, это код для «Из какого ты приходи?»

— Он живет в загородном клубе, — объясняет Себастиан, и спрашивает нужно ли чем-то помочь. Когда они отказывают, он говорит, что мы пойдем, поработаем над моей рукописью.

Паника опрокидывает ведро ледяной воды на мою кожу.

— Хорошо, милый, — говорит его мама. — Ужин будет готов через пятнадцать минут. Можешь попросить сестер начать умываться?

Кивнув, он уводит меня обратно в конец коридора.

— Я не принес свою рукопись, — шепчу я, поднимаясь по лестнице вслед за ним, и изо всех сил стараюсь удерживать свой взгляд на своих ногах, а не на его спине.

Наверху коридор разделяется на две стороны.

Спальни.

Я наблюдаю, как он останавливается у комнаты Фейт. Внутри все пушисто — розово-фиолетовое чудовище с предподростковым беспокойством, сочащимся по краям.

Он стучит и наклоняется вперед.

— Скоро ужин, помой руки, хорошо?

Она что-то отвечает, и он выходит.

— Ты слышал меня? — шепчу я, теперь немного громче. — Я не приносил с собой рукопись.

Я совершил большую ошибку, намекнув, что уже работаю над чем-то новым? Он хочет поскорее увидеть ее?

Он оглядывается через плечо на меня и подмигивает.

— Я слышал тебя. Я приглашал тебя сюда не для работы.

— Ох...ладно.

Ухмылка Себастиана коварная.

— Кажется, я задолжал тебе экскурсию?

Я уже могу сказать, что здесь не так много на что можно посмотреть — наверху тупик с четырьмя дверьми — но киваю.

— Комната моих родителей, — говорит он, указывая на самую большую комнату. Еще одно фото Храма в Солт-Лейк-Сити висит над кроватью вместе с картиной, которая гласит «СЕМЬЯ— НАВСЕГДА». Школьные снимки и снимки из отпуска висят очередью на стенах; улыбающиеся лица сияют со всех сторон.

— Ванная, Фейт и Аарона. Моя спальня внизу.

Мы спускаемся на первый этаж, поворачивая за угол, и начинаем спускаться по еще одной лестнице. Наши шаги заглушает толстый ковер, а голоса наверху становятся тише с каждым шагом.

На цоколе довольно светло. Лестница открывает еще одну большую, устеленную ковром семейную комнату с телевизором, диваном, креслами — мешками с одной стороны и

небольшой кухней — с другой. Несколько дверных проемов расположены по бокам, и Себастиан указывает на первую.

— Лиззи, — сообщает он и двигается к следующей. — А это — моя.

Сердце поднимается к горлу от возможности увидеть комнату Себастиана.

Где он спит.

Где он...

Я разочарован, увидев ее такой опрятной. Придется оставить свои мысли о Себастиане и смятых простынях на потом. Очередь из футбольных трофеев выстроена в ряд под флагом «Пантер» УБЯ. Ярко— синий пенопластовый палец с огромной «У» устроился в углу. Я представляю его на одной из игр, кричащего вместе с толпой, безумно улыбающегося и с сердцебиением, работающим, как отбойный молоток.

Себастиан стоит рядом с дверью, пока я совершаю небольшой круг по его комнате, ни к чему не прикасаясь, но внимательно рассматривая и фотографии и корешки книг.

— Жалко, что я не смог больше порыскать в твоём доме, — говорит он, и я оглядываюсь на него через плечо.

— В следующий раз, — отвечаю с ухмылкой. И моментально теряю дар речи от понимания, что за следующий раз *может* быть. — Признаюсь, было удивительно получить приглашение на ужин к твоей семье, после... — подыскиваю правильные слова, но понимаю, что он понял мой намек, когда румянец пополз от его шеи к скулам.

— Маме нравится быть причастной к тем, кто бывает у нас, — объясняет он. — Ко мне не приходит много друзей.

— Ох.

— Думаю, она захотела узнать тебя получше, — он быстро вскидывает вверх свои руки. — Никакой вербовки. Клянусь.

Еще один вопрос рвется наружу из меня.

— Думаешь, она считает, что я....? — позволяю своим приподнятым бровям закончить предложение за меня.

— Не думаю, что это когда— то дойдет до нее. Мне кажется, она просто хочет узнать моих друзей, особенно если незнакома с ними через церковь.

То, как он смотрит на меня, запускает шарик из игры в пейнтбол в моем животе. Оторвав взгляд, я оглядываюсь вокруг. Здесь повсюду книги: на полках и в стопках у кровати, в небольших кучках на его столе. Рядом с его компьютером лежит Библия в кожаной обложке с молнией по кругу. Его инициалы выбиты золотом на верхушке.

— Эм, она для церкви, — объясняет он, делая шаг ближе. Он вынимает ее из обложки и перелистывает тонкие страницы.

— Она огромная.

Он выпускает короткий смешок.

— Ее называют «четверкой», — говорит он, и я снова забираю ее у него, ощущая вес в своей руке.

— Там много правил.

— Когда ты так говоришь, то да. Полагаю так, — он наклоняется передо мной, чтобы открыть ее, и указывает на содержание. — Но видишь? Это больше, чем одна книга. Здесь: Библия, Книга Мормонов, Учение и Заветы, и Драгоценная Жемчужина.

Я моргаю, удивленный от того, что обнаруживаю его так близко.

— Ты все это прочитал?

— Большую часть. Что— то больше одного раза.

Мои глаза расширяются. Несомненно, я бы засыпал от этих книг. Я был бы самым худшим мормоном. Я бы стал Рипом ван Винклем¹², если б мне пришлось терпеть это.

— Когда у меня возникает вопрос, — произносит он. — Я знаю, что найду здесь ответ.

Я снова опускаю взгляд на книгу. Как он может быть настолько уверенным? Как он мог целовать меня на той тропе и все равно соглашаться с тем, что здесь написано?

— И чем она отличается от обычной Библии? — такое ощущение, что я уже должен знать это. То есть, я не знаком с самой Библией, но абсолютно уверен, что они не одинаковые.

— На самом деле, ты не очень хочешь это знать, так ведь? — его поза стесненная, немного неуверенная.

— Может, просто дашь мне версию «Мормоны для Чайников».

Себастиан смеется и забирает книгу из моих рук, переворачивая на нужную страницу. Мы стоим так близко, и я подумываю придвинуться еще, понимая, что любой вошедший сюда и увидевший нас, просто подумает, что мы читаем Писание вместе.

— Книга Мормонов — еще одно свидетельство жизни Иисуса, что он был сыном Господа, — он бросает взгляд на меня, проверяя, что я слушаю. Убедившись в этом, он подавляет улыбку и возвращает внимание к книге в своих руках.

— Это могло бы быть тем, что пришло после Библии, планом нашего Отца Небесного на Своих детей, — снова посмотрев на меня, он тихо произносит. — Его дети — это мы.

Я смеюсь

— Я понял эту часть.

Его глаза вспыхивают весельем на мгновение.

— Учение и Заветы содержит откровения Джозефа Смита и других пророков, полученных от Бога. Это вариант, которому следуют современные проповедники в наше время. Это, — он перелистывает в конец — «Драгоценная Жемчужина», в которой говорится, что она является свидетельством жизни молодого пророка Авраама в Египте. Когда церковь возросла, они поняли, что нужно сложить все истории и переводы в одно место, чтобы больше людей смогли получить из этого знаний. Эти книги в некотором роде являются инструментом. Если вы прочтете и искренне помолитесь, то найдете ответы, наставления и знания без тени сомнения в истинности этих слов.

Я не догадываюсь, насколько внимательно слушаю, пока не поднимаю глаза на него, снова наблюдающего за мной. Не сказать, что я согласен с этим, но в его голосе и силе, с которой он верит, есть что— то, что вынуждает ловить каждое его слово.

— Ты хорош в этом, — произношу я, а во рту пересохло. — Ты рассматривал...не знаю, отправиться на миссию и обучать всем этим делам? Приобрести для себе печать, которая бы гласила «прошел крещение»?

Он смеется, как я и надеялся, но теперь, когда мы коснулись темы его миссии, я хочу расспросить еще. Куда он хотел бы поехать? Чем бы он там занимался? С кем бы он был? Существуют ли какие— то лазейки во всей этой фигне с отсутствием контакта? Будет ли, вообще, в его жизни место для меня?

— Не часто, — отвечает он с улыбкой. Сразу же становится тихо, и его взгляд опускается на мои губы.

Он так же часто вспоминает нашу прогулку, как и я? Это последнее, о чем я думаю, перед тем, как отправиться спать, и чуть ли не первая мысль в моей голове, когда я

открываю глаза. Я так сильно хочу поцеловать его, и если выражение его лица, и то, как его дыхание набирает обороты, является хоть каким— то знаком, я думаю, он тоже этого хочет.

***

Все сидят за столом, когда мы возвращаемся в столовую. По четыре стула стоит с каждой стороны стола и по одному с каждого конца для его родителей. Себастиан занимает свободное место рядом со своим отцом, я — слева от него, Лиззи и Аарон рядом со мной, а его бабушка с бабушкой и Фейт — по другую сторону.

Стол укрыт тарелками и мисками с едой, но никто не ест. Я понимаю почему, когда Себастиан постукивает своей ногой по моей, кивая туда, где его руки сложены перед ним.

Точно. Молитва.

— Дорогой, Отец Небесный, — начинает Дэн, закрыв глаза и прижав подбородок к своей груди. Я быстро подражаю его действиям. — Мы благодарим за эту еду и щедрость, которую Ты в очередной раз возложил перед нами. Мы благодарим за близких и новых друзей, которых Ты привел за наш стол. Пожалуйста, благослови тех, кто не смог присутствовать здесь и возможно они найдут свой безопасный путь обратно. Господи, мы благодарим тебя за это, и просим Тебя продолжать благословлять нас. Во имя Иисуса Христа, аминь.

Волна шепота «аминь» проходится вокруг стола, и после этого молчание завершается. Столовое серебро стучит по мискам и тарелкам, которые передаются в спешке, когда все принимаются за еду. Фейт хочет куриных наггетсов, а Аарон хочет знать, сможет ли его отец поиграть с ним завтра после школы в мяч. Лиззи болтает о предстоящем лагере для девочек.

Я изучаю выбор напитков на столе перед собой: вода, молоко, Shasta¹³ клубника— киви, и еще хуже, рутбир. Полное отсутствие кофеина. Я наливаю себе стакан холодной воды.

Дэн протягивает Себастиану блюдо полное индейки и улыбается мне.

— Итак, Таннер, Себастиан рассказывал нам, что ты родом из Калифорнии?

— Да, сэр. Из Пало— Альто.

Себастиан берет немного мяса и передает блюдо мне, ободряюще улыбаясь. Мой мизинец коротко касается его. Я буду ощущать его мимолетное касание несколько часов.

Эйб наклоняется вперед, перехватывая мой взгляд.

— Из Калифорнии в Юту? Должно быть, значительная перемена.

Я смеюсь.

— Это точно.

Мать Себастиана сочувственно смотрит на меня со своего конца стола.

— Не могу представить себе переезд из практически круглосуточного солнца в мрачную зиму и снег.

— Это не так уж и плохо, — отвечаю я. — Здесь красивые горы, и у нас все равно было много тумана дома.

— Ты катаешься на лыжах? — спрашивает Джуди.

— Немного. Мы обычно поднимаемся на Сноуберд или в Каньоны, по меньшей мере, раз в год.

Его мама снова вступает в разговор:

— Всей семьей?

Я киваю, потянувшись за миской картошки с сыром, и зачерпываю немного в свою

тарелку.

— Ага. Мы ходим только вчетвером. У меня есть младшая сестра, Хейли.

Мама Себастиана бормочет под нос:

— Красивое имя.

— Мои родители — оба любители улицы, — рассказываю я. — Папа любит ездить на велосипеде, а мама — бегать.

Отец Себастиана проглатывает еду перед своим вопросом:

— Чем они занимаются? Себастиан говорил, что ты переехал сюда из— за работы твоей матери?

Себастиан — болтушка.

Я отпиваю холодной воды и ставлю на стол свой стакан.

— Да, сэр. Она — технический директор в NextTech.

Различные звуки заинтересованности слышатся за столом.

— Когда они открыли здесь спутниковый офис, то захотели, чтобы им управляла она, — еще больше звуков, выражающих интерес. — Она пишет программное обеспечение для компьютера. Она работала на Google в Калифорнии и ушла оттуда, чтобы переехать сюда.

— Вау, — впечатлено произносит Дэн. — Должно быть, это для нее важная работа, раз она ушла из Google. Я слышал, что они очень хорошо относятся к своим сотрудникам.

— А его отец — врач в «Долине Юта», — добавляет Себастиан. Я оглядываюсь на него и ухмыляюсь. Он, кажется, хвастается, как будто *гордится*.

Глаза Джуди увеличиваются.

— Я работаю там по средам волонтером! Как его зовут?

— Пол Скотт. Он — кардиохирург.

— Я знаю, кто это! Я не провожу много времени на том этаже, но он очень приятный мужчина. Кардиолог— еврей, да? — спрашивает она, и я киваю, удивленный, что она знает о нем, и что определила, что он еврей. — Такой внимательный, и медсестры его любят, — она наклоняется вперед и мелодраматично шепчет. — И довольно привлекательный, если хотите знать мое мнение.

— Бабуля! Ты любишь папу Таннера? — возмущенно спрашивает маленькая Фейт, и весь стол начинает смеяться.

— Ну, ты же знаешь, что я смотрю только на твоего дедушку. Но я и не слепая тоже, — отвечает она, подмигивая.

Фейт хихикает в свой стакан с молоком.

— Это точно, — говорит Эйб. — Она увидела меня на церковных танцах и с тех пор не отводит взгляда.

— Мамочка, вы с папочкой тоже познакомились на танцах, да? — спрашивает Фейт.

— Да, — мама Себастиана смотрит через весь стол на Дэна. — Я пригласила его на «белый» танец.

Маленькая девочка кладет порцию еды в свой рот и спрашивает шепеляво:

— Что такое «белый» танец?

Его мама начинает объяснять, но все, о чем я могу думать, — что она только что сказала. Когда она закончила, я обращаюсь к его отцу:

— Вы встречались в старших классах?

— Да, — кивает Дэн. — Мы познакомились в выпускном классе и поженились вскоре после моего возвращения с миссии.

Мой мозг резко дает по тормозам.

— Вы могли так сделать?

— Нам говорят не встречаться на протяжении нашей миссии, — отвечает он, улыбаясь своей жене. — Но не существует правил, запрещающих писать письма раз в неделю.

— Как будто этим двоим можно было что-то сказать, — Джуди смотрит на младших детей и добавляет. — Вашему отцу не понравится, что я рассказываю это, но вам нужно было видеть любовные записки, которые он писал вашей маме. Он оставлял их в кармане, а я всегда находила их в стирке. Они были безумно влюблены друг в друга.

Остальная часть разговора проходит для меня, как в тумане. Отбросив все сложности в сторону, если мы сможем поддерживать контакт, когда Себастиан уедет, то будет не так плохо. Два года — не так уж и много, и я все равно буду учиться. Может к тому времени к пророку придет откровение.

Это же может сработать, да?

На минуту я ощущаю надежду.

Дэн вытягивает меня из моего тумана.

— Таннер, ваша семья посещала синагогу в Солт— Лейк— Сити? — он оглядывается на Эйба. — Я пытаюсь вспомнить, где находится ближайшая.

Это неловко. Даже я не знаю, где находится ближайшая.

— Ну, давай посмотрим, — говорит Эйб. — Там есть Храм «Хар Шалом» в Парк— Сити...

— Слишком далеко, — качает головой Дэн, как будто решил, что он не удобен для нас.

— Точно, в том городе есть парочка...

Я решаю подавить это в зародыше.

— Вообще— то, нет, сэр. И сэр, — я поправляюсь, чтобы включить и Эйба. — Мы не посещаем храмовые службы. Я бы сказал, что мои родители стали больше агностиками в этом вопросе. Мама росла в семье мормонов, а папа теперь не совсем еврей.

Ой, Господи, что я сказал?

Молчание поглощает стол. Не уверен, какая оплошность была более грубой: та, где я признался, что моя мама бывшая мормонка, или что я настолько небрежно отозвался о падении религиозной веры, как о вареной картошке.

Себастиан первый нарушает молчание.

— Я не знал, что твоя мама была мормоном.

— Угу. Она родом из Солт— Лейк— Сити.

Его брови сдвигаются, а губы слегка искривляются.

Его мама легко вступает в разговор снова.

— Ну, это означает, что у тебя есть поблизости семья! Ты видишься с ними?

— Мои дедушка с бабушкой теперь живут в Спокане, — говорю я. Я предусмотрительно не упоминаю, что ни разу не виделся с ними за свои восемнадцать лет, и мысленно даю себе пять. Но это означает, что мой рот остается без присмотра, и его несет. — Но моя тетя Эмили со своей женой живут в Солт— Лейк— Сити. Мы встречаемся с ними, по меньшей мере, раз в месяц.

Единственный звук за столом — неясное дискомфортное ерзанье людей на своих местах.

Боже мой, что я опять сказал?

Себастиан пинает меня под столом. Когда я поднимаю на него глаза, то замечаю, как

тот борется со смехом. Я выкладываю дальше:

— Мать моего отца часто приезжает к нам. У него есть еще братья и сестры, поэтому наша семья довольно большая, — поднимаю свою воду, заполняя ей рот, чтобы заткнуться. Но когда я проглатываю, еще немного тупости умудряется просочиться: — Бабб все еще посещает синагогу раз в неделю. Она очень увлечена этим. Очень религиозна.

Пятка Себастиана снова приземляется на мою голень, и я не уверен, — он просит меня успокоиться к черту, или возможно, даже что мне не нужно было привязывать к этому религию, чтобы меня приняли. Кто ж знает. Но именно на это и похоже. Все здесь такие собранные. Они едят аккуратно, с салфетками на коленях. Они говорят «пожалуйста, передай мне...» и хвалят приготовленную мамой еду. Осанка за столом без исключений впечатляет. И, возможно, что более важно, вместо того, чтобы расспрашивать меня о происхождении моих родителей или об Эмили, дедушка и бабушка Себастиана ловко уводят тему от моего словесного поноса, спрашивая о конкретных учителях и предстоящих спортивных событиях. Родители мягко напоминают своим детям, чтобы они убирали локти со стола (я тоже поспешно убираю свои), быть поаккуратнее с солью, закончить овощи перед тем, как просить еще хлеба.

Все остается таким открытым, таким осмотрительным.

Наша семья кажется чуть ли не дикарями в сравнении. В смысле, мы не безбашенные, одноклеточные идиоты, но мама неоднократно говорила Хейли «прекращай, черт возьми» за обеденным столом, и один или два раза папа забирал еду в гостиную, чтобы сбежать от наших с Хейли споров. Но самая заметная разница в близости, которую я ощущаю дома, и только сейчас осознаю это, пока сижу здесь среди такой теплой, но покорной компании незнакомцев. Вместе со спагетти с фрикадельками семейство Скотт известно тщательным обсуждением значения бисексуальности. Вместе с запеканкой Бабб, Хейли спрашивает моих родителей, возможно ли подцепить СПИД, сделав минет. Для меня это было ужасно, но они ответили без колебаний. Теперь же, когда я задумываюсь об этом, если Себастиан придет к нам на ужин, я определенно уверен, мама отправит его домой с какой—нибудь яркой, заявляющей о чем—то наклейкой на бампер.

Возможно такого рода разговоры за столом — за минусом разговоров о минете — происходят здесь за закрытыми дверями, но мне так не кажется. Где мои родители могут капнуть немного глубже в попытке понять Себастиана и его семью, я вовсе не удивился, что никто не спросил, почему мама покинула церковь, или почему папа больше не посещает синагогу. Эти разговоры тяжелые, а я всего лишь заблудшая овца, проходящая через их покорное стадо, да еще и непостоянная. А это *дом епископа*. Счастье, счастье, радость, радость, помните? Все здесь ведут себя прилично, и никто не будет выведывать что—то или ставить меня в неудобное положение. Это будет невежливо. По моему личному опыту, мормоны — никто иные, как самые вежливые. *Такой* и сам Себастиан.

Глава 11.

Мама с папой дожидаются моего возвращения домой, с остывающими чашками чая перед собой и натянутыми, выжидающими улыбками.

Естественно, я не стал врать им перед выходом, почему буду ужинать в другом месте, но это был не простой уход из дома. Они стояли на крыльце и наблюдали, как я уезжал, не произнеся ни слова. И честно говоря, ощущение было таким, будто я что—то украл.

— И? — спрашивает папа, похлопывая по табурету рядом с собой за островком.

Стул скрипит по плитке на полу, и мы морщимся. По какой— то причине, я нахожу резкую какофонию звуков забавной, потому что к уже довольно напряженному моменту — я, возвращаясь домой с ужина в доме епископа, в чьего сына в каком— то роде влюблен, и это яростно не одобряют мои родители — ужасный скрежет, кажется, прибавляет значимости.

У моих родителей есть что— то вроде своего тайного языка; все обсуждение происходит в одном разделенном ими взгляде. Я стараюсь проглотить истерику, кипящую в горле.

— Простите, — сажусь, хлопая ладонями по своим бедрам. — И. Ужин.

— Ужин, — эхом повторяет мама.

— Было неплохо. Кажется?

Они кивают. Они хотят подробностей.

— Его семья супер милая, — многозначительно расширяю глаза. — *Супер. Милая.*

Мама незлобно смеется на это, но папа все еще кажется сильнее всего обеспокоенным.

— Но это не было, чем— то вроде свидания, — проясняю я. — То есть, естественно. Это не было для меня *знакомством с родителями*. Просто ужин.

Мама кивает.

— Им хотелось познакомиться с его друзьями, особенно если они не знают их по церкви.

Я таращусь на нее несколько мгновений.

— Именно так сказал Себастиан.

— Представь, — говорит она. — Все, кого они знают, ходят в церковь. И когда твой сын — особенно, если ты местный епископ — проводит время с кем— то, кто не является мормоном? Ты захочешь удостовериться, что он нормальный.

— Не считая того, что это *не так*, по крайней мере, они не настолько обеспокоены.

Могу сказать, что маме не нравится этот ответ, но она взмахивает рукой, будто хочет, чтобы я продолжал. Поэтому я рассказываю им про вечер и о том, как его родители познакомились в старших классах. Я рассказываю им о своей оплошности с Эмили и прошлом мамы. Мама корчит рожицу — потому что это вовсе не должно считаться оплошностью. Я рассказываю им, что мы снова обсуждали миссию, хотя всего лишь секунду, и они все это время слушают восторженно.

И все же, я замечаю беспокойство, отпечатанное крошечными линиями на их лицах. Они так искренне боятся, что я влюблюсь в него, и что все закончится разбитым сердцем — для одного или нас обоих.

— И...они тебе понравились? — спрашивает папа, игнорируя, что мама оборачивается к нему и смотрит так, будто он предатель.

— Да. В смысле, не было ощущения, что они *мояродня*, но они были достаточно милыми.

Теперь очередь папы строить рожицу. Семья — все для моих родителей, возможно, в особенности для моего отца, потому что, очевидно, маминых родителей не видно на горизонте. Но папина семья компенсирует это в избытке. Его мать приезжает к нам на три месяца каждый год, и так было с моего рождения. Поскольку дедушка умер шесть лет назад, ей не нравится находиться дома в одиночестве, а папа счастлив, когда она приезжает в его дом. После нас, она уезжает к своим братьям и сестрам в Беркли и Коннектикут,

соответственно по очереди занимаясь внуками.

Если бы я мог оставить Бабб здесь на целый год, то сделал бы это. Она удивительная и остроумная и привносит определенного рода комфорта в дом, который мы не можем создать, когда остаемся только вчетвером. Мои родители замечательные — не поймите меня неправильно — но Бабб каким-то образом создает обстановку теплее и за последние два десятилетия, что женаты мои родители, Бабб и мама стали очень близки. Папа хочет таких отношений с нами, когда станет старше, и чтобы у нас были такие же отношения с нашими новыми родственниками. Честно говоря, это, вероятно, волнует его больше, чем маму волнует то, что она больше не общается со своими родителями.

— Я не часто видел, чтобы ты...так вкладывался в кого-то прежде, — осторожно произносит он. — Мы переживаем, что это не лучший первый выбор, — он отводит взгляд к окну.

Сделав глубокий вдох, я пытаюсь придумать наилучший ответ. Даже не смотря на то, что он говорит правду, эта правда кажется стикером на поверхности моих эмоций: ее легко сорвать. Я понимаю, что Себастиан не подходит мне. Я понимаю, что в большей степени больно будет мне. Меня просто больше волнуют попытки, чем то, что касается собственной защиты.

Поэтому я отвечаю им тем, чего, как мне кажется, он хочет услышать:

— Это просто влюбленность, пап. Он приятный парень, но я уверен, что это пройдет.

На мгновение, он позволяет себе поверить. Мама тоже остается заметно молчаливой. Но когда он обнимает меня на ночь, то крепко сжимает на три глубоких вдоха.

— Спокойной ночи, ребята, — произношу я и взбегаю вверх по лестнице в свою комнату.

Всего лишь восемь вечера пятницы, и я понимаю, что не устану еще несколько часов. Отэм пишет, что собирается к Эрику. Я испытываю облегчение, что не буду винить себя за то, что динамлю ее снова, и отправляю длинный ряд из смайликов— баклажанов, на что она отвечает очередью из смайликов со средним пальцем.

Интересно, Себастиан подписан на такую клавиатуру со смайликами, и что бы он испытывал от такого грубого жеста на своем телефоне, заметил бы он его, или *использовал* бы вообще.

Все, все вращается вокруг него.

***

Мама — на пробежке, папа — в больнице, а Хейли топает по дому, жалуясь на то, что некому заняться стиркой в субботу утром.

Я намекаю ей, что у нее тоже есть руки.

Она ударяет меня в бок.

Я зажимаю ее голову в замок, и она визжит, как резаная, пытаюсь дотянуться когтями до моего лица, крича при этом:

— Я ненавижу тебя! — достаточно громко, чтобы сотрясать стены.

Звонит дверной звонок.

— Отлично, придурок, — говорит она, отталкивая меня. — Соседи вызвали копов.

Я тянусь к двери, распахивая ее со своей лучшей улыбкой «*это все она*».

Мой мир прекращает вращаться.

Я не знал, что означает слово «ошеломленный», пока не посмотрел его значение в прошлом году. Я всегда считал, что оно означает что— то вроде «застенчиво— удивленный», но по сути это ближе к «сбитому с толку», каким прямо сейчас выглядит Себастиан, стоя на моем пороге.

— Какого...? — моя удивленная улыбка растягивается настолько широко, насколько возможно, от уха до уха.

— Привет, — он поднимает руку, чтобы почесать затылок и от этого выпирает его бицепс, гладкий и загорелый.

Я растекаюсь.

— Прости, — отступаю назад, приглашая его войти. — Ты пришел в самый разгар убийства.

Он смеется, делая шаг вперед.

— Я собирался сказать... — глядя мимо меня, он улыбается. Могу только предположить, как Хейли стоит там и запускает в мою спину смертельными лучами. — Привет, Хейли.

— Привет. Ты кто?

Я хочу размазать ее по стенке за такую грубость, но сдерживаюсь, потому что одним этим сучьим вопросом она создает видимость, что я не хожу по дому, постоянно болтая об этом парне.

— Это Себастиан.

— А. Ты прав. Он сексуальный.

Вот. Вернемся к тому, что я хочу размазать ее по стенке.

Коротко усмехнувшись, он протягивает ей руку для рукопожатия. К моему ужасу, она смотрит на нее мгновение, прежде чем принять. Когда она переводит взгляд на меня, я приподнимаю брови в знаке «я— позже— добыю— тебя». Если бы мама и папа были дома, она была бы сама вежливость. А со мной, она первоклассная засранка.

— Хочешь, поднимемся наверх? — спрашиваю его.

Он бросает взгляд на Хейли, которая уже протопала обратно по коридору в прачечную, и кивает.

— Где ваши родители?

— Мама — на пробежке. А папа — на работе.

Мне кажется, он видит в этом какой— то подтекст. Воздух между нами потрескивает.

Под нашими ногами скрипят деревянные ступеньки, и я крайне осведомлен, что Себастиан позади меня. Моя спальня последняя по коридору, и мы идем к ней в тишине; такое ощущение, что кровь закипает под поверхностью моей кожи.

Мы идем в мою комнату.

Он зайдет в мою комнату.

Себастиан проходит внутрь, оглядывается и, кажется, даже не вздрагивает, когда я аккуратно защелкиваю дверь за нами — нарушая родительскую политику открытых дверей. Но але: здесь могут быть поцелуи, а Хейли в режиме монстра. Так что эта дверь будет з— а — к— р— ы— т— а.

— Значит это твоя комната, — произносит он, осматриваясь.

— Ага, — следую за его взглядом, пытаюсь посмотреть на все его глазами. Здесь очень много книг (и ни одной религиозной), парочка наград (в основном по учебе) и несколько снимков в разных местах (и ни на одном я не держу Библию в руках). Впервые я рад, что

папа заставляет меня поддерживать в комнате порядок. Кровать заправлена; белье сложено в корзину. Стол пуст за исключением моего ноутбука и...

Ох, зашибись.

Себастиан неспешно подходит к нему, касаясь пальцем стопки синих стикеров. Слишком поздно что— то говорить. Я знаю, что написано на самой верхней.

МЫ УХОДИМ ДРУГ ОТ ДРУГА

РЕЗКО ЗАСТРЕВАЕМ В ОБЫЧНОМ ТУПИКЕ

Я ПРЕДСТАВЛЯЮ, ЧТО ОН ИДЕТ ТУДА, ГДЕ ТИХИЙ УЖИН

ОН ПРЕДСТАВЛЯЕТ, ЧТО Я ИДУ ТУДА, ГДЕ ВСЕ ПО— ДРУГОМУ

В ЛУЧШЕМ СЛУЧАЕ: БЕЗУДЕРЖНЫЙ СМЕХ, ГОЛОВОКРУЖИТЕЛЫ
СВОБОДА.

В ХУДШЕМ: МАТЫ, ТУМАННЫЕ ГРЕХИ.

ВОЗМОЖНО, МЕНЯ УГОСТЯТ ГЛОТКОМ ВИНА.

НО ДАЖЕ ЕСЛИ ОН ТАК ДУМАЕТ

ОН НЕ СТАНЕТ ОСУЖДАТЬ МЕНЯ

НАДЕЮСЬ, ОДНАЖДЫ ОН ПОЛЮБИТ МЕНЯ.

СПОКОЙНОЙ НОЧИ, — ГОВОРIT ОН

ХОЧУ ЦЕЛОВАТЬ, И ЦЕЛОВАТЬ И ЦЕЛОВАТЬ ЕГО.

— Что это?

— Эм, — я подхожу к нему, сгребая листки со стола, чтобы прочитать, как будто не уверен в том, что там. На самом деле, увереннее некуда; я написал их прошлой ночью. — Ой, да ничего такого.

Считаю до пяти, снова до пяти и снова до пяти. Все время, мы просто таращимся на ярко— синие стикеры в моей руке.

Наконец— то, он забирает их обратно.

— Они обо мне?

Киваю, не оглядываясь. Внутри моей груди — топот ног и звериный рев.

Его ладонь поднимается вверх по моей руке, от запястья к локтю, аккуратно притягивая, чтобы я обернулся на него.

— Мне нравится, — шепчет он. — Но это же не войдет в твою новую книгу, да?

Качаю головой. Ложь номер два.

— Есть еще?

Киваю.

— Используй слова, Таннер, — произносит он со смехом на конце.

— Есть еще, но я, эм, пишу кое о чем другом сейчас.

Он кивает.

— О чем новая книга?

Я оборачиваюсь к окну, выдумывая на ходу.

— Та же идея, но он не влюбляется в сына епископа.

Слежу за тем, как слово «влюбляется» скатывается с него. Его губы подрагивают.

— Так ты дашь мне почитать ее?

— Ага, — быстро киваю. — Когда будет, что прочитать, — значение этого вызывает во мне тошноту, но в каком— то смысле я понимаю, что должен заканчивать писать про Себастиана, написать о чем— то другом и отдать прочитать книгу ему и Фуджите. Самое странное? Я не хочу заканчивать писать о Себастиане. Такое ощущение, что мне чуть ли не

нужно писать дальше, чтобы выяснить, чем все закончится.

Он отпускает мою руку и уходит к кровати, усаживаясь на нее. Мое сердце повсюду выбрасывает горячее; в моих жилах какие— то экстремальные гонки.

— Я получил сегодня свою авторскую копию. И тоже хочу, чтобы ты прочитал мою книгу, — говорит он, ковыряя заусенец. — Но переживаю, что ты посчитаешь ее ужасной.

— А я переживаю, что посчитаю ее удивительной и стану еще больше одержим тобой, чем сейчас

Слава Богу, он смеется, на что я и рассчитывал.

— Я нервничаю.

— Из— за выхода книги?

Он кивает.

— Ты уже пишешь вторую?

Еще один кивок.

— Контракт на три книги. И мне, правда, нравится это. Такое ощущение, что именно этим я и должен заниматься, — он поднимает глаза на меня, и свет, исходящий от окна, выхватывает его взгляд таким образом, что тот кажется чуть ли не божественным. — После той прогулки, — говорит он, а затем кивает мне для подтверждения, как будто я каким— то образом не пойму на что он ссылается. — Я пришел домой и...

Дрочил?

— Сходил с ума?

Он смеется.

— Нет. Я молился.

— Похоже на «сходил с ума».

Себастиан качает головой.

— Нет. Молитва успокаивает, — он вглядывается в мою стену, где у меня висит фотография в рамке моста «Золотые Ворота», которую сделал папа за несколько лет до нашего переезда. — Я не испытывал чувства вины из— за этого, — теперь он говорит тише. — Что было неожиданно.

Я не осознавал, как сильно нуждался в этих его словах, пока он не произнес их. Я ощущаю себя надувным матрасом в бассейне, лениво раскачивающимся на солнце.

— Вина — это своего рода знак, что я делаю что— то неправильно, — говорит он. — И когда я почувствовал умиротворение, я понял, что Господь одобряет то, что я делаю.

Я открываю рот для ответа, но оказывается, что понятия не имею, что сказать на это.

— Иногда я задаюсь вопросом — Бог или церковь так решительно настроены против всего этого.

— Мое мнение? — произношу осторожно. — Бог, достойный твоей вечной любви, не станет осуждать за то, кого ты любишь, пока ты находишься здесь.

Он кивает на это несколько секунд и затем, наконец— то, застенчиво улыбается мне.

— Ты подойдешь сюда? — спрашивает он, и я впервые вижу, как он неуверенно улыбается.

Я с легкостью опускаюсь рядом с ним на кровать, и не только чувствую, как меня трясет, но и *вижу* это. Зажимаю свои ладони между колен, чтобы удержать их от хлопанья по матрасу.

Во мне около 190 см роста. А в нем, наверное, 180, но прямо сейчас исходящее от него спокойствие, кажется, будто нависает надо мной, как тень от большой ивы. Он крутится,

укладывая свой правый кулак на мое бедро, а его левая рука поднимается к моей груди, нажимая мягко, пока я не осознаю, что он хочет, чтобы я лег на спину. Растеряв весь сознательный контроль над мышцами, я по сути заваливаюсь на матрас, а он нависает надо мной, глядя сверху — вниз.

Он подстригся сегодня утром, понимаю я. По бокам снова коротко выбрито, а на макушке — мягко и небрежно. Его прыгающий взгляд «озер — на — солнце» смотрит на меня, и я одержим жаром и нуждой чувствовать, и чувствовать и снова чувствовать его.

— Спасибо, что пришел вчера на ужин, — говорит он, и его взгляд совершает полный круг по моему лицу. От моего лба, вниз к щекам, зависнув рядом с моими губами.

Его взгляд порхает вниз, чтобы проследить, как я сглатываю перед ответом.

— У тебя милая семья.

— Да.

— Они, наверное, решили, что я сумасшедший?

Он ухмыляется.

— Только чуть — чуть.

— Ты подстригся.

Его взгляд становится расфокусированным, остановившись на моих губах.

— Ага.

Я прикусываю губу от желания зарычать из — за того, как он смотрит на меня.

— Мне нравится. Очень.

— Да? Хорошо.

Боже, хватит болтовни. Я притягиваю его к себе, моя ладонь на тыльной стороне его шеи, и он сразу же опускается, губами к моим, частично вжимая своим весом, дыхание покидает его губы потоками облегчения. Все начинается такими медленными, неторопливыми, спокойными поцелуями. Первый — через застенчивые улыбки, а затем с уверенностью, что так — *нам* — хорошо, что даже больно.

И все набирает обороты, как будто самолет при взлете, и нас заражает одновременно каким — то диким и сильным отчаянием. Не хочу думать, что мы настолько голодны этим, потому что это бомба замедленного действия. Я не хочу опережать игру в шахматы на слишком много ходов вперед. Вместо этого, я считаю, что мы так голодны, потому что испытываем что — то глубокое. Что — то похожее на любовь.

Его грудь устраивается на моей, а его ладони — в моих волосах, и он издает такие небольшие, но глубокие звуки, которые медленно развязывают меня, пока в моей голове не начинает повторяться только одно слово — *да*.

Все ощущается — да.

Его губы — да, и руки — да, и на мне, поверх меня сейчас, он двигается и да, да, да.

Я провожу своими руками вниз по его спине, под его рубашку к теплой коже его тела. Да. Нет времени оценить, что я ответил на свой собственный вопрос о храмовом белье, потому что потом его рубашка слетает, да, и моя тоже — кожа к коже.

Д

А

И я никогда не был таким образом снизу, никогда не обхватывал своими ногами чьи — то бедра, никогда не испытывал такого рода трения и фрикций, и он говорит, что думает обо мне каждую секунду

да

и говорит, что никогда не испытывал подобного, ему нравится посасывать мою нижнюю губу, он хочет поставить время на паузу, чтобы мы смогли целоваться вечно да

а я говорю ему честно, что никогда мне не было так хорошо, как сейчас, и он смеется в мой рот снова, потому что я уверен, это очевидно по тому, как я втянулся. Я — монстр под ним, с выгибающимися бедрами и руками, как у осьминога повсюду одновременно. Не думаю, что что — то за всю жизнь было настолько потрясающим.

— Я хочу узнать о тебе все, — говорит он, теперь безумно, его губы двигаются по моей челюсти, щетина царапает мою шею.

— Я расскажу тебе все.

— Ты мой парень? — спрашивает он, а затем втягивает мою нижнюю губу перед тем, как рассмеяться над собой, и разве это не самое удивительное, что кто — то говорил мне за всю мою жизнь?

— Эм, да.

Парень. Да.

— Даже не смотря на то, что я теперь твой парень, я не стану никому об этом рассказывать, — шепчу я.

— Я знаю.

Его ладонь движется по мне, между нами — боже мой — и по моим спортивным штанам, что кажется таким невинными и развратным одновременно. Но развратное смывается, когда я поднимаю на него взгляд и осознаю, что он рассматривает мое лицо с благоговейным страхом.

И я понимаю. Я тоже никогда не делал этого.

Как в тумане, я тоже тянусь вниз. Его глаза закатываются, а потом закрываются.

Это кажется не реальным. Как такое вообще может быть реальным?

Он двигается вперед раз, и еще раз, и это самое потрясающее, что я когда — либо делал...

И даже не слышу шагов или открывания двери, перед тем как слышу смущенное папино «Ой!» и как захлопывается дверь.

Себастиан спрыгивает с меня, поворачиваясь лицом к стене, его руки прижаты к лицу. В звенящей тишине, я не совсем понимаю, что произошло.

То есть, *понимаю*, что произошло, но это было так быстро, что на несколько ударов сердца мне кажется, что я могу притвориться, будто у нас с ним была общая галлюцинация.

Это очень плохо на многих уровнях. Никаких больше спектаклей с «*Мы просто друзья!*» со взрослыми внизу. Теперь мы вовлечены в это, и я получу разнос за это от одного или обоих своих родителей.

Но без капли сомнения, это намного унижительней для Себастиана.

— Эй, — произношу я.

— Это плохо, — шепчет он. Он не опускает свои руки, не поворачивается ко мне. Его спина обнажена, целая карта мышц. Я тону в двойственной реакции: головокружение, что у меня теперь есть сексуальный парень, и ужас, что этот момент может уничтожить все.

— Эй, — снова повторяю я. — Он не станет звонить твоим родителям.

— Это очень плохо.

— Просто иди сюда, хорошо?

Медленно повернувшись, он подходит обратно, опускаясь на кровать и не оборачиваясь

на меня.

Он стонет.

— Твой отец застучал нас.

Мне требуется мгновение, чтобы подыскать лучший ответ, остановившись на:

— Да, но он, наверняка, смущен сильнее, чем мы.

— Сильно сомневаюсь в этом.

Я знал, что он не последует такой линии рассуждений, но стоило попробовать.

— Посмотри на меня.

Спустя десять секунд он выполняет это. Я замечаю, как он смягчается, и облегчение от этого вызывает во мне желание встать и заколотить в грудь.

— Все хорошо, — шепчу я. — Он не станет никому говорить. Возможно, он просто поговорит позже со мной.

Он *точно* поговорит со мной позже.

Побеждено выдохнув, Себастиан закрывает глаза.

— Хорошо.

Я наклоняюсь вперед, и мне кажется он чувствует мое приближение, даже несмотря на закрытые глаза, потому что его губы подрагивают в сдерживаемой улыбке. Прижавшись своими губами к его, я предлагаю ему нижнюю, ту, которую он так любит посасывать, и жду его ответа. Он медленно отвечает. Это не похоже на предыдущий жар, но все по—настоящему.

Я отстраняюсь, встаю и тянусь за его рубашкой.

— Я собираюсь пойти домой.

— А я собираюсь остаться *здесь*.

Себастиан борется с еще одной улыбкой от смысла этой фразы, а затем я наблюдаю, как на его лицо медленно напоззает маска. Его лоб расслабляется, и яркий свет исходит из его глаз. Легкая улыбка, которой я научился не доверять, растягивается на его лице.

— Проводишь меня?

***

Папе требуется всего лишь пятнадцать минут, после ухода Себастиана, чтобы зайти в мою комнату. Его стук неуверенный, практически извиняющийся.

— Входи.

Он шагает внутрь, осторожно закрывая за собой дверь.

Не знаю, должен ли я злиться или раскаиваться, но эта комбинация отправляет покалывающее ощущение по моей коже.

Папа подходит к моему стулу у стола и садится.

— Во—первых, я должен извиниться, что не постучался в первый раз.

Кладу свою раскрытую книгу лицом вниз на свою грудь, переводя взгляд на него, со своего места на кровати.

— Согласен.

— Не знаю, что говорить дальше, — он чешет свою челюсть, а затем передумывает. — Нет, не совсем правда. Я знаю, что хочу сказать, но не с чего должен начать.

Сев прямее, я поворачиваюсь лицом к нему.

— И?

— Я понимаю, что ты испытываешь к Себастиану. И уверен, что это взаимно.

— Да...

— Я так же понимаю, что твое чувство искреннее, а не из— за какого— то любопытства или бунта.

Что мне вообще на это отвечать? Киваю, понимая, что выражение на лице в большей степени неясное смятение.

— Отэм знает?

Моргаю, растерянно.

— Отти?

— Твоя лучшая подруга, да.

— Я не *открывался* Отэм, пап. Я никому не открывался, помнишь? Как мама хочет?

— Послушай, — говорит папа, укладывая ладонь на мое колено. — Я хочу сказать еще две вещи. Начну с той, что полегче. Заманчиво, когда ты влюбляешься в кого— то, игнорировать все вокруг себя.

— Я не *игнорирую* Отт...

— Я не закончил, — голос становится немного суровым. — Мне нужно, чтобы ты пообещал, что позаботишься о своих остальных отношениях. Что будешь проводить время с Отэм, Эриком и Мэнни. Что ты все равно останешься образцом для подражания для Хейли. Что останешься внимательными и готовым прийти на помощь сыном своей матери.

Киваю.

— Я обещаю.

— Я прошу этого по той причине, потому что важно поддерживать свою жизнь полноценной, независимо от того, насколько глубокими становятся ваши отношения с Себастианом. Это не зависит от религии. Если это продолжится и каким— то образом получится, тогда тебе потребуются друзья, которые примут и поддержат вас. И если, по какой— то причине, ничего не получится, тебе потребуются люди, на которых ты сможешь переключиться.

Смотрю в пол, ощущая странную противоборствующую реакцию внутри себя. Он прав. В этом есть смысл. Но мне не нравятся последствия того, чего я еще не знаю.

— Второе, что я хотел бы сказать тебе... — папа чешет подбородок, отводя взгляд. — Я не разделяю историю твоей матери с церковью, поэтому моя реакция на твои отношения кардинально отличается от ее, — он снова встречается со мной глазами. — Тем не менее, я не считаю, что она неправа. Мне не обязательно соглашаться с каждой причиной, по которой она тебя предостерегает, но я соглашусь с тем, что это сложно. Полагаю, его родители не одобряют?

— Думаю, это будет на оттенок свьше неодобрения.

Папа уже кивает на это.

— Поэтому каждый раз, когда ты будешь с ним, вы будете встречаться за спинами его родителей.

— Да.

— Мне не нравится это, — тихо признается он. — Мне нравится думать, что если бы ситуация была обратной, то ты был бы либо так же открыт с нами, либо не предавал наши желания, пока живешь в этом доме.

— Разница в том, пап, что я могу быть открыт с вами.

— Дело в том, Тан, что тебе восемнадцать, и что ты делаешь со своим телом — твой

выбор. Но чем ты занимаешься под моей крышей — все еще то, на что я могу возразить.

Оо.

— Я люблю тебя, твою сестру и маму больше всего в этом мире, ты же знаешь.

— Знаю.

— И я знаю, что тебе нравятся и девочки и мальчики. Я знаю, что ты экспериментируешь, и я никогда, ни на секунду, не выражу своего недовольства на это, — он встречается со мной взглядом. — Сложность здесь не в том, что Себастиан мужчина. Если бы я застукал тебя с кем — то не из церкви, я бы, наверное, даже ничего не сказал, и мы бы обменялись понимающими взглядами через обеденный стол и на этом все.

Мое желание свернуться в клубок и закатиться в угол возрастает. Это очень неловко.

— Но я не хочу, чтобы вы с Себастианом использовали наш дом, чтобы встречаться втайне от его родителей.

— Пап, — произношу я с пылающим лицом. — У нас не так много вариантов.

— Себастиан — взрослый. Он может переехать, если захочет, в собственное место со своими собственными правилами.

Вот, сейчас, папа по сути закрывает дверь к любой дискуссии. Я понимаю, что его мнение выходит из опыта. И сидя здесь, вглядываясь в лицо, которое я знаю чуть ли не так же хорошо, как собственное, я понимаю, насколько тяжело отцу говорить мне это.

В конце концов, по словам его семьи, он влюбился в не ту женщину двадцать два года назад.

Глава 12.

Мама Отэм открывает дверь, отступая назад, чтобы впустить меня. Ее дочери от нее передались гены улыбки с ямочками, и на этом все. Отти — рыжеволосая, с веснушчатым носом и светло — голубыми глазами. А у миссис Грин — темные волосы, карие глаза и оливковая кожа. Интересно, какого это каждый день смотреть на дочь, настолько похожую на покойного мужа мистера Грина. Это или удивительно, или душераздирающе. Скорее всего комбинация и того, и другого.

У нас все как обычно: я целую ее в качестве приветствия в щеку, а она — говорит, что у нее в холодильнике есть немного шоколадного молока, и я прикидываюсь восторженным этим фактом. Оно странное — водянистое шоколадное молоко в коробке из — под сока. Я как — то упомянул, что мне оно нравится при миссис Грин, в мое первое лето здесь, и она покупала его для меня каждый раз с тех пор. Теперь я чувствую себя просто обязанным прихватить с собой одно по пути в комнату Отти, но, вообще — то, я больше его не перевариваю. Мы проводим небольшой научный эксперимент с цветком на ее полке: сможет ли Африканская фиалка выжить только на одном шоколадном молоке.

Принцесса Отэм развалилась на полу с наметками по своим главам. Она даже правит их красной ручкой; а я не могу себя заставить.

— Отти, ты самый очаровательный ботаник, которого я встречал за всю свою жизнь.

Она даже взгляд не поднимает, когда я прохожу.

— Не будь занудой.

— Ты знала, что красную ручку можно называть грубостью и пошатнуть уважение учеников? Лучше использовать фиолетовую.

Голубые глаза поднимаются на меня.

— Мне нравится красная.

Ее длинные, рыжие волосы заколоты в огромный пучок на макушке.

— Знаю, что нравится.

Оттолкнувшись локтями, она поднимается, чтобы сесть, и теперь скрестить ноги.

— Что ты здесь делаешь?

Это немного обидно, потому что подтверждает, что папа был прав. До Себастиана не было странным для меня прийти к ней в любое время. А теперь же я вижу с Отти, может, один раз после школы, и провожу так много времени в одиночестве, записывая слово за словом о нем, не обращая внимания на то, что разум кричит мне начинать новую книгу.

— Я не могу прийти и потусоваться со своей лучшей подругой?

— Ты же был занят.

— Как и ты, — я многозначительно шевелю бровями. — Повеселилась тогда с Эриком?

— Если под «повеселилась» ты подразумеваешь — «целовалась с ним до онемения», тогда да.

Мой рот распахивается.

— Серьезно?

Она кивает с румянцем, пробивающимся под ее веснушками.

— И как много шуток про «твою маму» он сказал?

Просмеявшись она восклицает:

— Ни одной!

— Не верю, — для Эрика все — возможность пошутить «а твоя мама» или «она так сказала». И не важно, сколько раз мы напоминаем ему, что сейчас не 2013.

— Было весело, — говорит она, откидывая спиной на свою кровать. — Он мне нравится.

Я тянусь вперед, щипая ее за щечку. Во мне что — то натягивается. Это не совсем ревность, а какое — то странное чувство потери, как будто ни для кого больше не будет существовать версии Таннера и Отэм. У нас у обоих теперь есть другие люди.

Даже если мы еще не знаем об этом.

— Что с лицом? — она обводит круг в воздухе передо мной.

— Просто думаю, — я поднимаю ее красную ручку, черкая на подошве своего кеда. — Я хотел поговорить с тобой.

— Прозвучало серьезно.

— Нет, не так, — прищуриваюсь, раздумывая. — Нет, серьезно, полагаю. Я просто хотел попросить прощения.

Она ничего не отвечает, поэтому я поднимаю на нее взгляд, пытаюсь прочесть выражение ее лица. Я знаю Отэм лучше, чем кто — либо другой, но прямо сейчас не могу уловить, о чем она думает.

— За что? — наконец, спрашивает она.

— За то, что отдалился.

— Это синоним занятости, — отвечает она. Она откидывается назад и тянет, болтающуюся ниточку на кромке моих джинсов. — Прости, что была не самым лучшим другом в последнее время.

Это удивляет меня, и я поднимаю на нее взгляд.

— В смысле?

— Я знаю, что ты подружился с Себастианом, и думаю, я приревновала.

Ой. Тревожные звоночки раздаются в моей голове.

Она сглатывает, неловко и громко, и ее голос дрожит, когда она произносит:

— В смысле, он занял то время, которое ты обычно отдавал мне. И присутствует что— то такое интенсивное, когда вы, ребята, общаетесь, поэтому мне кажется, что он может забрать то, что принадлежит мне, — она поднимает на меня глаза. — Разве в этом есть смысл?

Мое сердце стучит отбойным молотком в груди.

— Думаю, да.

Ее лицо становится красным, подтверждая, что этот разговор намного больше, чем просто о дружбе. Если бы она просто помечала свою дружескую территорию, то не краснела бы, она бы злилась. Но здесь есть кое— что еще. И даже не зная степени отношений между мной и Себастианом, она чувствует их интенсивность. Эту догадку она еще не может никак назвать.

— Я ревную, — говорит она и пытается выглядеть наглее с задранными в воздух подбородком. — По многим причинам, но я работаю над некоторыми из них.

Такое ощущение, что меня ударили в грудь молотком.

— Ты же знаешь, что я люблю тебя, так?

Ее щеки вспыхивают ярко— розовым.

— Да.

— Как самого важного для меня человека в мире, да?

Она поднимает глаза, они остекленели.

— Да, я знаю.

По правде говоря, Отэм всегда знает, кто она и чего хочет. Она всегда хотела стать писательницей. Она — белая, гетеросексуальной ориентации и просто прекрасна. Перед ней есть путь, которому, последовав, она сможет прийти ко всему, и никто и никогда не скажет ей, что она не может или не должна хотеть этого. У меня есть способности к естественным наукам, но и двойственное отношение насчет того, чтобы последовать докторскому пути моего отца, и я понятия не имею, кем хочу быть. Я просто подросток — наполовину еврей и бисексуал — влюбленный в парня мормона. Мой путь не такой очевидный.

— Иди сюда, — прошу я.

Она заползает на мои колени, и я заключаю ее в свои объятия, удерживая ее так долго, сколько она позволяет мне. Она пахнет своим любимым шампунем, а ее волосы — мягкие на моей щеке, и я уже сотни раз мечтал, чтобы у меня возникло что— то вроде желания к ней, но вместо этого там только глубокая, отчаянная привязанность. Теперь я понимаю, о чем говорил отец. Легко сказать, что я смогу сохранить свою дружбу, но мне нужно сделать намного больше этого. Мне нужно ее так же сберечь. Скорее всего, мы не пойдем в один и тот же колледж в следующем году, и теперь пришло время убедиться, что наша дружба крепка. Если я когда—нибудь потеряю ее, то буду опустошен.

***

«Warriors» играют с «Cavs» в ответном матче, и отец приземляется на диван. Каждая линия его тела напряжена. Степень его презрения к Леброну Джеймсу¹⁴ мне не понятна, но я не могу винить его за преданность.

— Я сегодня виделся с Отэм, — сообщаю ему.

Он ворчит, кивая. Ясное дело, он не слушает.

— Мы тайно поженились.

— Да?

— Тебе нужно пиво и пивное брюхо к нему, если ты собираешься так отключаться перед теликом.

Он снова ворчит, кивая.

— У меня проблемы. Могу я взять пятьсот долларов?

Наконец— то, папа испуганно смотрит на меня.

— Что?

— Просто проверил.

Несколько раз моргнув он выдыхает с облегчением, когда игра прерывается на рекламу.

— Что ты говорил?

— Что я виделся сегодня с Отти.

— У нее все хорошо?

Я киваю.

— Кажется, она встречается с Эриком.

— С Эриком Кушингом?

Снова киваю.

Он обрабатывает эту информацию именно так, как я и ожидал от него.

— Я думал, она влюблена в тебя?

Нет и шанса ответить на это, не показавшись мудаком.

— Думаю, да, влюблена немного.

— Ты рассказал ей о Себастиане?

— Ты серьезно? Нет.

Игра снова начинается на экране, и мне не нравится делать это, но все похоже на то, как термиты поедают деревянную перекладину. Если я не избавлюсь от этого, то буду пронизан беспокойством.

— Пап, что было, когда ты сказал Бабб, что встречаешься с мамой?

Он бросает на телевизор последний, неохотный взгляд, прежде чем потянуться за пультом, отключая звук. А затем он разворачивается, упираясь одной ногой в диван, лицом ко мне.

— Это было очень давно, Тан.

— Я просто снова хотел об этом послушать, — я слышал эту историю раньше, но иногда мы воспринимаем все по— детски, и детали в каком— то роде могут ускользнуть от нас — не все является таким, как кажется. История романа моих родителей — одна из подобных вещей: это было очень романтично, когда они впервые рассказали нам об этом, и реальность того, как было сложно отцу и его семье — и маме тоже — потерялась больше в рассказе, как они добивались своего «долго и счастливо».

Мне было тринадцать, а Хейли — десять, и рассказанная нам история была сокращена: Бабб хотела, чтобы папа женился на дочери ее лучшей подруги, женщине, которая родилась в Венгрии и приехала сюда, чтобы учиться в колледже. Это нормально, говорили они нам, для родителей — прикладывать руку к сватовству. Они не объяснили остальные части, что я узнал уже со временем, поговорив с тетями и кузинами, что вмешательство семьи логично на многих уровнях: брак — навсегда, а безумная страсть стирается. Найти человека, одного с тобой происхождения и достоинства, в конце концов, намного важнее, чем остаться с

человеком, с которым ты хочешь заниматься сексом всего несколько месяцев.

И папа встретил маму в Стэнфорде, и, как говорит мама, она знала. Он боролся, но в итоге, он тоже понял.

— Я познакомился с твоей мамой в первый свой день в медколледже, — вспоминает он. — Она работала в той старомодной закусочной рядом с кампусом, а я пришел туда, умирающий с голода и измотанный. Я переехал только за день до начала занятий, и реальность такого далекого нахождения от дома очень сильно отличалась от моих ожиданий. Это было дорого и напряженно, моя рабочая нагрузка была уже невероятной. Она сделала самый превосходный сэндвич с курицей, притянула его мне и спросила, может ли пригласить меня на ужин.

Я уже слышал эту часть. Я обожаю эту часть, потому что обычно папа шутит про приманку и переключается на мамину готовку. В этот раз, он не делает так.

— Я думал, что она хотела быть дружелюбной, потому что я выглядел очень подавленным. Я не предполагал, что она могла подумать, что мы могли бы встречаться, — он смеется. — Но когда она пришла, ее намерения стали кристально очевидны, — а теперь его голос понижается. Мне больше не подают поверхностную версию истории. Мне подают версию, которую взрослый мужчина рассказывает своему взрослому сыну.

Мама — красавица. Она всегда была красавицей. Ее уверенность в себе делает ее просто неотразимой, но в комбинации с ее гениальностью у папы и шанса не было. Ему было только двадцать один, в конце концов — молодой студент — медик — и в тот первый вечер, на ужине, он сказал сам себе, что не повредит провести с ней немного времени. У него была парочка подружек до этого, но ничего серьезного. Он всегда знал, что в итоге вернется домой и женится на ком — то из общины.

Мама с папой встречались тайно, и за два года вместе, даже когда оставался у нее, он по — прежнему настаивал, что женится на еврейке. Каждый раз, когда он говорил это, она скрывала свою боль и отвечала: «Окей, Пол».

Когда Бабб и сестра папы Бека приехали в гости на три недели, мама ни разу не встретила с ними. Он ничего им не рассказывал о ней, и все время, что они пробыли в городе, она так же ни разу не видела его. Как будто он исчез. Он не звонил и не объявлялся. Она бросила его, когда они уехали, и папа даже не спорил. Он пожелал ей удачи и наблюдал, как она уходила.

Несмотря на то, что папа всегда отмалчивался об их времени врозь, мама шутливо называла это «Мрачным Годом». Шутка или нет, но я видел фотографии с ними в то время, и эти образы всегда вызывали у меня, мягко говоря, беспокойство. Мои родители были с большой буквы *B* — *Влюблены*. Папа считал маму гениальной, красивой. Он считал ее прекраснее всех на свете. Она считала его самым умным, самым удивительным мужчиной на свете. Я уверен, что то время порознь сделало их благодарными за то, что они имеют сейчас, но очевидно, что они чувствовали то же самое еще до разрыва. На тех снимках, они оба выглядят какими — то отчужденными, пустыми. Синяки под папиными глазами похожи на темную фазу Луны. Мама итак худая, но в «Мрачный Год» она походила на скелет.

Он признается мне сейчас, что не мог спать. Практически год он спал всего пару часов за ночь. Не такая уже редкость встретить студента — медика, который всю ночь напролет учился, но папа — организованный, преданный человек и у него не возникало проблем оставаться на вершине своей работы. Он не мог спать, потому что был влюблен в нее. В тот год, создавалось ощущение, что он — вдовец.

Он пришел в ее старую квартиру и умолял вернуться к нему обратно.

Я не знал этого. Я всегда слышал, что так просто случилось, что они однажды столкнулись в кампусе, и папа понял, что больше не может быть без нее.

— Почему вы рассказывали нам, что ты столкнулся с мамой в кампусе?

— Потому что именно это я сказал Бабб, — говорит он тихо. — Она долгое время обижалась, что я женился на Дженне. Но знать, что я искал ее и умолял вернуться ко мне — это стало бы самым настоящим предательством.

Мое сердце ноет, когда я слышу это. Каждый раз, как я уйду к Себастиану, кажется настоящим предательством перед мамой. Я просто никогда не давал этому название, до сих пор.

— Дженна усадила меня, — говорит папа, — и кричала целый час. Она сказала мне, насколько больно было находиться в ее положении, когда у нее нет никакой власти. Она сказала, что всегда будет любить меня, но не доверяла мне, — он смеется. — Она отправила меня домой и сказала, чтобы я доказал ей обратное.

— Что ты сделал?

— Я позвонил Бабб и рассказал, что влюблен в женщину по имени Дженна Петерсон. Я купил кольцо, вернулся в квартиру твоей матери и сделал ей предложение.

Видимо мама спросила: «Когда?», и папа ответил: «Когда ты захочешь». Поэтому он пожениться в здании суда на следующее же утро, еще одна деталь, которой я никогда не слышал. Я видел бесчисленное количество снимков с их официальной свадьбы: подписание Кетубы¹⁵, мама, скрытая от глаз под вуалью, дожидается прохода к алтарю, папа, разбивающий стакан под Хупой¹⁶, ряд фотографий почетных друзей и родственников семьи, дающих *Шева Брахот* — семь благословлений, мои родители, поднятые на деревянных стульях, пока их друзья танцуют вокруг. Их свадебные снимки развешены в коридоре наверху.

Я понятия не имел, что они законно пожениться практически за год до этого.

— Бабб знает, что вы уже были женаты?

— Нет.

— Ты испытывал чувство вины?

Папа улыбается мне.

— Ни секунды. Твоя мама — мое солнце. Мой мир согревается только, когда она в нем.

— Не могу представить, какого это было для тебя, — я опускаю взгляд на свои руки. — Я не знаю, как держаться на расстоянии от Себастиана, и вообще, смогу ли я, — мне нужно спросить, так же сильно, как и страшусь ответа. — Ты рассказал ей, что застукал нас с Себастианом?

— Рассказал.

— Она разозлилась?

— Она не была удивлена, но согласилась с тем, что я тебе сказал, — он склоняется ближе, целуя меня в лоб. — Что Дженна уяснила вместе со мной, что у нее всегда есть права, даже когда ей кажется, что я ее не понимаю. Ты не беспомощный. Но тебе нужно четко понимать то, кто ты есть и что терпеть не готов, — он протягивает палец под мой подбородок, поднимая мое лицо к нему. — Ты хочешь быть тайной? Возможно, ты уже тайна. Но это твоя жизнь, она раскинулась перед тобой, и ты единственный человек, кто может сделать ее такой, какой захочет.

Глава 13.

Себастиан пишет мне перед сном каждую ночь и в первую очередь по утрам. Иногда это простое «привет».

Иногда сообщения длиннее, но редко. Например, в среду, после ужина у него дома он отправляет мне простое: «Я рад, что мы прояснили ситуацию».

Я воспринимаю это, как «мы определенно вместе».

Я так же воспринимаю это, как «мы определенно секрет».

Следовательно...мы слегка бездомные. Мой дом теперь вне обсуждения. Его дом — *определенно* вне обсуждения. Мы можем тусоваться в моей машине, но это будет не только подозрительно, но и опасно, как будто мы внутри аквариума с ощущением приватной обстановки, но без настоящих стен.

Поэтому — начиная с выходных после того, как отец ворвался в мою комнату — не меньше двух раз в неделю мы ходим в пешие походы. И не только потому, что так мы можем сбежать от посторонних глаз в то время года, когда никто не ходит в горы, но — по крайней мере, для меня — это помогает сжечь лишнюю энергию, которая, кажется, кружит вокруг. Иногда чертовски холодно, но оно того стоит.

То, что мы сделали за две недели, после того как он прошептал «мой парень»:

— Отметим наши недельную и двухнедельную годовщины самым слащавым из возможных способов — капкейками и самодельными открытками.

— Обменивались понимающими взглядами каждый совместный Семинар.

— Передавали записки так неприметно, как могли — чаще всего под видом передачи ему «моей книги» для чтения и возвращения ее обратно. (Примечание: книга просто вылетает из меня, но все равно не та, которую я должен сдать. И мысли об этом скручивают меня в панике. Но, двигаемся дальше)

— Перечитывали записки, пока они практически не разваливались на части.

— Творчески подходили к использованию смайликов в сообщениях.

То, чего мы *не* делали, с тех пор как он прошептал «мой парень» в поцелуй:

— Не целовались.

Я понимаю, что сложно для нас обоих иметь возможность находиться рядом без *ощущения близости*, но все остальное прекрасно, и я не позволю отсутствию возможности потискаться стянуть меня с небес на землю.

Отэм берет листы из стопки раздаточного материала, которая ходит по кругу класса, и бросает кучу на мой стол. Себастиан стоит в начале класса, склонившись над блокнотом с Клайвом и Буррито— Дейвом. И не имеет значения, что Клайв встречается с Камиллой Харт а Буррито— Дейв встречается с половиной одиннадцатого класса. Ревность остро колет между моих ребер.

И как будто он чувствует мой прожигающий взгляд, Себастиан поднимает взгляд и быстро отводит его, краснея.

— Как считаешь...? — начинает Отэм, а затем качает головой. — Забей.

— Считаю что?

Она наклоняется вперед и шепчет:

— Как считаешь, ты ему *нравишься*? Себастиану?

Мое сердце пропускает удар на ее вопрос, и я заставляю себя вернуть внимание на ноутбук перед собой, печатая снова и снова одно и то же слово:

Четверг.

Четверг.

Четверг.

Четверг.

До четверга три дня, столько же до нашего пешего похода.

— Откуда мне знать? — спрашиваю я. Небрежно. Равнодушно.

Может, мне *стоит* пригласить на выпускной Сашу?

Фуджита ходит кругами, проверяя наш прогресс в количестве слов, художественные образы, развитие сюжета, продвижение работы. Сегодня 10 марта, и у нас уже должно быть написано двадцать тысяч слов, как выбрали наши приятели— критики. У меня больше сорока тысяч слов, но они все об одном — и я не могу сдать *это*.

Отэм не захотела со мной работать — для всех это удивительно, кроме меня — поэтому мне не хватило партнера, и я собираюсь оставаться в таком положении как можно дольше. Хотя мне следует быть осторожнее. Не смотря на посылы хиппового, неряшливого— писателя, Фуджита превосходен в деталях.

— Таннер, — обращается он, подходя ко мне из— за спины так незаметно, что я подпрыгиваю, захлопывая свой ноутбук. Рассмеявшись, он склоняется ближе и театрально шепчет. — В каком жанре ты пишешь свой роман, дружок?

Была б моя воля, то он из подросткового превратился бы в порнографический, но я точно уверен, что этого не будет. См. также: тайные, бездомные отношения.

См. также: стоит начать новую книгу как можно скорее.

— Современном, — отвечаю я, прибавляя на случай, если он заметил мои строчки с «*Четвергом*». — Я просто немного застрял сегодня.

— У всех нас бывают дни, когда слова льются, и когда — нет, — говорит он достаточно громко на пользу всему классу, а затем наклоняется снова. — Иными словами, ты на верном пути?

— На удивление, — отвечаю я. — Да.

В зависимости от того, как на это посмотреть.

— Хорошо, — присев на корточки, Фуджита опускается на один уровень глаз со мной. — Так, похоже, у всех есть пара для критики. Поскольку ты на верном пути, но застрял сегодня, я собираюсь попросить Себастиана оставить по тебе отзыв, — мой пульс сбивается. — Я знаю, что он разговаривал немного с тобой о твоей задумке, но все равно на занятии нечетное количество учеников, значит это самый простой способ, — он хлопает меня по колену. — Подходит тебе?

Я ухмыляюсь.

— Подходит.

— Что?

Мы с Фуджитой поднимаем глаза, когда Себастиан материализуется рядом с нами.

— Я просто сообщил Таннеру, что ты его напарник— критик на сегодня.

Себастиан улыбается своей легкой, уверенной улыбкой. Но его глаза мечутся по мне.

— Круто, — пара идеальных, темных бровей приподнимается. — Что означает, что ты должен показать мне, что у тебя на сегодня есть.

Я поднимаю бровь в ответ.

— Это довольно откровенно.

— Ничего, — легкомысленно произносит он. — Я помогу тебе придать этому форму.

Отэм прочищает горло.

Фуджита хлопает нас обоих по спине.

— Замечательно! Вперед!

Себастиан опускает папку на мой стол.

— Вот, несколько заметок с нашей последней встречи.

Мое сердцебиение срывается со стартовых ворот, а голос дрожит, когда я пытаюсь легкомысленно ответить:

— Потрясно, спасибо.

Я чувствую внимание Отэм сбоку от себя в ту же секунду, как он отходит.

Она наклоняется ко мне и шепчет:

— Весь ваш разговор с Себастианом имел сексуальный подтекст.

— Разве?

Она замолкает, но ее намеренная пауза живет, дышит между нами.

Наконец, я встречаюсь с ней взглядом, и перед тем как отвожу его, мне становится интересно, как она все это видит. Я понимаю, что это написано на моем лице, так же ясно, как и знамя, развивающееся в небе:

СЕБАСТИАН + ТАННЕР = ВСТРЕЧАЮТСЯ.

— Таннер, — снова повторяет она, медленно, как будто в финале романа Агаты Кристи.

Я разворачиваюсь на месте лицом к ней. Кожа горит под рубашкой, грудь обжигает и покалывает.

— Думаю, пригласить Сашу на выпускной.

«Т.

Как твои выходные? Твоя семья поехала в итоге в Солт—Лейк—Сити?

Эти выходные в доме Бразеров были чистейшим безумием. Такое ощущение, что наш дверной звонок не затыкался. У нас было несколько мероприятий по выбору в церкви в воскресенье. Мы с Лиззи помогали управлять этим и пытаться выстроить двадцатишестилетних людей в одну шеренгу, как пытаться справиться с дикими кошками. К тому же, мне кажется, что Сестра Купер раздавала им конфеты, когда заканчивала работать с ними до нас, и поэтому они сходили с ума.

Я поздно пришел домой в воскресенье и, поднявшись в свою комнату, думал о тебе два часа, пока не отключился. Ну, я думал о тебе, потом молился, и потом еще больше думал о тебе. Оба занятия вызывали во мне удивительные чувства — чем больше я молился, тем больше становилась моя уверенность, что то, чем мы занимаемся вместе — правильно. Но я все равно остаюсь в одиночестве. Мне бы хотелось, чтобы у нас была возможность быть вместе в конце таких дней, обсуждать то же самое в одной комнате, а не посредством переписки. Но у нас, по крайней мере, есть хотя бы это.

И у нас есть четверг. Это безумие, что я так взволнован? Ты должен контролировать меня. Все, чего я хочу, — целовать, целовать и целовать тебя.

Когда ты собираешься дать мне прочесть твою новую книгу? Ты хорош в этом, Таннер. Я умираю от любопытства, о чем ты там пишешь.

Я собираюсь в кампус и буду на Семинаре, чтобы передать тебе эту записку сегодня. И когда ты закончишь читать ее, просто знай, что я думал о поцелуях с тобой, пока писал это предложение (и все предыдущие, видимо)

Твой, С.»

Я перечитываю это в семнадцатый раз, перед тем как закинуть в самый дальний карман моего рюкзака, где записка будет храниться, пока я не доберусь до дома, чтобы спрятать ее в обувную коробку на самой верхней полке своего шкафа. (Сейчас, когда я думаю об этом, если я сегодня умру, то мои родители, наверняка, полезут в первую очередь за подсказками того, что со мной случилось туда, и мне стоит перепрятать ее в лучшее место).

Позволяю этим бессмысленным мыслям отвлекать меня от беспокойства, которое я испытываю по поводу любопытства Себастиана моей книгой.

Не поймите меня неправильно: мне, на самом деле, нравится то, насколько далеко я продвинулся. Но я должен столкнуться с реальностью лицом: на данный момент, у меня нет книги, которую я могу сдать. Но сейчас, эта истина обладает таким отталкивающим магнетизмом, и мои мысли с легкостью привязывает к другому. Я продолжаю твердить себе снова и снова, что могу показать, что я написал, отдать Фуджите несколько страниц до появления Себастиана в сюжете — под предлогом конфиденциальности — и попросить его оценить меня по тому, что он увидит. Фуджита довольно спокойный парень, и я думаю, что он может сделать это для меня. Или, я могу признаться Себастиану, что эта книга все еще о нас и заставить его поставить оценку нескольким работам, включая мою, под предлогом снять лишнюю нагрузку с плеч Фуджиты.

Но что если Фуджита не пойдет на это? Что если он не поставит мне проходной балл, основываясь на первых двадцати страницах? Я писал, как в лихорадке. После моей провальной попытки редактирования первых четырех глав для Себастиана, я не поменял ни одной детали, даже наши имена. В текущей версии, все совершенно непримиримо для взгляда общественности, и я не *хочу* этого менять. Семинары. Епископ Бразер. Наши походы на гору. Мои родители, моя сестра, наши друзья. Я знаю, что Себастиану нужно от меня, но я не хочу прятаться.

***

Он ждет меня вначале тропинки в три часа, в четверг. У нас всего несколько часов до заката, но я надеюсь, что сегодня мы сможем остаться подольше, растянуть время до темноты. Я знаю, что у него нет никаких занятий до завтрашнего обеда, и буду счастлив немного использовать это время перед сном.

— Привет, — он встряхивает головой, смахивая волосы со своих глаз. Моя кожа гудит. Я

хочу вжать его в дерево и почувствовать, как его волосы скользят по моим пальцам.

— Привет.

Господи, мы как два идиота, ухмыляемся, как будто завоевали золотую медаль размером с Айдахо. У него озорной взгляд, и я обожаю эту его сторону. Интересно, кто еще ее видит. Мне хочется думать, что я вижу прямо сейчас в его глазах — его единственная правда без примесей.

— Ты принес воду? — спрашивает он.

Я поворачиваюсь к нему наполовину, чтобы показать свою походную бутылку.

— Большую бутылку.

— Хорошо. Мы будем сегодня подниматься. Ты готов?

— Я пойду за тобой куда угодно.

С широченной улыбкой он разворачивается, взбираясь по тропинке вверх в густые, влажные после дождя кусты. Я иду за ним по пятам. Ветер набирает силу, когда мы поднимаемся, и мы даже не против болтовни о пустяках. Это напоминает мне о том, как мы ходили к «шведскому столу» с морепродуктами с папой, когда он брал меня на конференцию в Новый Орлеан. У отца было такое напряженно— сосредоточенное выражение на лице. *Не ешь начинку*, говорил он, имея ввиду хлебные палочки, крошечные бутерброды и даже красивые, крошечные— но — совершенное— безвкусные тортики. Папа направился напрямиком к крабовым ногам, ракам и жареному тунцу.

Болтовня со сбивающимся дыханием сейчас могла бы быть хлебными палочками. Я хочу почувствовать тело Себастиана прямо сейчас напротив своего, когда он еще раз скажет что —нибудь.

Многие люди поднимаются на гору, чтобы остановиться на огромной, нарисованной букве «У», но когда мы добираемся до туда спустя полчаса нашего похода, мы продолжаем идти, оставляя город раскидываться внизу под нами. Мы идем туда, где тропа сужается и продолжается южнее, затем сворачиваем на восток к Слайд— Каньону. Здесь все более неровно, и мы смотрим под свои ноги намного осторожнее, чтобы избежать жалящей крапивы и колючих кустов. И наконец, мы достигаем места на горе, которое скрыто соснами. Нам нужно это меньше всего для тени — становится прохладнее, наверху — 7 градусов сейчас, но мы упаковались в куртки — а в большей степени для уединения.

Себастиан замедляется и садится под свод деревьев с видом на гору Каскад и вершину Шингл Мил. Я падаю рядом с ним; мы поднимались больше часа. Все вопросы о том, останемся ли мы здесь до вечера, отложены на потом. Мы поднялись намного выше, чем обычно в выходные, не говоря уже о будних днях, и у нас займет, по меньшей мере, еще час, чтобы добраться до дома. Солнце висит низко над горизонтом, придавая небу насыщенный, чарующий синий цвет.

Его ладонь проскальзывает под мою, и он откидывается назад, прижимая наши соединенные руки к своей груди. Даже под его дутой курткой я ощущаю жар его тела.

— Черт... вот это подъемчик.

Я продолжаю сидеть, откинувшись на вторую руку, чтобы удержать себя, и вглядываюсь в горизонт. У гор резкий зеленый цвет с участками белого снега. Их острые вершины и гладкие, скалистые грани усыпаны деревьями. Здесь все так не похоже на долину внизу, где все кажется усыпано «TGIFridays» и продовольственными магазинчиками.

— Тан?

Я оборачиваюсь, чтобы посмотреть на него. Соблазну заползти на него и целовать

часами практически невозможно сопротивляться, но есть что— то удивительное в возможности просто так сидеть и держаться за руки

со
своим
парнем.
— А?

Он подносит мою руку к своим губам, целуя мои костяшки.

— Могу я прочитать ее?

До меня очень быстро доходит. Я ожидал этого, но все же.

— Со временем. Я просто... Она не *готова*.

Он отталкивается, чтобы сесть прямо.

— Я понимаю. Но ты же начал ее, да?

Ложь омрачает меня изнутри.

— Вообще— то, — начинаю я. — У меня возникли проблемы с началом. Я хочу написать что— то новое. И напишу. Но каждый раз, когда я сажусь за ноутбук, то пишу о...нас.

— И это я тоже понимаю, — он замолкает на несколько вдохов. — Я имел в виду то, что говорил. То, что я прочитал, — замечательно.

— Спасибо.

— Поэтому, если захочешь, я мог бы поработать редактором? Сделать ее менее узнаваемой?

Уверен, что он проделал бы отличную работу, но он уже достаточно занят, помимо этого.

— Я не хочу, чтобы ты переживал за это.

Он колеблется, но потом сжимает мою руку.

— Очень трудно этого не делать. Ты не можешь сдать такую книгу Фуджите. Но если ты ничего не сдашь, это будет провалом.

— Знаю, — чувство вины холодом вспыхивает на моей коже. Не совсем уверен, что может быть хуже: просить его помощи или попробовать начать сначала.

— Мне тоже нравится думать о нас, — сообщает он. — Думаю, мне бы *понравилось* редактировать книгу.

— В смысле, я мог бы отправить тебе те части, с которыми нужно поработать, но не хочу отправлять их на твою университетскую почту.

Думаю, мысль о личном электронном адресе не приходила в его голову.

— Ох, точно.

— Ты можешь создать новый аккаунт, и я смогу отправить туда.

Он уже кивает, и кивки усиливаются, чем больше до него доходит смысл сказанного. Я знаю точно, о чем он думает: мы сможем переписываться по электронке *постоянно*.

Он такой очаровательный, и мне не хочется лопать его пузырь.

— Только будь осторожен в том, что делаешь дома, — предупреждаю я. — Моя мама создала отслеживающее приложение для родителей. Я лучше всех знаю, как легко они могут отследить каждое твое движение.

— Не думаю, что мои родители настолько технически подкованы, — отвечает он, смеясь при этом. — Но намек понят.

— Ты удивишься, узнав, как это легко, — говорю я, наполовину гордась и наполовину

извиняясь перед всеми в моем поколении, кого подставило первое изобретение моей матери. — Именно так мои родители узнали обо мне...и о моем интересе парнями. Они установили приложение в наше облако и видели все, что я искал, даже если я подчищал историю.

Его лицо сереет.

— Они пришли ко мне, чтобы поговорить об этом, и именно тогда я признался, что целовался с мальчиком прошлым летом.

Мы упоминали об этом, но никогда свободно не обсуждали.

Себастиан ерзает, поворачиваясь лицом ко мне.

— Что они сказали?

— Мама не была удивлена, — я поднимаю камушек и сбрасываю его с края утеса. — Для папы было сложнее, но он хотел, чтобы стало проще. Он разобрался в своих чувствах со временем, я думаю. В первый наш разговор, он спросил меня — было ли это определенным этапом, и я ответил, что возможно, — пожимаю плечами. — То есть, я откровенно не знал. Не сказать, что я проходил через подобное прежде. Я просто знал, что испытывал то же самое, когда смотрел на снимки обнаженных парней, как и на снимки обнаженных девушек.

Себастиан вспыхивает ярко— красным. Кажется, я ни разу не видел его лицо таким пылающим. А он разглядывал хоть когда—нибудь обнаженные снимки? Я смутил его? Потрясно.

Его слова выходят немного искаженными:

— Ты занимался сексом?

— С несколькими девчонками, — признался я. — С парнями только целовался.

Он кивает, как будто это как—то важно.

— Когда ты понял? — спрашиваю я.

Он хмурит брови.

— Понял что? Что ты — би?

— Нет, — смеюсь я, подавляю смех, потому что не хочу, чтобы это показалось издевательством. — Я имел ввиду, что ты — гей?

Растерянность на его лице становится сильнее.

— Нет.

— Нет что?

— Не...*такой*.

Похоже, что—то попадает под вращающееся колесо моего сердцебиения и застревает там. На один вдох в моей груди становится больно.

— Ты не гей?

— То есть, — начинает он, суетится и пробует снова. — Меня привлекали парни, и сейчас я встречаюсь с тобой, но я не гей. Это иной выбор, а я не выбираю такой путь.

Даже не знаю, что сказать. Внутри меня состояние, будто я тону.

Я отпускаю его руку.

— Как ты — не гей, не натурал, ты просто ...*ты*, — говорит он, наклоняясь вперед, чтобы перехватить мой взгляд. — Я не гей, не натурал, я просто — я.

Я так сильно хочу его, что от этого практически больно. Поэтому, когда он целует меня, я пытаюсь ощущением того, как он втягивает мою нижнюю губу, заблокировать все остальное. Я хочу, чтобы его поцелуи приносили ясность, уверенность, что ярлык не важен — *это* важно.

Но это не так. Все время, что мы целуемся, и позже — когда мы встаем и спускаемся обратно — у меня все еще то же ощущение, что я тону. Он хочет прочесть мою книгу, книгу о влюбленности к нему. Но как я могу вручить ему свое сердце, когда он только что сказал, недвусмысленными словами, что не разговаривает на этом языке?

Глава 14.

После обеда в субботу Отэм бежит за мной до конца подъездной дорожки. Когда мы, наконец, оказываемся вне пределов моего дома, ее плотину вопросов прорывает.

— Ты разговаривал с ним, когда я пришла?

— Да.

— Ты говорил мне, что ты ему не нравишься? Таннер, я *видела*, как он смотрит на тебя.

Я открываю машину, затем водительскую дверь. Я на сто процентов не в настроении для подобного. Даже после утреннего разговора с ним, слова Себастиана, произнесенные в четверг, все еще рикошетят в моей голове.

Не...такой.

Я — не гей.

— Разве ты не замечаешь, как он смотрит на тебя?

— Отти, — это не отрицание, и не подтверждение. Сейчас это должно сработать.

Она забирается вслед за мной, защелкивает свой ремень, а затем поворачивается лицом ко мне.

— Кто твой *лучший* друг?

Я знаю единственный верный ответ на это:

— Ты. Отэм Саммер Грин, — включаю зажигание и смеюсь, несмотря на свое мрачное настроение. — По— прежнему самое лучшее из худших имен на планете.

Отти игнорирует это.

— А кому ты больше всех доверяешь на планете?

— Отцу.

— После него, — она поднимает свою руку. — И после мамы, бабушки, семьи и бла, бла, бла.

— Хейли я абсолютно не доверяю, — я оборачиваюсь, глядя через плечо назад, чтобы съехать с подъездной дорожки. Папа не позволяет мне полагаться только на камеру заднего вида чувствительной «Камри», которой я управляю.

Отэм хлопает по приборной панели.

— Чего ты цепляешься! Хватит противоречить мне.

— *Ты* — моя лучшая подруга, — выворачиваю руль и выезжаю из нашего района. — Я доверяю тебе больше всех.

— Тогда почему у меня такое ощущение, что ты мне недоговариваешь что— то важное?

Собака с костью, помните. Мое сердце снова колотится, *тук— тук— тук* по моей грудной клетке.

Я *разговаривал* по телефону с Себастианом, когда Отти пришла ко мне домой. Мы обсуждали его дневной поход на молодежную, церковную работу.

Мы не обсуждали насколько он не— гей.

Мы так же не обсуждали мою книгу.

— Ты *постоянно* с ним, — язвит она.

— Ладно, во— первых, мы, честно говоря, работаем над моей книгой, — отвечаю я, и образное лезвие порицательно вонзается в мою совесть. — Ты сама выбрала работать с Клайвом — что замечательно — но сейчас я в паре с Себастианом. Мы зависаем вместе. Вс — вторых, я не знаю, гей он или как, — и это определено даже не ложь. — И в третьих, его ориентация — не наше дело.

Единственная причина, что это мое дело, потому...

Только сейчас приходит осознание, что подавать этим отношениям воздуха за пределами пузыря «Таннер— Себастиан» было бы удивительно. Даже только сама идея поговорить с кем— то, помимо мамы и папы, об этом, вызывает во мне ощущение, что я могу вдохнуть полной грудью впервые за несколько недель. Я больше всего хочу поговорить с кем— то — особенно, с Отти — о том, что произошло в четверг.

— Если он и *гей*, — произносит она, жуя ноготь. — Я надеюсь, что его семья не слишком ужасно относится к этому. От этого мне в каком— то смысле грустно, — она поднимает руку вверх. — Я знаю, что ты не гей, но разве сыну епископа не могут нравиться парни, если он хочет этого?

Этот разговор вызывает во мне легкую тошноту. Почему я до сих пор *не* открылся Отэм? Да, мамина паника перед нашим переездом была слегка травмирующей для меня, но дружба с Отэм мой фундамент. Думаю, я не хотел рисковать ею. Но все же. Отэм Саммер Грин — последний закоснелый человек, которого я знаю, так ведь?

— Кому— то нужно откровение, — произношу я, бросая на нее взгляд. — Призвать проповедника; дать ему понять, что пришло время принять гей— культуру в его сердце.

— Это случится, — отвечает она. — Кому— то стоит пооткровеничить. И побыстрее.

Откровения — большая часть веры мормонов. Это довольно прогрессивная мысль: мир меняется, и церкви нужен Господь, помогающий с направлением в такие времена. В конце концов, они — *Святые Последних дней*. Они верят, что у любого есть право на откровение — это как, общение с Богом напрямую — так долго, пока они ищут его с намерениями сделать что— то хорошее. Но только у текущего проповедника — президента церкви — есть право на откровение, которое сможет проложить свой путь в доктрине церкви. Он (всегда он) работает с двумя советниками и Кворумом Двенадцати Апостолов (тоже мужчины) «под озарением Божьим» — над определением позиции церкви в любом вопросе и изменением правил.

Например, болезненная тема: полигамия была нормальной в прошлые времена. Мама Отэм объяснила мне это так, во времена ранних поселений мормонов было много женщин и несколько мужчин для их защиты. Взяв за себя много жен, мужчины могли лучше обеспечивать женщин в общине. Но по собственным раскопкам, я прочитал, что правительство США не одобряло этот аспект церкви и не хотело давать Юте права штатов. В 1890 президент церкви Уилфорд Вудраф объявил, что многоженство больше не приемлемо Богом — видимо, ему пришло откровение.

Удобно: то, что нужно было услышать правительству США, и Юта стала штатом.

Идея откровения о полном приятии членов ЛГБТ— сообщества церковью в значительной степени единственная золотая нить, на которую я возлагаю надежды, всегда, когда думаю о завтрашнем дне с Себастианом. Бригам Янг самолично сказал: он надеется, что люди не будут воспринимать все, что говорит глава, как истину Божью, он хочет, чтобы они молились и находили эту истину и в себе тоже.

Несомненно, Папочка Янг не говорил о гомосексуальности, но есть те из нас, кто живут

в современном мире, кто не являлись мормонами, и кто искренне надеялся, что откровение, что гомосексуализм больше *не* грех — вопрос времени.

И даже после легализации однополых браков, этого все еще не произошло. Отэм стучит пальцами по своему бедру одновременно с музыкой. Я не вслушивался в то, что играло, но сейчас понял, что это песня, которую я люблю. У нее медленный, нарастающий темп, а голос исполнителя гортанный и хрипловатый. Текст поначалу кажется невинным, но становится очевидным, что он о сексе, как чуть ли не каждая песня на радио.

Все это вызывает во мне мысли о сексе, и каким бы он был с Себастианом. Как бы все происходило. Как бы мы...были. Это громадная неизвестность, одновременно волнующая и пугающая.

— Ты разговаривал с Сашей? — совершенно неожиданно спрашивает Отэм.

— О чем?

Она впивается в меня взглядом.

— О *выпускном*.

— Серьезно, Отти. Почему ты так заиклилась на этом?

— Потому что ты сам сказал, что пригласишь ее.

— Но почему это *волнует* тебя?

— Я хочу, чтобы ты пошел на выпускной бал, — она обворожительно улыбается мне. —

И мне не хочется идти одной с Эриком.

Это запускает предупреждающий звон в моей голове.

— Погоди, почему?

— Я всего лишь не хочу торопиться с ним. Он мне нравится, но... — она смотрит в пассажирское окно, сдуваясь, когда замечает, что мы приехали к озеру.

— Но что? — спрашиваю я, заезжая на парковку.

— Ничего такого. Он хороший. Я просто хочу, чтобы ты пошел туда, — она удерживает мой взгляд одну...две...три секунды. — Ты уверен, что не хочешь пойти со мной?

— А ты *хочешь*, чтобы я пошел с тобой? Послушай, Отти, я пойду с тобой, если тебе это нужно.

Она резко ссутуливается.

— Я не могу отказаться от Эрика теперь.

Облегчение затопляет мою кровь. Себастиан поймет, естественно, но сама мысль о том, чтобы танцевать с Отэм, когда я бы предпочел Себастиана, кажется не очень справедливой по отношению к ним обоим.

Заглушив мотор, я откидываюсь назад, закрывая глаза. Я не хочу находиться здесь с Мэнни или кем— то еще из ребят из школы, возящихся с радиоуправляемыми машинами на парковке. Я хочу уехать домой и написать о той путанице и пламени в моей голове. Я зол на Себастиана, и мне не нравится, что он занят на весь день, когда я чувствую себя таким запутавшимся внутри.

— Сколько девчонок у тебя было?

Я оглядываюсь на нее, удивленный неожиданным вопросом.

— Чего?

Даже за прошлое я чувствую странную боль предательства перед Себастианом за то, что спал с кем— то другим.

Отэм краснеет. Она стесняется.

— Просто любопытно. Иногда мне становится интересно, я осталась единственная

девственницей?

Я качаю головой.

— Клянусь, это не так.

— Точно. В смысле, я уверена, что у тебя целая куча историй, о которых я даже не знаю.

Боже, она не упрощает ситуацию.

— Отти, ты знаешь с кем я был. С тремя. Джессой, Кейли и Трин, — я тянусь за ее рукой. Мне нужно на воздух. — Пойдем.

***

Озеро Юта как всегда великолепно. Оно широкое и броское, и это классное место для всех видов невменяемых и экологически безопасных видов спорта, которые определенно привели в ужас моих родителей, когда мы только переехали сюда. Если спросите моего отца, водные мотоциклы — дело рук дьявола.

Сейчас уровень воды ниже, а слой водорослей настолько густой, что даже если бы погода подходила для купания, мы, наверное, не рискнули бы войти. Вместо этого, мы притаились между парковкой и берегом, поедая пиццу, которую принес Мэнни, и бросая камни так далеко к горизонту, насколько можем.

Я мечтаю о жизни в колледже и большом городе, где смогу проводить время в музеях или в баре за просмотром футбола, или заниматься любым делом, которое не включает в себя посиделки и разговоры все о том же дерьме, о котором мы говорим каждый день в школе. Я мечтаю о том, как уговариваю Себастиана переехать со мной и доказываю ему, что быть геем не так уж и плохо.

Коул привел парочку своих друзей из колледжа, с которыми я не знаком, и они запускали вертолет на радиоуправлении рядом с парковкой. Они — здоровые футболисты и в некотором роде шумные, нередко матерящиеся парни, от которых мне всегда немного некомфортно. Я не Мэнни, но и не маленький во всех отношениях, и я знаю, что определенное спокойствие для меня может интерпретироваться каким-то образом угрожающим. Один из них, Илай, смеряет меня хмурым взглядом, прежде чем перевести взгляд на Отэм, как будто хочет скрутить ее в кусок пиццы и съесть. Он мускулистый сомнительного характера с толстой шеей и усыпанным пятнами прыщей лицом.

Она прижимается ко мне, разыгрывая роль девушки. Поэтому я сразу же принимаю роль парня, обнимая ее рукой и встречаясь с ним взглядом. Илай отводит взгляд.

— Ты же не хочешь поэкспериментировать? — шучу я.

Отти крикает в ответ:

— *Нет.*

После того как наш разговор сегодня был прерван приездом Отэм, Себастиан уехал на какую-то работу в парк в Саус-Джордан. Я знаю, что он не приедет домой до шести, но это не останавливает меня от навязчивой проверки моего текстового окна на предмет любых загадочных, наводящих смайликов.

Нет.

Мне не нравится то, на чем мы остановились — с обычным «поговорим позже» — и особенно мне не нравится, что он похоже совсем не осознает, как его слова в четверг повлияли на меня. Нечто похожее я читал в буклетах, которые оставляла мама — как подростки — геи иногда ощущают нависающее над ними чувство сомнения, понимание, что

кто — то может отвергнуть их не только из — за того, кто они конкретно, но и из — за того *кто они* в более глубоком смысле — но я сам никогда не испытывал подобного прежде. Если Себастиан не считает себя геем, тогда какого черта он делает со мной?

Я притягиваю Отэм ближе, успокаиваясь под ее надежным весом напротив меня.

Мэнни набирает нескольких парней для помощи в построении огромного радиоуправляемого Хамви¹⁷, и когда они заканчивают, то по очереди забрасывают его на неровную землю, дорожку к озеру, небольшим валунам, окаймляющим парковку.

Наше внимание отвлекает потасовка в стороне рядом с моей машиной. Друзья Коула борются, смеются, и мы все следим, как большой парень, думаю его зовут Майки, заваливает Илая. Илай под ним взбрыкивает и толкается, но не может встать. Не знаю, что он сделал, раз его завалили на землю, даже если очевидно, что это добродушно, но ничего не могу поделаться с наслаждением от его поверженного вида. Мы не обменялись ни словом, вокруг него просто аура козла.

— Слезь с меня, *педик!* — орет он, замечая, как много внимания они уже привлекли.

Абсолютный ноль: все внутри меня останавливает свое движение. Каждая частица энергии сосредотачивается на удерживании выражения своего лица.

Отти рядом со мной тоже застывает. Слово «педик», кажется, раздаётся эхом над поверхностью озера, единственные люди, кого это видимо болезненно задело — это мы двое.

Майки встает, смеясь еще сильнее, и помогает Илаю встать на ноги.

— Не сомневайся, что ты только что совершил свою самую большую ошибку, долбаный педик, — Илай отряхивает свои джинсы. Его лицо еще краснее, чем было раньше.

Я отворачиваюсь, притворяясь, что искоса слежу за горизонтом и красивыми горами вдалеке, но когда я мельком сморю на Отти, она выглядит так, будто хочет оторвать яйца Илая голыми руками. Я, на самом деле, не могу ее винить — я в ужасе от того, что люди все еще так разговаривают... *везде*.

Возвращаясь назад, Майки кажется невозмутимым. Остальная часть группы возвращается туда, где Майки поднимает свой уроненный пуль управления, и момент проходит, похоже, так же легко, как волна разбивается о скалистый берег.

— Ужас, — шепчет Отти. Она поднимает на меня взгляд, и я пытаюсь улыбнуться сквозь сдерживаемую ярость. Я пытаюсь переключиться на Себастиана, и впервые в жизни понимаю его удивительную, фальшивую улыбку. У него было так много практики.

Она встает, смахивая сухую траву со своих джинсов.

— Думаю, нам стоит возвращаться.

Я следую за ней.

— Ты в порядке?

— Да, — отвечает она. — Просто это не моя компания. Почему Коул общается с этими придурками?

И не моя компания тоже. Мне становится легче.

— Понятия не имею.

Мэнни следует за нами, протестуя.

— Ребята, вы же только пришли. Разве вы не хотите погонять этими машинками?

— Я ее водитель, — отвечаю я, пожимая плечами, как будто она притащила меня сюда против воли. Но машинки на радиоуправлении и гомофобия — явно не мое, полагаю.

Он провожает нас до машины, останавливая меня у водительской стороны.

— Таннер, то, что сказал Илай там...

Жар покалывает заднюю часть моей шеи.

— А что он сказал?

— Ой, старик, да ладно, — Мэнни смеется, бросая взгляд в сторону жестом *невынуждай—меня—говорить—это*. — Не важно, Илай — идиот.

Я собираюсь забраться в машину.

Это все очень странно.

Это все *очень* плохо.

Как будто он знает обо мне. *Откуда* он знает?

Не отвлекаясь, Мэнни поднимает свои очки на голову, растерянно щурясь на меня.

— Тан, подожди. Просто чтобы *ты* знал, все круто. Да? Я никогда не позволю никому сказать подобного дерьма о тебе.

Я не возражаю, когда он притягивает меня в объятия, и ощущаю себя мелким рядом с ним. Кадры за кадрами воспоминаний пролетают мимо. Где— то в моей голове бедный, низкооплачиваемый ботаник пытается отыскать пленку, где Мэнни понимает, что я по парням. Я не могу найти воспоминание, никакой возможности.

— Мэнни, старик. Все круто. Я даже не понимаю к чему все это.

Он отстраняется, а затем смотрит на Отэм, которая стоит очень, очень молчаливая. Мэнни снова переводит взгляд на меня.

— Эй, нет, боже. Прости. Я не знал.

Он пятится назад и разворачивается, оставляя меня и Отти в облаке тишины и ветра.

— Это что *такое*? — спрашивает Отти, наблюдая за тем, как он уходит.

— Откуда мне знать? — я смотрю на нее, подготавливая какое—нибудь простое объяснение в своей голове. В смысле, этим я и занимаюсь. Я быстро ориентируюсь. Я обычно *очень* быстро ориентируюсь. Но сегодня, не знаю, может, я просто устал. Может, меня уже тошнит от необходимости защищать себя. Может, я поднялся до уровня отрицания Себастиана. Может ураган моих чувств, лжи и полуправды просто сорвал ставни с моих окон, и Отти видит меня насквозь.

— Таннер, что происходит?

Таким же голосом Себастиан говорил на горе. *Я не понимаю, почему ты расстроен.*

Как и Себастиан, она понимает. Она просто хочет, чтобы это сказал я.

— Я... — смотрю вверх, на небо. Самолет пролетает над нашими головами, и мне становится интересно, куда он направляется. — Кажется, я влюблен в Себастиана.

Глава 15.

Отти улыбается, но странной, яркой механической улыбкой. Я едва ли не смеюсь от этого, потому что первая мысль в моей голове: насколько Себастиан лучше, чем Отэм в фальшивых улыбках, и насколько ужасно будет, если эта мысль соскользнет с моих губ прямо сейчас.

— Поговорим в машине? — предлагаю я.

Она разворачивается и обходит машину к пассажирской стороне также механически. Я в странном шоковом состоянии, где слова и выражение лица Мэнни циркулируют в моей голове, и я понимаю, что разговор с Отэм вот— вот случится, а я ждал этого так давно и

больше всего на свете, что испытываю безумное облегчение.

Она хлопает дверью. Я забираюсь вслед за ней, вставляя ключ в замок зажигания, только чтобы включить обогрев.

— И.

Она поворачивается лицом ко мне, подпихивая под себя ногу.

— Ладненько. Что это только что было?

— Ну, видимо Мэнни решил, что я по парням.

Она моргает. Я знаю, что Отэм за права геев — она обожает Эмили и Шивани, ругает политику мормонов насчет их голубых представителей и помогала раздавать листовки на вечеринку Альянса Геев и Натуралов старшей школы Прово прошлой весной. Но одно дело поддерживать это в теории. И совсем другое — столкнуться с этим сейчас, в ее жизни. С ее лучшим другом.

— Технически, я — би. Я знал об этом, наверное, всегда, но убедился только с тринадцати лет.

Она указывает на собственное лицо.

— Если я не выражаю ничего, кроме нормального отношения к этому, тогда, пожалуйста, пойми, насколько я расстроена, что ты не рассказал мне сразу.

Я пожимаю плечами. Мне нет нужды указывать на то, что сроки, в которые я поделился с ней этой информацией, не зависят от нее.

— Хорошо. Ну, вот.

— Это похоже на важную новость.

На это я смеюсь.

— Это и *есть* важная новость. Я описываю, что испытывает мое сердце.

Она растерянно моргает.

— Но ты целовался с Джен Райли в десятом классе. Я сама *видела* тебя, — произносит она. — И что насчет Джессы, Кейли и Трин? У тебя был *секс*. С девушками.

— Я и с *тобой* целовался, — напоминаю я. Она вспыхивает, а я тыкаю себя пальцем в грудь. — *Би*.

— Было бы странным, если бы в школе была девушка — которую мы обсуждали, и оба считали безумно сексуальной, милой и идеальной — и я была бы влюблена в нее и разбиралась бы с этим самостоятельно, и ничего тебе бы не рассказывала?

Я, на самом деле, не думал об этом в таком плане, и даже гипотетически это вызывает крошечный укол обиды, как будто все это время я был рядом, доступен и предан, а Отти не шла ко мне потому что, не доверяла.

— Да, ладно, я понял. Но в свою защиту могу сказать, это *Прово*. И ты знаешь мою мать. Она, вроде как, воинственно настроена на этот счет. Не может быть ничего, кроме сто процентной уверенности в моей поддержке. Я не хотел рисковать тем, что у тебя мог возникнуть любой конфликт или проблемы со мной.

— Боже мой. Теперь все приобрело так много смысла, — она выдыхает, медленно и протяжно, повернувшись лицом к окну. Появляется облачко конденсата, и Отэм рисует сердечко внутри него, а затем фоткает и выкладывает с огромной красной надписью «ВАУ».

— Так значит, Себастиан, — произносит она.

— Да. И Себастиан знает, — отвечаю я, намеренно недопонимая ее. — Хотя узнал об этом случайно. В аннотации к своей книге...я забыл удалить слово «голубой», и было довольно очевидно, что она автобиографична.

У нее расширяются глаза от того, как легко соскальзывают с моих губ слова, а я забываю, что не все живут в семье, где родители спят в пижаме с надписью «ПРАВИЛА МОЕГО РЕБЕНКА— ГЕЯ».

— Твоя книга о нем?

— Я начал о том, кто я, в этом городе. И затем появился Себастиан и...да. Она про влюбленность в него.

— А он...?

— Он ни разу не говорил мне, что гей, — отвечаю я. Технически, я не вру. Я не имею права выдавать его, не смотря ни на что. — И он все еще собирается на свою миссию, так что, я полагаю...

Она улыбается и берет меня за руку.

— Это не значит, что он не гей, Тан. *Много* мормонов — геи. Много миссионеров, много даже женатых мужчин.

— Наверное. Я просто...расстроен.

Отэм сжимает мои пальцы. Ее щеки вспыхивают прямо перед вопросом:

— Ты уже занимался сексом с парнем?

Я качаю головой.

— Целовался. И несколько месяцев встречался с парнем там, дома.

— Вау, — она прикусывает губу. — Сама мысль о тебе и Себастиане, целующихся...

Смех взрывается в моем горле и становится похож на звук облегчения.

— И вот она. Отэм вернулась.

Она засыпает меня вопросами, и мы решаем поехать в торговый центр.

Как отреагировали мои родители?

Что Хейли думает насчет этого?

Есть ли в школе еще парни, которые мне нравились?

Со сколькими парнями я уже целовался?

Отличается ли это от поцелуев с девочками?

Что я предпочитаю больше?

Я думаю о том, чтобы открыться полностью когда—нибудь?

Я отвечаю на все — почти. Я понятное дело не могу сказать ей, что целоваться с Себастианом — самое лучшее занятие в моей жизни.

И, конечно, я говорю ей, что как только уеду в колледж, то буду вести себя открыто. Я ничего не скрывал в Пало—Альто. Как только мои колеса пересекут границу штата, я опущу стекло и начну размахивать своим флагом.

Не высказанное мнение в разговоре невозможно игнорировать, — острая боль от того, что я не рассказал ей раньше. К счастью, Отэм легко отвлечь обнимашками, шутками и мороженым. Кажется, внутри расцветает весна.

Отэм знает.

Все в порядке.

Проведя остаток дня под теплотой ее аккуратного допроса добавляет своего преимущества, не позволяя мне мучиться о том, что Себастиан уедет, что Себастиан *не* гей, и наверное особенно — о том, что Мэнни сказал там, у озера. Класно, что он поддерживает, я думаю, но это все равно раздражает меня, что я наверняка проведу большую часть жизни, разделяя людей, которых знаю на группы: на тех, кто поддерживают, и на тех, кто должен. Я рад, что Мэнни, в итоге, оказался на правильной стороне, но не могу себе позволить

бросится в омут раздумий *откуда* он узнал. Я скачу между чувствами свободы, что, похоже, это очевидно для кто— то, и по— прежнему считается не таким уж большим делом, и беспокойством, что это очевидно для большинства людей...и станет большим делом. Умоляю, дайте мне просто убраться из Прово, до того как все полетит к чертям.

Мы облизываем наши рожки с мороженым и блуждаем по плотной вечерней, субботней толпе. Все ходят по магазинам по субботам; воскресенья для службы и отдыха. Мормоны не должны ничем заниматься по воскресеньям, что требует участия в работе, поэтому большую часть времени они сидят по домам, после церковной службы. Что означает сегодняшняя толпа плотная и неудержимая.

Легко заметить и другое, что на горизонте маячит выпускной: витрины всех магазинов одежды заявляют, что у них есть платья, смокинги, обувь, украшения и цветы. Распродажи. Распродажи. Выпускной, выпускной, выпускной.

После Эрика, подошедшего и пригласившего Отэм на выпускной, у меня снова появилась Лучшая— Поддерживающая— Подруга, что, явно, означает терпеливое ожидание, пока она меряет платье за платьем в ярко— освещенной примерочной.

Первое — черное, длиной до пола, обтягивающее, с короткими рукавами и подозрительно низким вырезом. У него еще есть заметный разрез, который сбегает по ее бедру.

— Это немного... — я резко морщусь, удерживая взгляд строго на уровне ее лица. — Вообще— то, всего *слишком*.

— *Слишком* в хорошем смысле?

— Разве ты можешь надеть это на школьные танцы в Юте? Это... — я замолкаю, качая головой. — Не знаю... — показываю на нижнюю половину ее тела, и Отэм наклоняется, чтобы посмотреть на что я показываю. — Я практически вижу твою вагину, Отти.

— Таннер, нет. Не говори слово «вагина».

— Ты вообще сесть в этом можешь?

Отэм уходит к пушистому, розовому креслу и скрещивает ноги, в качестве демонстрации.

Я отвожу взгляд.

— Спасибо, что доказала мою правоту.

— Какого цвета мое нижнее белье? — спрашивает она, ухмыляясь, будто считает, что я вру.

— Голубое.

Отэм встает, натягивает платье вниз.

— Проклятье. Но оно нравится мне, — она подходит к зеркалу, и крошечная искра защитной реакции жужжит в моей груди, когда я представляю Эрика, его руки и гормоны восемнадцатилетнего подростка на ней. Она встречается с моим взглядом в отражении. — Значит, тебе не нравится?

Я чувствую себя уродом за то, что вынуждаю ее считать себя несовершенной и не имеющей право надевать то, что она хочет, но это прямой конфликт с братским инстинктом связать руки Эрика за спиной.

— Я хотел сказать, что ты выглядишь сексуально. Просто...*слишком много* кожи.

— Я выгляжу сексуально? — переспрашивает она с надеждой, и я чувствую, как хмурятся мои брови.

— Ты же знаешь это

Она что— то мычит, обдумывая свое отражение.

— Я отложу это к куче «возможно».

Отэм снова исчезает в примерочной, и из— под шторы я вижу, как черная ткань падает лужицей вокруг ее ног, перед тем как ее откидывают в сторону.

— Как дела с книгой, кстати? Теперь, когда я знаю чуточку больше, мне еще больше любопытно.

Я стону, пролистывая свой Instagram.

— Она мне нравится, но я не могу ее сдать.

Она выглядывает из— за шторы.

— Почему нет?

Я не вдаюсь в подробности:

— Потому что она явно о моей влюбленности в Себастиана, и я не думаю, что сын епископа оценит то, что стал главной звездой в однополой истории любви.

Ее голос сразу же становится приглушенным, когда она скрывается за новым платьем.

— Не могу поверить, что она про него. Я могу вычитать ее для тебя?

Это предложение вызывает паническую дрожь в моем теле. Я буду чувствовать себя менее обнаженным, отправив свои голые селфи на сервер школы Прово прямо сейчас, чем отдав свою книгу кому— то. Даже Отэм...

Шторка снова отодвигается, и она выходит в платье, которое в три раза короче, чем предыдущее, и у меня такое ощущение, что я что— то упустил. Отэм переодевалась передо мной раньше, но это было каким— то спешным типа: мой— сиськи— сейчас— будет— видно— и— если— ты— не— хочешь— увидеть— их— то— тебе— лучше— смыть— прямо— сейчас. Но сейчас все кажется иначе. Немного...показушно.

Боже, я ощущаю себя придурком за подобные мысли.

— Похоже на купальник, — сообщаю я.

Ее это не останавливает, она смахивает волосы с плеча и поправляет свою крошечную юбку.

— Так я могу почитать или как?

— Она еще не готова. Скоро, — наблюдаю, как она качает бедрами в этом платье, и не радуюсь ни одному направлению, которое приобретает этот разговор, но понимаю, что платье — безопасный вариант. — Мне нравится. За него тебя накажут до выпускного, но я считаю, что это самая забавная часть.

Она снова сморится в зеркало, оборачивается, чтобы посмотреть со спины.

— Оно, наверное, слишком короткое, — отвечает она, рассматривая себя. Ее задница едва прикрыта тканью. Если она наклонится поправить туфли, платье целиком задерется до ее спины. — Но я ничего не буду покупать сегодня. Просто поищу, чтобы начать составлять журнал с идеями.

— Как для свадебного платья?

Она показывает мне палец прежде, чем вернуться в примерочную.

— Ты уверен, что не пойдешь на выпускной? Там все будет не так без тебя.

Когда она выглядывает из— за шторы, я одариваю ее категоричным, терпеливым выражением лица.

— Да— да. Знаю, — говорит она, снова исчезая из поля зрения. — Я хотела сказать, что ты мог бы позвать его.

Странно, какой становится реальность сейчас: обсуждать мою ориентацию с кем— то

помимо родителей. Обсуждать его.

— Я определенно уверен, что это будет жесткий отказ.

Я слежу за ее ногами, пока она забирается в джинсы.

— Отстойно.

Я волнуюсь, что она начнет предполагать, что между мной и Себастианом что— то происходит, даже несмотря на то, что я никак не выражал этого.

— Давай составим список причин, почему это нереально: я не знаю, гей он или нет. Он — мормон. Он выпустился в прошлом году. Скоро он уезжает в тур по книге, а потом на миссию. Клянусь, последнее, что он захочет сделать, пойти на выпускной со мной.

Где— то посреди моего монолога Отэм выходит из примерочной, но теперь с выпученными глазами смотрит поверх моего плеча. Я оборачиваюсь как раз вовремя, чтобы заметить, как Джули и Маккена покидают магазин, что— то безумно печатая в своих телефонах.

***

Отэм считает, что они ничего не слышали, но откуда, черт возьми, ей знать? Она провела все время в примерочной. Я пытаюсь не сходить с ума, и как бы это ни было мило, что я решил донести до Отэм, насколько сомнительно живетесь здесь голубому, ее милая болтовня на заднем плане не помогала моему перемалывающему мозгу успокоиться.

Не смотря на то, что разрываю его телефон чуть ли не постоянно, я ничего не слышал от Себастиана. И сейчас, впервые в жизни, я испытываю облегчение, что он вне зоны доступа, и я не попытаюсь вывалить события сегодняшнего дня про Мэнни, Отэм, Джули и Маккену. Мне нужно как— то минимизировать ущерб или он *Сойдет. С. Ума*.

— Как ты думаешь, я должен написать Мэнни и узнать, что он имел ввиду? — спрашиваю у Отэм, поворачивая на ее улицу.

Она мычит.

— Или может мне?

— Нет, серьезно, я сделаю это, но...как думаешь, лучше оставить все как есть? Притвориться, что ничего не было.

Я паркуюсь у тротуара и ставлю машину в режим парковки.

— А как Мэнни узнал? — спрашивает она.

Это именно то, что я не могу понять. И если знает Мэнни, может, и все остальные тоже знают. А если все знают и видели меня с Себастианом...они и о нем узнают тоже.

***

Я подавляю стресс просмотром серий «*Милые Обманщицы*», когда приходит первое сообщение от Себастиана. Я практически сваливаюсь с дивана.

«Только что вернулся домой. Нормально, если я заеду?»

Я оглядываю пустой дом. Хейли у подруги, а родители наслаждаются редким вечером вместе. Почти девять, но никого не будет дома еще несколько часов. Я знаю, что говорил отец об использовании дома для тайных встреч, но он, по крайней мере, может просто

приехать, да? Мы позависаем на диване, посмотрим телек. В этом нет ничего плохого.

«Да. Я один дома. Приезжай в любое время»

Его ответ приходит сразу же.

«Круто. Скоро увидимся»

Я взлетаю по лестнице и переодеваю футболку. Хватаю мусор на кухне, убираю банки от газировки, крошки от чипсов и выбрасываю остатки пиццы в коробке. Я только возвращаюсь из гаража, когда звонит дверной звонок, и мне приходится остановиться, сделать несколько успокаивающих вдохов, прежде чем пересечь комнату и открыть дверь.

Он стоит за дверью, в черной футболке, поношенных джинсах с дыркой на колене и бледно— красных кедах. Даже при отсутствии его обычного блеска он выглядит... умопомрачительно. Его волосы падают на глаза, но не скрывают мерцание, которое я замечаю в них.

Я так широко улыбаюсь, что лицу больно.

— Привет.

Я отступаю назад, чтобы он мог последовать за мной. Оказавшись внутри он ждет достаточно для того, чтобы я отошел от двери, и вжимает меня в стену. Его губы такие же теплые, как и его ладони на моих бедрах, а большие пальцы надавливают на полоску кожи над моими джинсами. Это крошечное прикосновение, как стартовый выстрел для моей крови, и я толкаюсь вперед, взбудораженный самой мыслью о его руке и его общей близости к остальным моим частям, что даже не могу вспомнить, почему он не должен здесь находиться. Я хочу, чтобы он стянул джинсы вниз. Я хочу увести его в свою комнату и узнать, краснеет ли он везде?

Еще несколько поцелуев спустя Себастиан втягивает воздух, смещаясь, чтобы царапнуть зубами вдоль моей челюсти. Моя голова запрокидывается назад с тихим *стуком*, и только тогда я замечаю, что так и не удосужился закрыть дверь.

— Дай мне только... — начинаю я, и Себастиан отступает на шаг назад. Он оглядывается вокруг впервые, в легкой панике, как будто только что понял, где он.

Следуя за ходом его мысли, я сообщаю ему:

— Здесь только мы.

Могу сказать, что его шокирует то, как он просто зашел сюда и начал целовать меня, не обращая внимания на то, что могло происходить в глубине комнаты. Я не буду притворяться, что меня это тоже не удивляет. Это своего рода импульсивность, с которой я знаком, но он всегда казался сдержанным. Но мне нравится, что я могу разрушить возведенные им границы. От этого я чувствую себя могущественным, полным надежды.

Потянув его к дивану, я наблюдаю, как он падает рядом со мной. И это правильно. Готов поспорить, что он надрылся весь день на строительстве домов, или выкапывал котлованы или делал что— то в той же степени полезное.

— Как прошел твой день? — спрашиваю я.

Он закидывает свою руку на мое плечо и притягивает ближе.

— Нормально, — я откидываю голову назад достаточно для того, чтобы заметить пятнистый румянец, расцветающий под его кожей. — Я скучал по тебе.

Звук, который вы слышите, — это мое сердце, несущееся на всех скоростях и выпрыгивающее из самолета. Оно парит. Не думаю, что я знал об этом, пока он не сказал это, насколько сильно мне было необходимо услышать это. От этого поднимается воображаемый ластик и стирает между: Не...*такой*.

— Я тоже скучал по тебе, на случай если ты не понял это по бесконечным сообщениям. Проходит несколько минут уютной тишины.

— Тан?

Я мычу, поднимая глаза, чтобы увидеть, как он растерянно косится на экран.

— Что это такое?

— О. «*Милые обманщицы*». Это подростковый эквивалент мыльной опере с тупиковыми поворотами сюжета и демагогией, но Боже, я не могу отвести от него глаз. «Сколько людей умрет перед тем, как ты вызовешь полицию?» — поднимаю пакет с чипсами и предлагаю ему. — Я в шоке, что ты не смотрел его, Брат Бразер, в свое свободное время.

Он смеется.

— Чем ты занимался сегодня?

Мое сердце болезненно ударяет меня изнутри.

— Проводил время с Отэм.

— Мне нравится Отэм. Она кажется милой.

Мой желудок сжимается, и я задаюсь вопросом, должен ли я рассказать ему, что она теперь знает обо мне? И сразу же отметаю эту идею. Она же не знает про *это*, так ведь? Было бы классно, если бы мы смогли как — нибудь позависать вместе, но не думаю, что он даже близко готов к подобному.

— Отэм — лучшая.

Остальное произошедшее за день тянется крадущейся тенью: Мэнни, Джули, Маккена.

Но и Мэнни о нас тоже не знает. И если Джули и Маккена подслушивали меня в магазине, все, что они услышали — Себастиан не гей и не пойдет со мной на выпускной. С ним же все будет нормально, да?

Телефон Себастиана загорается на столе, и он тянется за ним. Когда он устраивается обратно, он притягивает меня ближе. Если я поверну голову, то смогу поцеловать его снова.

Он вводит пароль на своем телефоне и хмурится.

— Все в порядке? — спрашиваю я.

— Да. Просто...моя мама, — он швыряет телефон на другой конец дивана. Я сажусь прямо, создавая небольшую дистанцию впервые, как он вошел в дом. Его глаза припухшие и налитые кровью. Не похоже, чтобы он плакал, но выглядит так будто он тер их ужасно часто, то, что он делает, когда переживает.

— О, боже. Что еще? — в придачу к учебе, репетиторству и разработке второй книги, он совмещает фигню, касающуюся предстоящей миссии.

— Нет — нет, все в порядке, — отмахивается он. — Она хочет поговорить о том, что произошло в лагере.

Это запускает тревожные звончки в моей голове.

— А что произошло в лагере?

— Мы были на одном мероприятии и до меня кое — что дошло.

Я оглядываюсь на него.

— Что за мероприятие?

Я вижу мерцание телевизора, отражающееся в его глазах, но знаю, что он не смотрит его; его мысли где — то далеко.

— Мы занимаемся такой штукой, как «Идти на Свет». Слышал об этом?

Видимо, выражение моего лица настолько растерянное, потому что он смеется и не дожидается моего ответа.

— Они завязывают глаза нашей группе, выстраивают нас в линию и просят положить руку на плечо человека перед нами.

Завязывают глаза в лесу? Больше похоже на фильм ужасов, чем на церковное мероприятие.

— Главный нашей группы дает указания. «Идите налево», «идите направо» и в этом нет ничего такого, потому что ты ощущаешь человека перед собой, чувствуешь тяжесть ладони на своем собственном плече, — он делает вдох, взгляд опускается в пол и обратно на экран. — Пока не перестаешь. В одно мгновение ты ощущаешь ладонь на своем плече, а затем она исчезает. И приходит твоя очередь отпустить и следовать наставлениям.

— Ужасно звучит, — говорю я.

Себастиан берет меня за руку, выравнивая наши пальцы вместе.

— Это не настолько плохо. Большинство из нас тренируются перед этим и знают, чего ожидать, но...на этот раз все было иначе.

— Иначе — более странно? — потому что, честное слово, звучит просто ужасно.

— Я не знаю, как это описать. Человек, который уводит тебя с тропы, приводит в место, куда говорит сесть и усердно искать Святой Дух, как и бывает обычно. Но все было по— другому. Я чувствовал иначе.

Я сажусь прямее, полностью поворачиваясь лицом к нему.

— Они оставили тебя одного в лесу?

— Я понимаю, как неправильно это звучит, но уверен, что если бы мы могли видеть, то поняли бы, что находимся не так далеко друг от друга, и едва сошли с тропы. Но мы не можем видеть, поэтому тихо сидим с закрытыми глазами, ждем и молимся.

Я опускаю взгляд на наши ладони и переплетаю наши с ним пальцы.

— И чему ты молился?

— Обо всем, что мне нужно, — он смотрит вниз на наши руки. Я замечаю слабую дрожь его подбородка. — Итак, я сидел там, на земле, и ничего не видел, и спустя некоторое время, я услышал что — то среди деревьев. Кто — то звал меня по имени — мой отец. Сначала он звал тихо, но потом все громче, чем ближе он становился. Он звал меня по имени и просил идти домой.

Слеза катится по его лицу.

— Я делал это и раньше и всегда было немного страшно. То есть, ты ничего не видишь, так что естественно, но ощущения иные — для меня. Такая срочность, которой никогда не было прежде. Поэтому я поднялся и последовал на голос. Мои глаза были по — прежнему закрыты, и я спотыкался по дороге, надеясь, что не свалюсь с обрыва или не врежусь в дерево. Но продолжал идти, зная, что отец не причинит мне боли, но ощущение было таким, что нужно поспешить. Когда я наконец — то добрался до него, он обнял меня так крепко и сказал «Добро пожаловать домой», и что он любит меня и гордится тем, каким человеком я вырос. И все, о чем я мог думать, — ты серьезно? Оставалось бы это так же, если бы ты узнал о Таннере?

Мою грудь стягивает.

— Себастиан...

Он качает головой, стирая слезы тыльной стороной ладони.

— Знаешь, мне снятся сны, где я рассказываю им обо всем, о том, что влюбился в мальчика в восьмом классе, и о парочке парней после этого, и об этом никто не знал. Во снах, я рассказываю им, что никогда не хотел целовать девушек — ни разу — и не могу пообещать, что хоть когда — то захочу жениться. А потом я жду в лесу, и никто не приходит. Все поднимаются, направляясь к своим семьям, но я сижу там с закрытыми глазами и просто жду, — он поднимает глаза к потолку. — Я испытал такое облегчение, когда отец был на этих выходных там, что практически пообещал себе, что никогда не сделаю ничего, что могло бы угрожать этому. Но, что если я никогда не захочу того, что он хочет для меня? Что если я не смогу сделать это?

В горло, будто песка сырого насыпали. Я даже не знаю, что сказать. Вместо этого, я притягиваю его к себе и прижимаю его лицо к изгибу моей шеи.

— Просто я много думаю об этом в последнее время, — произносит он, его голос приглушен из — за моей кожи. — И пытаюсь понять, что это значит, но нигде нет на это ответов. Есть множество статей, написанных для нас, о влюбленности, женитьбе и детях. Даже о потере ребенка или сомнениях в своей вере. Но ничего об этом, ничего полезного, по крайней мере. Всюду нечто наподобие: «Однополая любовь — всего лишь технический термин; а не тот, кто ты есть. Ты можешь быть не в состоянии контролировать свои чувства, но можешь контролировать, как реагируешь на них», и это такая чушь. Нас учат посвящать свои жизни Господу, и он укажет нам путь. А когда я молюсь? Отец Небесный говорит «да», — он трет глаза основанием своих ладоней. — Он говорит, что гордится мной и любит меня. Когда я целую тебя, это кажется правильным, даже несмотря на то, что все, что я читал, говорит об обратном. И это сводит меня с ума.

Он поворачивается, и я целую его в висок, стараясь не сорваться вместе с ним прямо сейчас. Не удивительно, что он «нет...такой» — ярлык, который заберет у него все, что он имеет. Я хочу быть сильным. Мне намного проще. У меня так много поддержки. Больно видеть, что у него ничего из этого нет.

— Детка, мне так жаль, — шепчу я.

— Мы должны молиться и слушать — поэтому я так и делаю. Но потом, когда я поворачиваюсь к другим, это похоже.... — он качает головой. — Такое ощущение, что я пробираюсь сквозь темноту и понимаю, что впереди безопасно, но никто не идет за мной вслед.

***

Я все еще потрясен, когда еду к дому Себастиана несколько дней спустя.

После признания, он встал и воспользовался ванной, а когда вернулся обратно и сел рядом со мной, он улыбался, как будто ничего вообще не произошло. Я никогда не встречал раньше никого, кто был бы так хорош в смене масок и задвигании свои чувства в сторону, чтобы разобраться с ними позже. Не уверен, это самое впечатляющее, что я и видел в жизни, или самое угнетающее.

Мы держались за руки и смотрели телевизор, но когда его телефон снова ожил, он сказал, что ему нужно возвращаться домой. Он поцеловал меня у двери и оглядывался через плечо, пока шел по подъездной дорожке, и написал мне на электронку тем же вечером, что

все в порядке.

Себастиан действительно хорош в его «*все в порядке*».

Церковь сменила некоторые из своих формулировок в последнее время, и как говорил Себастиан, это подчеркивает принятие и доброжелательность — постоянную доброжелательность — к тем, кто борется со своей ориентацией. Но это *совсем* не меняет их позицию; это способ противостоять аргументам, что церковь не приемлет ЛГБТ—сообщество. Я прочитал, что только недавно начали высказываться против конверсионной терапии, говорят, что смена влечения не должна ожидаться или требоваться от родителей или глав. Так что Себастиан технически мог сказать, что он гей и не будет вынужден покинуть церковь, но он не сможет быть *со* мной. Отношения с парнем означали бы, что он ведет активный гомосексуальный «образ жизни», а это то же самое, что пойти против правил.

Короче говоря, ничего не изменилось.

Я остановил машину и выпрыгнул из нее. Мама Себастиана разгружает продукты, и даже не смотря на то, что я правда хочу спросить ее, кто, черт возьми, выбирает религию, которая исключает людей, которых они любят, я бегу по подъездной дорожке, чтобы вместо этого помочь ей.

— О Господи, Таннер. Ты такой милый. Спасибо, — говорит она, потянувшись за своей сумочкой.

Я иду следом за ней в дом, складываю пакеты на столешницу и ухожу за остальным. Я нигде не вижу Себастиана, но Фейт в гостиной, растянулась на ковре и рисует.

— Привет, Таннер, — здоровается она, сверкая беззубой улыбкой.

— Привет, Фейт, — я опускаю взгляд на ее рисунок и понимаю, что это своего рода раскраска про «Десять заповедей». У этих людей есть что— то не связанное с церковью? Она наполовину раскрасила текущую страницу, на которой Иисус с голубыми волосам стоит на горе, обращаясь к радужной толпе. Мне начинает нравиться этот ребенок. — Классная картинка, — я показываю на верблюда, украшенного крыльями. — Очень креативно.

— Я потом приклею немного блесток, но мне можно клеить только на кухне. Ты ищешь моего брата?

— Да, — отвечаю я. — Он поможет мне с книгой.

Это не так, но остается превосходным алиби.

Миссис Бразер заходит в гостиную и улыбается нам обоим.

— Вау, — обращается она к Фейт. — Голубые волосы?

— У Иисуса могут быть голубые волосы, — она демонстративно трет карандашом по бумаге, и я хочу ее попросить, чтобы она помнила об этом, помнила о том, во что верит и не позволяла ничьим правилам изменить это.

— Да, думаю, у него определенно могут быть такие, — миссис Бразер поворачивается ко мне. — Таннер, милый, думаю Себастиан внизу, в своей комнате.

— Спасибо, — благодарю ее. — Классный рисунок, Фейт.

— Знаю, — отвечает она, улыбаясь мне в ответ.

— Таннер на столе есть немного печенья, — миссис Бразер выпрямляется и указывает на кухню. — Можешь прихватить его с собой? Он над чем— то работает и почти без перерывов.

Конечно, миссис Бразер, я, несомненно, могу отнести печенье в комнату вашего сексуального сына. С удовольствием.

— Конечно, — забираю свои вещи и иду вслед за ней на кухню.

— Я скоро повезу Фейт на танцы, так что если что— то захотите, приготовьте сами.

Тарелка с шестью печеньями с шоколадной крошкой стоит на гранитной столешнице. Я только собираюсь отправиться к лестнице, когда что— то на улице привлекает мое внимание, вспышка голубого у качелей. На Себастиане сегодня голубая футболка. Она растягивается на четко определенной ширине его груди и выделяет бицепсы. Я едва могу уделить внимание чему— то еще. Интересно, одевается ли он каждое утро, чтобы помучить меня.

Стеклянная дверь бесшумно скользит по направляющей, и я выхожу во внутренний дворик. Я вижу его отсюда, с опущенной головой, он сидит на одной из качелей, подчеркивая длинный ряд строчек желтым маркером в своей книге.

Я пересекаю траву, и он поднимает глаза, когда замечает меня.

— Привет, — здоровается он, опуская взгляд на тарелку в моих руках. — Ты принес мне печенье?

— Технически, это печенье твоей мамы. Она просто отдала его мне.

— Ты ей нравишься, — говорит он, подтягивая ноги по траве. — Всем им. Я знаю это.

Я смеюсь.

— Понятия не имею почему.

— Да ладно тебе, ты всем нравишься. Девочкам, мальчикам, учителям, родителям. Моя бабушка назвала тебя очаровашкой — волосатиком.

— Твоя бабушка считает меня очаровательным?

Он смотрит на меня снизу— вверх, щурясь от солнца.

— Думаю, ты знаешь, что очарователен.

Я хочу, чтобы он записал эти слова, чтобы я мог перечитывать их снова, и снова, и снова.

— Ты собираешься отдать мне печенье?

Я мгновение удерживаю его взгляд, прежде чем передать одно с тарелки. Оно еще теплое.

— Она просила меня захватить его с собой в твою комнату, — говорю я, с намеком приподнимая бровь. — И именно там она, кстати, считает, что ты находишься.

Он так хорошо выглядит сегодня — счастливо — травма после церковного мероприятия видимо уже позади. Его эмоциональная и духовная стойкость, как какая— то суперсила.

Когда он ухмыляется, мое сердце пропускает удар.

— Если она думает, что я в доме, то голосую за то, чтобы спрятаться здесь.

— Она собирается отвезти Фейт на танцы.

— И все же, на улице замечательно, — Себастиан собирает вещи, и я следую за ним в тень огромного дерева. Для любого в доме мы были невидимы, полностью скрыты под навесом новой ярко— зеленой листвы над головами.

Я беру одно печенье и разламываю его пополам.

— Что ты делал?

— Психологию, — он захлопывает книгу и растягивается на траве. Я усиленно стараюсь сосредотачиваться на его лице, но когда он поворачивается ко мне, могу сказать, что он знает, что я пялился на его блядскую дорожку. — Как поработал в группе МакАшер сегодня? — спрашивает он.

Мне нравится, что он кажется выше всех этих слухов, что полностью противоположно.

Себастиан замечает все.

— Она чуть со стула не свалилась, красуясь вырезом.

— Я заметил, — смеется он, откусывая печенье.

— Как прошел остаток твоего дня?

— Тест по экономике, — он откусывает еще, жует и проглатывает. Наблюдение за работой его горла просто завораживающе. — И тест по латыни. Репетиция хора.

— Жалко, что я не видел этого.

— Может, в следующий раз ты прогуляешь школу и придешь посмотреть, — он открывает один глаз, чтобы посмотреть на меня. — Я знаю, как сильно ты хочешь показать средний палец администрации.

— Я такой, четыре очка ученику и малолетнему преступнику, — я слизываю шоколад со своего большого пальца и улавливаю, как его глаза отслеживают это движение. По позвоночнику пробегает дрожь. — Отэм почти дописала свою книгу.

Он обдумывает это. Возможно, он видит напряжение в моих глазах.

— Это хорошо, но не обязательно. В смысле, у тебя еще месяц в запасе. Некоторым требуется больше времени для правки. Некоторым меньше. Тебе просто нужно завершить проект до конца семестра. Не безупречную рукопись.

Я избегаю его взгляда, и он ныряет головой ниже, перехватывая мой.

— Ты отправишь мне главы?

Мне ужасно не нравится сама мысль, что он будет править мою книгу.

Мне так же ужасно не нравится сама мысль, что он увидит все мои страхи и переживания, так прямолинейно изложенные.

Поэтому я отвлекаюсь:

— Когда ты закончил писать свою?

— Эм, — он щурится, глядя на ветки над нашими головами. — Я закончил в мае — прямо перед конечными сроками, если я точно помню — и сдал проект неделю спустя. Я все равно не уверен, что она такая хорошая.

— Но, видимо, так и есть.

— Все любят разное. Ты можешь прочесть мою книгу и возненавидеть ее.

— Сильно сомневаюсь в этом.

— Можешь. Мама, наверно, уже пообещала большую часть моих авторских копий, но я припасу тебе одну. Так мы будем в расчете, потому что ты тоже дашь мне *свою* книгу, — он посылает мне свою самую обворожительную улыбку.

Я постукиваю по его подошве носком своей обуви.

— Какой — то непростой редактор из Нью-Йорка уже прочитал и выкупил твою книгу. Ты знаешь, что она точно не дерьмовая.

— Твоя книга не дерьмовая, Таннер. Это невозможно. Конечно, детали нужно изменить, чтобы защитить ни в чем не повинных людей, но она не дерьмовая. Ты очень вдумчивый, очень восприимчивый, — он ухмыляется. — Да, я сказал «восприимчивый»... несмотря на все твое внешнее легкомыслие.

— Мое «внешнее»... — начинаю с улыбкой, но захлопываю рот ладонь от звука голосов над нашими головами.

— Что ты здесь делаешь? — спрашивает мама Себастиана, и мы ныряем ниже, как будто нас застукали за чем-то неправильным. — Я не ждала тебя дома до ужина.

Когда я наклоняюсь вперед, вытягиваясь, чтобы подсмотреть, то замечаю открытое окно

ванной прямо над нашим деревом. Она разговаривает не с нами.

Себастиан начинает складывать книги в стопку.

— Пойдем в дом, — шепчет он. — Я не хочу...

— Бретт Эйвери вышел за своего парня на прошлой неделе в Калифорнии, — мы оба замираем от звука низкого голоса его отца с интонацией ожесточенного неодобрения.

Себастиан смотрит на меня, огромными глазами.

Я могу себе только представить какое потрясенное выражение должно быть на ее лице, потому что его отец вздыхает, грустно подтверждая:

— Да.

— О, нет, — произносит она. — О, нет, *нет*. Я знала, что он переехал, но понятия не имела, что он... — она резко останавливается, не произнеся страшное слово на букву «Г», и понижает голос. — Как его родители?

На очень краткий момент, с лица Себастиана спадает вся краска, и я хочу потянуться к нему и закрыть его уши, затащить в свою машину и увезти.

— Как — то справляются, я полагаю, — говорит он ей. — Похоже, Джесс восприняла новость намного спокойнее, чем Дейв. Брат Бринерхоф молится с ними и добавил их в храмовой свиток. Я сказал, что заеду к ним, так что я забежал домой просто переодеться.

Голоса становятся тише, когда они уходят в другую комнату. Себастиан молча сморит вдаль, и грохот моего молчания прокатывается по мне, пока я пытаюсь придумать, что сказать.

Как его родители?

И от Себастиана не укрылось, что его мама ничего не спросила о том, как *Бретт* и был ли он счастлив; она спросила про его родителей, чуть ли не, как иметь в семье сына — гея — нечто, с чем приходится справляться, объяснять, *иметь дело*.

Он — гей, он не умер. Никто не *ранен*. Я знаю, что родители Себастиана хорошие люди, но, черт побери, они непреднамеренно заставили своего сына ощущать, что в нем нужно что — то исправить. Слишком много для принятия. Слишком для *доброжелательности*.

— Мне жаль, Себастиан.

Он поднимает глаза с места, где собирает свои маркеры, с натянутой улыбкой на лице.

— За что?

Две секунды недоуменного молчания проходят между нами.

— Разве не странно, что они так говорят?

— Обсуждают, что Бретт — гей? — когда я киваю, он пожимает плечами. — Не думаю, что кто — то удивился, что его родители так реагируют.

Я изучаю его лицо, задаваясь вопросом, почему он выглядит таким покорным.

— Не знаю... Возможно, если достаточное количество людей разозлится, то все может измениться?

— Может, а может и нет, — он наклоняется, пытаюсь вынудить меня задержать на нем взгляд. — Так устроен мир.

Так устроен мир.

Он смирившийся или реалист?

Он вообще чувствует, что все из этого про *него*?

— Так устроен мир? — повторяю я. — Значит, ты поедешь куда угодно, будешь проповедовать Евангелие и сообщишь еще большему количеству людей, что быть геем неправильно?

— В том, чтобы быть геем нет ничего плохого, но это и не план Господний, — он качает головой, и я понимаю, что в этот момент, прямо сейчас, реальность добивает меня тем, что Себастиан не отождествляет себя с геями. Он — не гей. Даже не футболист, и не парень, и не сын.

Он — *Мормон*.

— Я понимаю, что для тебя в этом может не быть какого— то смысла, — осторожно произносит он, и от паники сжимает желудок. — Уверен, ты понятия не имеешь, что делаешь рядом со мной, или что я делаю рядом с тобой, и если ты...

— Нет, — я сжимаю его пальцы, не заботясь о том, что кто— то может увидеть. — Я не это имел в виду. Я хочу тебя. Но мне не нравится думать, что твои родители когда— нибудь посмотрят на нас и подумают, что мы то, что нужно исправить.

Проходит много времени перед его ответом, и могу сказать, что ему совершенно не понравилось, что я сказал, потому что он забирает свою руку, пихнув ее между своих коленей.

— Я не осмелюсь полагать, почему Отец Небесный так делает, но я всем сердцем понимаю, что у Него для каждого из нас есть план. Он привел тебя в мою жизнь не просто так, Таннер. Я не знаю причину этого, но знаю, что здесь есть цель. *Я знаю* это. То, что я с тобой, не плохо. То, что я испытываю к тебе, — не плохо. И что— то из этого выйдет.

Я киваю, опускаясь на траву.

— Тебе стоит прийти в следующие выходные, — тихо произносит он. Я слышу это по его голосу, то, как он просит разрешить это все моим присоединением к церкви. По тому, как он «поднимает уголок ковра и ловко сметает всю неудобную кучу грязи под него». — У нас будет мероприятие для подростков, и это должно быть весело.

— Хочешь привести своего *парня* на церковное мероприятие?

Его брови сходятся вместе на это высказывание, перед тем как выражение его лица проясняется.

— Я хочу привести *тебя*.

Глава 16.

Не думаю, что Себастиан действительно ждал, что я приму его предложение. Даже Отэм уставилась на меня в немом шоке, когда я упомянул, что собираюсь принять участие в церковном мероприятии. Но вот мы здесь, Себастиан и Таннер, паркуемся у футбольного поля в старом добром парке «Форт— Юта».

Мы выбираемся из машины, и я спускаюсь вслед за ним с небольшого холма, где все собрались вокруг огромного количества картонных коробок, еще неоткрытых. Для середины апреля, на улице просто замечательно. И я уверен, что это означает, как только температура снова понизится до — 1, все заболеют, но прямо сейчас +15, и никто в возрасте двадцати не надел длинные штаны. Повсюду торчат болезненно— бледные ноги из— под шорт.

Но будем реалистами: в отличие от крошечных, обрезанных до голой задницы шорт Хейли, здесь шорты довольно скучные. Даже не странно то, как все здесь скромно одеты, но это не мешает мне коротко задуматься о том, какого живетса детям мормонов в городе, где их мало.

Девочки смотрят и нервничают, когда приближается Себастиан. Я замечаю и как несколько парней, провожают его взглядом немного дольше, чем было бы нормально. Он

замечает эффект, который производит на людей? Он даже не ведущий на мероприятии, но похоже все здесь ждали только его приезда.

Несколько человек подходят, приветствуя его рукопожатием. Меня представляют Джейку, Килану, двум Маккенам (ни одна из них не та из школы) и Люку, прежде чем я перестану волноваться о том, чтобы запоминать их имена, и вместо этого приветствую каждую улыбку собственной и душевным рукопожатием. Парень примерно нашего возраста, может чуть старше, выходит из толпы людей и представляется мне. Его зовут Кристиан, и он в большом восторге, что я присоединюсь к их группе. Понятно, он ведущий мероприятия.

И после этого мы начинаем.

— Мы займемся сегодня кое— какой работой, — произносит Кристиан, и по небольшой толпе проходит шепоток. Шесть огромных коробок становятся центром внимания всех, когда он подходит к ним и склоняется над одной. — Удобства в этом парке немного устарели, и похоже пришло время обновить их немного, — он хлопывает по коробке рядом с ним. — В этой коробке, друзья мои, все, что вам потребуется, чтобы установить таблички или скамейки, — улыбка растягивается по его лицу. — Хитрость в том, что нет никаких правил и инструментов.

Я оглядываю группу. Никто, похоже, не удивлен отсутствием правил, по крайней мере. Никаких наставлений, окей, но инструменты?

Мой мозг в панике орет. *А...занозы!*

— Мы разделимся на шесть команд, — когда Кристиан озвучивает это, и я замечаю, как Себастиан неприметно отстраняется от меня, и бросаю на него взгляд, но тот качает головой. — Для начала, нам нужно перенести все таблички и скамейки к парковке, где их заберет команда Брата Этвила. А затем стройка. У нас будет немного пиццы. Пейте воду, когда нужно. Помните, это — не гонка. Не торопитесь и делайте все правильно. Именно так мы отдадим свой долг, — он улыбается, и что— то внутри меня внезапно чувствует себя очень, очень не в своей тарелке, когда он добавляет. — А сейчас, давайте кто—нибудь произнесет молитву.

Эта часть застает меня врасплох, и я улавливаю извиняющийся взгляд, который посылает мне Себастиан, перед тем, как склонить голову.

Старший подросток из круга выходит вперед.

— Отец Небесный, благодарим, что собрал нас всех вместе в такой прекрасный, весенний день. Благодарим тебя за нашу многочисленную благодать, за сильные тела, которые мы используем сегодня. Благослови, чтобы мы смогли запомнить этот урок и воплощали его в наших повседневных жизнях, чтобы мы помнили, что только через тебя мы сможем найти спасение. Пожалуйста, направь точность Брата Девиса правильно, чтобы мы больше не повторяли визит к медсестре, как на прошлой неделе, — волна смешков прокатывается по группе, и парень подавляет улыбку, прежде чем закончить. — Благослови, чтобы мы вернулись домой в целостности и сохранности. Во имя Иисуса Христа, аминь.

Когда мы выпрямляемся, дистанция Себастиана сразу обретает смысл, когда Кристиан рассчитывает нас от одного до шести. Мой парень просто обеспечил, чтобы мы попали в одну команду, получили одни и те же занозы.

К нам присоединились две хихикающие тринадцатилетние девчонки, девятиклассник Тоби и одиннадцатиклассник Грег. Мы с Себастианом, Греггом и Тоби подключаемся к остальной мужской силе, которые оттаскивают старые столы для пикника. Девочки стоят и наблюдают; большинство из них смотрят на Себастиана.

Я пытаюсь представить Хейли в этой ситуации. Она бы сошла с ума, если бы начали заниматься подобной ручной работой, не ожидая от нее помощи.

Ожидая, что строительные задачи будут довольно заурядными, я был удивлен тем, когда оказывается, что в коробках семьдесят частей из дерева и ни одной ясной инструкции, какая часть куда. Сразу очевидно, что Себастиан с Греггом занимались этим всю свою жизнь. Они быстро начинают рассортировывать детали по размерам и форме, в то время как мы с Тоби выступаем в качестве мышечной силы, перекладывая части, куда они укажут.

Себастиан привлекает к себе девушек, Кэти и Дженали.

— Можете найти части вот такого размера? — он протягивает деревянный штифт длиной в четыре дюйма. Они рыщут по траве, где мы перевернули коробку. — И убедитесь, что штифтов столько же, сколько отверстий в досках, хорошо? — он указывает на места, куда вставляются штифты в доски, и девочки сразу же приступают к работе, радуясь, что получили задание.

— Тан, — зовет он, и от этой фамильярности в его голосе мою кожу пробивает дрожь. — Пойдем, поможешь мне разложить их.

Мы работаем бок о бок, раскладывая доски, которые должны быть столом, доски, которые послужат ножками. Мы решаем использовать одну из коротких, тяжелых досок в качестве деревянного молотка, чтобы вбивать части на место, а потом используем ботинок Грега, чтобы забить последнюю часть. Решение проблемы — просто бомба, и если быть честным, то она не сравнится с трепетом волнения, когда сидишь на корточках рядом с Себастианом, ощущая, как его тело двигается рядом с моим.

Серьезно, если он намеревался привести меня сюда, чтобы я нашел религию, тогда миссия выполнена.

Наша группа заканчивает первой, и мы разделяемся, помогая остальным группам, которые не справляются с раскладкой частей и тем, как использовать различные части в качестве инструмента. Я бы преувеличил, если бы сказал, что это непосильная работа, но и не легкая тоже, и когда привозят пиццу, я рад огромному количеству коробок, потому что у — м — и — р — а — ю — с — г — о — л — о — д — а.

Мы с Себастианом падаем под деревом, немного вдалеке от группы. Раскинув ноги перед собой, мы поглощаем еду, как будто не ели несколько недель.

Я обожаю наблюдать, как он ест — чаще всего просто увлекательно понимать, насколько хорошо он воспитан — но вот он, весь такой грубый строитель: пицца скручена пополам, и он запихивает большую часть себе в рот за один укус. И все равно ничего не попадает на его подбородок или футболку. Я откусываю один раз и размазываю жир от пеперрони на своей футболке.

— Твою мать, — шиплю я.

— Тан.

Я поднимаю на него взгляд, и он улыбается в ответ, но затем наклоняет голову, как бы говоря «Следи за языком!»

Я робко улыбаюсь ему.

— Прости.

— Мне плевать, — говорит он тихо. — А некоторым из них — нет.

Мы достаточно далеко, что у меня создается ощущение уединения, даже если оно совершенно не настоящее.

— Как давно ты здесь знаешь всех?

— Некоторых всю их жизнь, — отвечает он, оглядываясь на группу. — Семья Тобби переехала сюда всего два года назад. И некоторые из детей здесь новообращенные. Кажется, это первое церковное мероприятие Кэти.

— Я бы ни за что не догадался, — дразнюсь я.

— Да ладно тебе, она милая.

— Ее милость абсолютно не связана с тем фактом, что ей понадобилось двадцать минут, чтобы пересчитать сорок штифтов.

Он подтверждает это тихим смешком.

— Прости за ту молитву. Я постоянно забываю.

Я отмахиваюсь и оглядываю поле подростков другими глазами.

— Ты с кем—нибудь встречался из них?

Он приподнимает подбородок, указывая на высокую девушку на другой стороне футбольного поля, которая ест рядом с воротами.

— С Мандой.

Я знаю про кого он. Она выпускалась вместе с классом Себастиана и состояла в школьном совете. Она красивая и умная, и я никогда не слышал ни одной сплетни про нее. Я уверен, она могла бы стать лучшей половиной для Себастиана.

— Сколько? — спрашиваю я. Вау, вышло резко.

Он тоже это замечает.

— Ты ревнуешь?

— Немного.

Могу сказать, ему это нравится. На его щеках выступает румянец.

— Примерно год. В десятом классе.

Вау. Я хочу спросить его, чем он занимался с ней, сколько они целовались и как далеко зашли...но не спрашиваю. Вместо этого, я произношу:

— Но ты знал, даже тогда...

Он резко поднимает взгляд, а затем оглядывается, его лицо расслабляется, когда он убеждается, что мы вне пределов слышимости.

— Да, я знал. Но подумал, что возможно, если попытаюсь...

Это то же самое, что и сотни иголок, протыкающих мою кожу. Годичные отношения — долгая попытка.

Не...такой.

— Но ты же не спал с ней, да?

Он откусывает еще один огромный кусок пиццы, качая головой.

— Так ты думаешь, что однажды сможешь жениться на Манде?

Я замечаю, как ужесточается его лицо, когда он поднимает на меня взгляд, пережевывая. Проглотив, он многозначительно оглядывается вокруг.

— Ты считаешь, что это лучшее место для подобного разговора?

— Мы можем поговорить позже.

— Я хочу *тебя*, — тихо произносит он, пригибаясь за очередным укусом. Когда он снова проглатывает, то смотрит прямо и добавляет. — Я не хочу никого другого.

— Ты думаешь, что церковь изменит свое мнение насчет нас? — спрашиваю я. Я киваю на толпу его сверстников через поле. — Ты думаешь, *они* в итоге останутся рядом?

Себастиан пожимает плечами.

— Я не знаю.

— Но ты счастлив со мной.

— Счастливее, чем за всю свою жизнь.

— Так ты понимаешь, что в этом нет ничего плохого.

Его взгляд ясный и, наконец, он смотрит на меня.

— Конечно, понимаю.

Эмоции поднимаются комком в моем горле. Я хочу его поцеловать. Его взгляд опускается на мои губы, а затем он отводит его, снова краснея лицом.

— Ты знаешь, о чем я думаю, — произношу я. — Я всегда об этом думаю.

Она кивает, наклоняясь вперед, чтобы взять бутылку с водой.

— Да. Я тоже.

***

Солнце низко висит над горизонтом, когда мы складываем все на место и тестируем, чтобы удостовериться, что все установлено надежно. Люди смеются, играют в салочки, бросают Фрисби. И это намного лучше, чем борьба и оскорбления в той поездке на озеро. Присутствует неоспоримый уровень *уважения* ко всему, что мы делаем здесь. Уважения к обществу, друг к другу, к самому себе, к Богу.

Большинство загружаются в большой фургон, чтобы вернуться обратно к церковной парковке, но мы с Себастианом остаемся здесь, махая им, пока они не исчезают из вида.

Себастиан поворачивается ко мне, его улыбка сползает.

— Ну? Ужасно было?

— Я бы сказал, не так плохо, — отвечаю я, а он в ответ на это смеется. — То есть, было очень классно. Все такие милые.

— Милые, — повторяет он, слегка качая своей головой.

— Чего? Я серьезно. *Милая* компания людей.

Мне нравится быть с его общиной не потому, что считаю, что она мне подходит, а потому что мне нужен этот просвет в его голове. Мне нужно понять, почему он всегда говорил, что «я так сильно ощущал присутствие Духа в эти выходные», или как он молится в поисках ответов. Реальность в том, что он был рожден с этим языком и рос, слушая его. Церковь СПД обладает собственным лексиконом, который по—прежнему звучит для меня очень напыщенно, но льется из них легко, и я начинаю понимать, что по существу это просто означает: «я пытаюсь сделать лучший выбор» и «мне нужно понять, нормально ли то, что я испытываю».

Только птицы в ветвях над головами остались единственными звуками в парке и отдаленное гудение шин по асфальту.

— Чем хочешь заняться? — спрашиваю я.

— Я не хочу пока домой.

Все мое тело вибрирует.

— Тогда давай останемся.

Мы забираемся в мою машину под давлением предвкушающего молчания вдоль всей моей кожи. Я выезжаю с парковки, и мы уезжаем. Я даже не знаю, куда мы едем, или чем займемся, когда остановимся, но когда оказываемся в нескольких километрах от дома, ладонь Себастиана скользит по моему колену и медленно пробирается вверх по моему бедру. Дома остаются далеко позади, и вскоре мы едем по тихой двухполосной дороге. Я

инстинктивно съезжаю на пыльную дорогу, ведущую к части озера с ограниченным доступом.

Себастиан оглядывается через свое плечо, когда мы проезжаем через ворота с табличкой «ДОСТУП ЗАКРЫТ» в большей степени скрытый разросшейся листвой.

— Нам вообще можно заезжать сюда?

— Наверняка нет, но, похоже, эти ворота уже очень давно не запирали, поэтому я думаю, мы не первые, кто попытался проехать.

Он не отвечает, но я ощущаю неуверенность в напряженной позе, его ладони на моей ноге, неподвижности его спины. Я должен верить, что он расслабится, когда увидит, как на самом деле изолировано это место, после наступления темноты.

Грязь становится плотнее, и я паркуюсь на плотном участке травы, выключаю фары, а затем и зажигание. Двигатель замирает. На улице практически полная темнота, за исключением мерцающего отражения луны на поверхности озера. Папа всегда настаивает, что у меня должны лежать вещи для экстренной ситуации в багажнике — включая теплое одеяло — и хотя становится прохладнее после захода солнца, у меня появляется идея.

Открыв дверь, я оглядываюсь на него.

— Пойдем.

Он неохотно следует за мной.

Я достаю одеяло из грузовика и расстилаю его на все— еще— теплом капоте моей машины. Используя несколько запасных курток и непонятно откуда взявшееся пляжное полотенце, я формирую несколько подушек для нас у дворников.

Вот так мы сможем лечь на спины и смотреть на звезды.

Когда он понимает, что я делаю, он помогает мне с организацией, а затем мы забираемся поверху, ложимся на спины и расслабляемся, одновременно, с довольным стоном.

Он взрывается от хохота.

— *Кажется*, так уютно.

Я придвигаюсь чуть ближе, и капот протестует металлическим скрежетом.

— Не так плохо.

Над нами низко висит луна на горизонте, а звезды, кажется, поддерживают ее за струны.

— Единственное, что я люблю в этом месте, — говорю ему — что можно смотреть на звезды всю ночь. Такого не было в Пало—Альто. Слишком сильное световое загрязнение.

— *Единственное, что тебе нравится здесь?*

Я поворачиваюсь, наклоняясь ближе, чтобы поцеловать его.

— Прости. Две вещи.

— Я ничего не знаю о звездах, — произносит он, когда я обратно перевожу взгляд на них. — Все хочу научиться, но никогда нет времени на это.

Я показываю и говорю:

— Вверху — Дева. Видишь четыре звезды, которые формируют неравномерную трапецию? Там есть звезды Гамма Девы и Спика — они создают, как бы, нити воздушного змея снизу?

Себастиан щурится, подкатываясь ближе, чтобы лучше рассмотреть, на что я указываю.

— Вот эта форма?

— Нет... думаю, ты смотришь на Ворона. Дева... — я передвигаю его руку так, что она нависает над моей грудью. Мое сердце собирается забраться вверх по моему горлу и

покинуть тело. — Вот здесь.

— Да, да, — шепчет он, улыбаясь.

— А вон та яркая, это Венера...

Он разгоряченно вдыхает.

— Точно, я запомнил...

— Я прямо рядом с ней, вон то плотное скопление? Это Плеяды, — произношу я. —

Они будут приближаться и дальше друг к другу.

— Откуда ты все это знаешь? — спрашивает он.

Я поворачиваюсь и смотрю на него.

Он тоже смотрит на меня очень близко.

— От отца. Не так много занятий, после наступления темноты, когда мы ходим в поход, помимо сморов, страшилок и разглядывания созвездий.

— Оставшись сам по себе, я бы смог найти только Большую медведицу, — произносит он. Его взгляд опускается на мои губы.

— Я стану очень бесполезным в этом без своего отца.

Он отводит взгляд, снова поднимая глаза к небу.

— Твой отец вроде как классный.

— Так и есть.

Боль возрастает в моей груди из— за того, что мой отец лучше, потому что знает и любит меня таким. А у Себастиана есть целая сторона, о которой его отец совсем ничего не знает. Я могу прийти домой и рассказать отцу обо всем, что произошло сегодня — даже о том, что мы с Себастианом лежали на капоте старой «Камри» моей мамы — и это ничего между нами не изменит.

Видимо у Себастиана схожие мысли, потому что, разрывая тишину, он произносит:

— Я все продолжаю думать о своем отце в тот день, когда он очень крепко меня обнял. Клянусь всей своей жизнью, единственное, что я хотел, — заставить его гордиться мной. Так странно говорить об этом вслух, но мне кажется, если отец гордится мной, это как внешнее подтверждение того, что Бог тоже мной гордится.

Я не знаю, что ответить на это.

— Я даже представить не могу, что сделал бы мой отец, если бы узнал, где я, — он смеется, проводя ладонью по своей груди. — На грязной дороге, с табличкой «доступ закрыт», лежу на машине со своим парнем...

Это слово все еще встряхивает меня.

— Я обычно очень упорно молюсь о том, чтобы пропало влечение к парням, — признается он.

Я поворачиваюсь и смотрю на него.

Он качает головой.

— Я всегда так ужасно чувствую себя после этого, как будто прошу чего— то такого мизерного, когда у других людей такие огромные проблемы. Но потом я встретил тебя и...

Мы оба позволяем этому повиснуть. Я выбираю мысль, что в конце предложения было бы... *и Бог говорит мне, что ты правильный выбор для меня.*

— Ага, — произношу я.

— Так значит, никто из школы не знает, что тебе нравятся мальчики, — произносит он.

Я замечаю, как он снова избегает использования слов гей», «би», «гомосексуалист». Это идеальное время для разговора об Отэм/Мэнни/Джули/Маккене, но так легко опустить это.

В смысле, кто знает, что подслушали девочки, Мэнни до сих пор молчал о своей осведомленности, а Отэм обещала под угрозой смертной казни, что никогда ничего не расскажет. У Себастиана есть свои секреты. Думаю, нормально, что у меня будет один.

— Нет. Полагаю потому, что я встречался с девочками, большинство людей просто решат, что я натурал.

— Я все равно не понимаю, почему ты не мог просто выбрать девушку, раз можешь.

— Это все зависит от личности, а не то, что я могу сделать, — я беру его руку, переплетая наши пальцы. — Это не мой выбор. Не больше, чем для тебя.

Могу сказать, что ему не нравится, что я только что сказал.

— Но ты думаешь, что сможешь рассказать об этом большему количеству людей? Например, если ты будешь с парнем, ты сможешь быть...*открытым*?

— Все бы узнали об этом, если бы ты пошел со мной на выпускной.

Себастиан смотрит с ужасом.

— Что?

Моя улыбка подрагивает в уголках. На самом— то деле, я и хотел не хотел говорить это.

— Что бы ты ответил, если бы я пригласил?

Противоречивые эмоции сталкиваются на его лице.

— То есть. Я...не смог бы.

Крошечный клочок надежды сдувается в моей груди, но я не удивлен.

— Все нормально, — говорю ему. — В смысле, я бы, конечно же, привел тебя, но не ждал, что ты согласишься. Я даже не уверен, что готов к этому на сто процентов.

— И ты пойдешь?

Снова повернувшись лицом к небу, я отвечаю:

— Может, с Отэм, если она кинет Эрика. Мы что— то типа «+1» по умолчанию. Она хочет, чтобы я пригласил Сашу.

— Сашу?

Я отмахиваюсь рукой, типа «*не стоит даже обсуждать*».

— А ты когда—нибудь встречался с Отэм? — спрашивает он.

— Мы один раз целовались. Не было никакой магии.

— Для тебя, или для нее?

Ухмыльнувшись, я перевожу на него взгляд.

— Для меня. Не знаю, как было для нее.

Он скользит внимательным взглядом по моему лицу, останавливаясь на губах.

— Я думаю, она влюблена в тебя.

Я не хочу говорить про Отэм прямо сейчас.

— А ты.

Я могу сказать, что сначала он не понимает о чем я. Крошечная морщинка формируется между его бровей, искажая гладкую поверхность его лба.

Но потом его лицо светлеет. Его глаза расширяются.

Позже, я оглянусь на это и задамся вопросом — он поцеловал меня прямо сейчас, потому что не хотел отвечать, или его ответ настолько очевидный, что ему пришлось меня поцеловать. Но в момент, когда он склоняется ближе, перекатываясь на меня, его рот жаркий и такой знакомый для меня, все эмоции превращаются в жидкость, океаном затопляя мою грудь.

Я обнаруживаю настоящую невозможность описать, когда вспоминаю об этом моменте,

когда он прикасается ко мне, его ладони клеймят меня, кончики его пальцев оставляют крошечные горячие отпечатки на моей коже. Я хочу как— то это запечатлеть, не только чтобы запомнить, но и чтобы иметь возможность *описать*. Нет практически ни одного способа облечь в слова это яростное превращение, безумную путаницу, которой мы становимся, кроме как представить волны на пляже, неотвратимую физическую силу воды.

Единственное, в чем я уверен в тот момент, когда его прикосновения переходят из исследующих в решительные, целенаправленные, а его взгляд не сходит с моего лица, полный восторга, когда я срываюсь, что мы оба понимаем, как хорошо это, как правильно. Этот момент, и спокойные мгновения после нельзя отредактировать. Их нельзя переписать. Их нельзя стереть.

Глава 17.

Отец все еще не спит, когда я приезжаю домой, чашка чая в его руке и *ты— чуть— не— опоздал— к— комендантскому— часу* хмурая морщинка отяжеляет черты его лица.

Я чувствую, как виток извинений начинает оттягивать уголки моей улыбки вниз, но нет, эта улыбка пуленепробиваемая. Я в эхо— камере и прикосновения Себастиана отдаются по всему моему телу.

Брови папы изгибаются, как будто он озадачен моей улыбкой.

— Отэм? — спрашивает он, но кажется неуверенным. Он знает, что я не выгляжу так, когда провожу время с Отэм. Или с кем— то еще.

— Себастиан.

Его рот приобретает форму «оох», и он снова и снова кивает, пока его взгляд пересекает мое лицо.

— Вы предохраняетесь?

Боже мой.

Улыбка дрожит под весом моего унижения.

— Пап.

— Вполне закономерный вопрос.

— Нет... — я поворачиваюсь к холодильнику, открываю его и достаю колу. Противоречивые образы вспыхивают в моей голове: Себастиан на мне, придавливает меня. Папа, сидящий здесь, взгляд напряженный и несущий с собой: «Ты же знаешь, что мама убьет тебя за твою полу— непреднамеренную милость, по которой я развращаю сына епископа»

— Таннер, — не могу сказать — он хочет рассмеяться или врезать мне. Если честно, не думаю, что *он* сам знает.

— Я пошутил. Мы пока не дошли до этого.

Папа опускает свою чашку на стол, керамика скребет по столешнице.

— Тан, в итоге, вы дойдете. Я просто хочу, чтобы ты был осторожен.

Крышечка моей газировки открывается с радостным шипением.

— Обещаю, он не залетит.

Он закатывает глаза к потолку, и мама выбирает именно этот момент, чтобы войти, резко останавливаясь в дверном проеме.

— *Что?* — ее голос ровный, глаза распахнуты. Я улучаю момент, чтобы оценить ее пижаму с надписью «ЖИЗНЬ ПРОХОДИТ СЛИШКОМ БЫСТРО», выделенную радужн

расцветкой и аббревиатурой ЛГБТ,

Папа смеется.

— Ничего, Дженна. Он гулял с Себастианом, но это не то, о чем ты подумала.

Она переводит с одного на другого взгляд, хмуря брови.

— И что же я подумала?

— Что у них с Себастианом... *серьезно*.

Я бросаю взгляд на отца.

— Эй. Между нами итак серьезно.

— Серьезно, как влюблены? — спрашивает мама. — Или серьезно, как секс?

Я стону.

— Это станет огромной проблемой?

— Ничего из этого не станет проблемой, Тан, — осторожно произносит папа, глядя на маму.

Судя по их молчаливому разговору, я убеждаюсь, что мои родители проводят много времени, обсуждая мои отношения с сыном епископа, чем они говорят обо всем остальном прямо сейчас.

— Вам повезло, вы знаете, — произношу я, подходя к маме, чтобы заключить ее в огромные объятия. Она смягчается рядом со мной, обнимая меня за талию.

— С чем же? — спрашивает она.

— Я никогда раньше не доводил вас, ребят.

Папа смеется.

— Ну, парочку инфарктов мы заработали, Таннер. Так что не обольщайся.

— Но это единственное выбило почву у вас из — под ног.

Выражение его лица становится сдержаннее.

— Думаю, это намного сложнее для твоей мамы, чем она показывает, — мама угукает в мою грудь. — Все это подняло большое количество эмоций, много злости. Наверное, и немного грусти. Она хочет защитить тебя ото всего.

Ребра, кажется, слишком сильно сжимают мои легкие, и я прижимаю ее к себе еще крепче.

— Я знаю.

Ее слова выходят приглушенными.

— Мы очень любим тебя, дружок. Мы хотим, чтобы ты жил в более прогрессивном месте.

— Как только я получу письмо о поступлении, я сбегу и никогда, никогда не вернусь обратно, — отвечаю с ухмылкой.

Мама кивает.

— Я надеюсь на Калифорнийский университет.

Папа смеется на это.

— Только предохраняйся, окей? Будь осторожен?

Я понимаю, что он говорит не только о физических аспектах. Я следующим иду к нему, обнимая его за плечи.

— Ты перестанешь волноваться за меня? Все будет в порядке. Мне правда нравится Себастиан, но я помню о сложностях.

Мама шаркает ногами в сторону холодильника, чтобы немного перекусить.

— Итак, отложив в сторону его родителей и их чувства, ты же понимаешь, что его могли

исключить из колледжа за то, что он просто провел сегодня вечер с тобой? Церковь была намного понимающей, когда была маленькой я, но ты же понимаешь, что кодекс чести УБЯ не позволит ему делать все, чем бы вы там ни занимались сегодня?

— Мам, когда вы перестанете воспринимать это, как мое развлечение? — клянусь, последнее, чем я хочу заниматься прямо сейчас, — анализировать каждую кроху, почему это все неправильно. Я предостаточно обдумываю это ежедневно. — Проблема не в наших отношениях с Себастианом, проблема в правилах.

Она оглядывается поверх плеча на меня, нахмурившись. Папа встречается:

— Я понимаю, что ты пытаешься сказать, но не все так просто. Ты не можешь говорить, что только из— за несовершенства правил ты можешь творить все, что захочешь.

Кайф от прикосновений Себастиана, от того, чем мы занимались начинает стихать, и я хочу убраться отсюда так быстро, как могу. Отстойно, что все так получается с моими родителями. Мне нравится, что я рассказываю им все. Мне нравится, что они так хорошо меня знают. Но каждый раз, когда мы обсуждаем это, их беспокойство нависает мрачной тенью над светом. Оно затмевает все.

Так что я молчу. Чем больше я буду спорить, тем больше они буду невозмутимо уговаривать. Отец вздыхает перед тем, как послать мне небольшую улыбку и поднять подбородок, говоря: «Иди». Как будто он видит, что мне нужно сбежать и вылить весь этот вечер во что— то.

Я целую маму, а затем уношусь в свою комнату. Слова рвутся из моей головы, с моих рук. Все что случилось, все, что я чувствую, выливается из меня, принося облегчение.

Когда слова заканчиваются, чувства все равно переполняют мою грудь — вид Себастиана, рухнувшего обратно на капот моей машины, с ленивой улыбкой от открытия — я беру стопку стикеров и забираюсь на постель.

ДНЕМ МЫ ЗАНИМАЛИСЬ СТРОИТЕЛЬСТВОМ.

«ДЛЯ ПОМОЩИ», СКАЗАЛ ОН.

НОВЫЕ ДЕТАЛИ, НОВЫЕ МЕСТА, НОВЫЕ ЧАСТИ.

ПРОСТО ДЕЛАТЬ ЭТО И ВОСПРИНИМАТЬ, КАК ДОЛЖНОЕ.

НО ОТ ЭТОГО БЫЛО ХОРОШО, И Я СКАЗАЛ ЕМУ ОБ ЭТОМ.

ОН ПРИЛОЖИЛ ПЛАНКУ К СВОЕМУ ПЛЕЧУ

КАК ШТЫК

И Я ЧУТЬ ЛИ НЕ РАССМЕЯЛСЯ, ДУМАЯ,

ЧТО ОЩУЩЕНИЯ БЫЛИ БЫ ТАКИМИ ЖЕ, КОГДА ВЛЮБЛЯЕШЬСЯ

В СОЛДАТА НА СТОРОНЕ ПРОТИВНИКА?

Закрываю глаза.

***

Я должен был, наверное, предугадать это. Что после субботнего вечера все станет неловким на занятиях в понедельник, потому что в промежутке между этими двумя днями было очень много времени для церкви.

Себастиан не отрывает взгляда от чтения, когда я прихожу на Семинар в понедельник днем, но я знаю, что он чувствует меня так же, как и я его, потому что его плечи немного ссутуливаются, глаза прищуриваются, и он гулко сглатывает.

Даже Отти замечает. Она рядом со мной выкладывает свои книги на стол и наклоняет

голову к моей.

— Что это было? — спрашивает она, едва слышно. — У вас все нормально?

— Что? — я смотрю на него, как будто не понимаю, что она имеет в виду, и отмахиваюсь. — Уверен, что он в порядке.

Но внутри мое сердцебиение сбивается. Он не писал мне вчера. Не хочет смотреть сейчас.

Какое — то предчувствие, и тот наглый способ, каким я отвертелся от беспокойства своих родителей, кажется сейчас цапнет меня за задницу.

Ашер врывается в класс с визжащей Маккеной вслед за ним, и все помещение погружается в тишину, пока он ведет ее самым пошлым образом из возможных. Она скользит руками вниз по его спине, не переставая хихикать, а его руки в основном приклеены к ее заднице. Их появление такое нелепое, настолько пошло привлекающее внимание, что даже Буррито — Дейв недоверчиво выдает:

— Чувак, *серьезно?*

Они целуются перед всем классом, объявляя о своем воссоединении.

— Ладно, тогда, — произношу я. Злость пронзает мою грудь. МакАшер могут открыто выражать свои чувства по всему кампусу и, помимо краткого закатывания глаз, никого это не волнует. Они оба мормоны, кстати, и если я не ошибаюсь, не должны вести себя подобным образом нигде, не говоря уже о разгаре учебного дня, но разве их будут высмеивать, избегать или угрожать? Нет. Никто не станет доносить на них епископу. Их не исключат из школы. И все же они подпитывают хаос, снова сходясь вместе потому что, наверняка, им стало так скучно без слухов, что неосознанно сделали то, что заставит людей обсуждать. Я готов поспорить, что МакАшер занимались сексом во всевозможных позах, но Ашер все равно уедет на свою миссию и вернется домой и женится на приличной, мормонской девушке — возможно, даже на Маккене — и будет так же лицемерить об устоях Церкви СПД, как и все остальные. И тем временем, Себастиан все не смотрит на меня в время занятия, видимо наказывая себя за наши сравнительно невинные прикосновения в субботу.

В животе становится горько, а потом закипает.

— Думаю, что предстоящий выпускной вызвал в них любовные чувства, — произносит Отэм рядом со мной.

— Или отчаяние, — достаю ноутбук из рюкзака и снова бросаю взгляд на Себастиана. Он все еще не обернулся, чтобы посмотреть на меня.

Жаль, что я не могу кинуть ему чем — нибудь в затылок или заорать в наглуго: «АЛЛЮ, ПОМНИШЬ МЕНЯ?» перед всеми. Вместо этого я просто достаю телефон и, под столом отправляю ему короткое сообщение: «Привет, я уже здесь».

Я вижу, как он лезет в свой карман, достает телефон, читает.

А затем он оборачивается, посылая мне тусклую, небольшую улыбку через плечо, даже не встречаясь со мной взглядом — его глаза где — то над моей головой — и отворачивается обратно.

В голове каша. Мамин голос снова проталкивается на поверхность, успокаивая, напоминая мне, что Себастиан скоро уедет и на него давят так, как я никогда не пойму. Что если сейчас он впервые помолился и почувствовал себя еще хуже после этого?

Урок тянется, как огромный ствол красного дерева, пока я продолжаю накручивать себя. Практически все уже готовы, и Фуджита раздает нам советы по правке. По крайней

мере, мне так кажется. Я рад, что Отэм делает подробные заметки, потому что не улавливаю ни слова из сказанного. Вместо этого я наклоняюсь, ссутуливаясь над своими заметками, и пишу.

ЛУНА УШЛА,
ОСТАВИВ ТОЛЬКО ЖЕЛТОЕ СВЕЧЕНИЕ ФАР ПОЗАДИ НАС.
ГРЯЗНАЯ ДОРОГА РАССТЯГИВАЕТСЯ ДЛИНОЙ В ВЕЧНОСТЬ,
КАК ТОЛЬКО МЫ ОСТАЕМСЯ ОДНИ.
Я БЫ ВПИТЫВАЛ ТВОЕ ТЕПЛО НА ЭТОЙ КРОШЕЧНОЙ МАШИНЕ
КАЖДЫЙ ДЕНЬ
КАК ПАМЯТЬ О ТЕБЕ В МОЕЙ ПОСТЕЛИ.
В МОЕЙ РУКЕ, ОЧЕНЬ ТЯЖЕЛО.
ЖЕЛАНИЕ ЖИЗНИ ЗАПОЛНЯЕТ МОЮ ЛАДОНЬ
ТЫ ПРИКУСЫВАЕШЬ МОЮ ШЕЮ, КОГДА КОНЧАЕШЬ,
А ПОТОМ ЛЕЖИШЬ С ЗАКРЫТЫМИ ГЛАЗАМИ, ЦЕЛУЯ МЕНЯ.
И делаю все, чтобы не смотреть на него.

***

Я собираю вещи и покидаю класс, секунду спустя после звонка. Отэм зовет меня, но я продолжаю идти. Я напишу ей позже и все объясню. Я уже в конце коридора, когда слышу свое имя. И это не Отэм.

— Таннер, подожди.

Я сбавляю шаг, даже несмотря на то, что не хочу этого

— Привет, — я продолжаю смотреть на ряд шкафчиков рядом со мной. Мне не стоит делать это прямо сейчас. Мне обидно, я злюсь и смущен, что он избегает меня и боюсь того, что могу сказать.

— Привет? — произносит он в ответ, видимо растерянный. И не удивительно. Кажется, это первый раз, когда он стал тем, кто последовал за мной.

Стоя посреди коридора, мы как камень посреди реки, устойчивый поток учеников огибает нас вокруг. Я бы не стал описывать это место *неприметным*, но если он здесь, то и я здесь.

— Куда ты после занятий? — спрашивает он.

Не знаю, почему буря внутри меня выбирает именно этот момент зарождения. Почему сейчас? Почему в этот момент? Все было так хорошо в эти выходные. У нас был один день молчания и одно непонятное поведение на уроке и *бах* — мой мозг принимает уровень паники максимальной боеготовности.

Я возвращаюсь на гору, слушая его слова: «*Не...такой. Я не гей*».

И что сегодня, какое — то положение его челюсти, какое — то странное желание держаться от меня подальше, — все это говорит, что суббота принесла больше вреда, чем пользы. Он борется с чем — то, и даже не осознает этого. Он зарылся так глубоко в свою догму и собственный мир «*должен*», что он не может признаться себе, что он предпочитает мальчиков, что так было всегда, что это его часть, его совершенная часть, и заслуживает восхищения и уважения и места для еще чего — то подобного.

— В конце дня, — отвечаю я. — Я собирался домой.

Он качает головой.

— Точно, понял это. Таннер, мне т...

Себастиан так и не заканчивает свою мысль, потому что Мэнни подходит прямо к нам.

— Привет, парни, — произносит он, улыбаясь в нашу сторону.

Но он не просто говорит «Привет», он говорит «Привет, *парни*». Обращаясь не просто как к двум людям, а как к двум людям *вместе*. Как будто мы пара. Когда я оглядываюсь на степень реакции Себастиана, то понимаю, что он тоже заметил различие.

Господи, Мэнни. Ты не мог бы выражать поддержку немного *тише*?

— Привет, Мэнни, — здоровается Себастиан.

Я отвожу взгляд и киваю на спортивную куртку Мэнни.

— Сегодня игра? — я стараюсь сохранять голос нормальным, несмотря на ощущение начавшегося взрыва небольшого созвездия в моей груди. Я так и не рассказал Себастиану о разговоре с Мэнни. Я так и не сказал ему, что тот знает.

— Ага, баскетбол. Слушайте, мы открываем бассейн на этих выходных, и я хотел пригласить вас обоих. Будет парочка ребят со школы, несколько друзей моего брата... — он замолкает, взгляд переходит с меня на Себастиана, снова на меня, и если бы мне пришлось предполагать, как мы выглядели, основываясь по его лицу, то все плохо. Он поворачивается ко мне. — И, Таннер, это не те парни с озера. Всем будет классно, так что вам не придется волноваться или еще что.

Голова Себастиана медленно склоняется вбок, перед вопросом:

— Что ты хочешь сказать?

Воздух выбивает из моих легких.

Глаза Мэнни расширяются, и только единственным образом все станет еще более неловким, если Мэнни откроет рот с «*Вы, парни, самая милая парочка*».

— Я просто хотел... — он смотрит на меня в поисках помощи. — Прости, я видел, как вы гуляли несколько недель назад и подумал...

Вся кровь отступает от лица Себастиана.

— Мэнни... — начинаю я, но он отмахивается от меня.

— Не, парни, я понял. Как бы то ни было. Вы оба приглашены, или каждый из вас, по отдельности, как подойдет лучше, — он такой простодушный парень, и я надеюсь Себастиану спокойно от того, что очень очевидно Мэнни так или иначе нет никакого дела вместе мы или нет, но Себастиан похож на статую рядом со мной. Бросив короткий взгляд через плечо Мэнни уходит, а Себастиан поворачивается ко мне.

Ох, блин.

— Что ты сказал ему?

Я поднимаю руки вверх.

— Полегче... я ничего не *говорил* ему. Он всего лишь сказал, что видел, как мы гуляли.

Господи. В который раз? Их было так много, и каждый раз мы находили уютное местечко на горе и целовались так, будто находились за закрытыми дверями. Сама мысль, что Мэнни увидел что — то из этого... что, возможно, кто — то был с ним... в животе у меня, как в бурлящем котле.

Себастиан поворачивается, и его профиль — портрет непроницаемой злости. Это, наверное, первая секунда, когда я ощущаю нас настоящей парой. Как иронично, что это происходит в школе, в коридоре стало свободнее, но несколько отставших стоят то тут, то там, и понятия не имеют, что мы вместе, что мы целовались, что я видел, как он выглядит, когда теряется в наслаждении, что я видел, как он плачет и сжимал его руку. Что я видел его

великодушные и ощущал ту гордость, когда понимал, что он — мой. Ни один из этих моментов не кажется настоящим, как у пары, как прямо сейчас, когда я знаю, что мы серьезно поспоримся.

— Что было на озере?

— Пара парней вели себя, как мудаки, и он подошел к нам с Отэм после и сказал...

Его голос повышается на несколько октав.

— Отэм тоже знает?

Кто— то проходит мимо, и Себастиан пугается внимания, перестраивая свои черты в маску и выдает тихое:

— Привет, Стелла.

Когда она уходит, я веду его к двери рядом, на парковку. Снаружи ни души — ни учеников, ни учителей, практически никого на тротуаре — но даже при таком затишье Себастиан сохраняет приличную дистанцию от меня. *Дистанцию мормона*, явлит мой разум.

— Я хочу сказать, очевидно, Мэнни видел нас. Он подходил ко мне с Отэм, когда мы уезжали с озера — потому что один назвал другого педиком — и сказал, что сожалеет. Это было неловко — как и там, — произношу я, показывая на коридор. — И Отэм заваливала меня вопросами около двух часов.

— Таннер, это очень плохо, — Себастиан сверкает взглядом на меня, а затем отводит его, медленно выдыхая. Я представляю себе огнедышащего дракона.

— Слушай. Мэнни видел нас. Не только меня — *нас*. И я вообще — то не размахиваю повсюду радужным флагом. *Я не рассказываю никому, что би*. Отэм — моя лучшая подруга — даже не знала до прошлой недели, и я не рассказывал ей о *тебе*. Я говорил, что у меня есть чувства к тебе, а не то, что они взаимны.

— Я просто подумал...после вечера субботы... — он качает головой. — Я подумал, что, возможно, ты рассказал что— то Мэнни или Эрику.

— С чего бы? — я понимаю, что не должен произносить следующую часть: это по— детски и мелочно, но мой рот не получает этого сигнала: — Разве что, ну знаешь, я захотел обсудить с кем— то важное эмоциональное событие в моей жизни.

Его голова резко дергается.

— Что это значит?

— Только то, что было бы приятно услышать тебя вчера и добиться хоть какого— то подтверждения от тебя сегодня, что ты *увидел* меня и не психуешь.

— Таннер, я был вчера *занят*.

Ох, ощущения, как от пощечины. Открытой ладонью, с отпечатком на моей щеке.

— Много церковных занятий, полагаю.

Себастиан подхватывает это и его несет:

— Именно этим мы занимаемся по воскресеньям. Пусть твоя мать научит тебя тому, как у нас все происходит. Если она помнит.

Раз...

Два...

Три...

Четыре...

Пять...

Я продолжаю считать. Я напоминаю себе, что он просто напуган. Я напоминаю себе, что он растерян. Если бы я мог отступить назад в эту секунду, я знаю, что сказал бы себе:

«Это не твоя битва. Это битва Себастиана. Дай ему время. Но разве она и не моя тоже? Хоть немного? Разве мы в этом не команда, пробираемся впервые вместе?»

Он отворачивается от меня, запуская руку в волосы и нарезая круги по небольшому уголку парковки. Он выглядит так, будто вот— вот сбежит. Забавно осознавать, что это, наверное, именно то, что он хочет, потому что видимо, что он не желает продолжать эту дискуссию здесь. Он не хочет этого *нигде*. Он хочет быть вместе без ожиданий и обсуждений. Как сформировавшаяся туча — нависает сейчас здесь, уходя куда— то в неясное будущее, неопределенность.

Поэтому я спрашиваю его:

— Ты вообще представлял, что когда— нибудь расскажешь своим родителям, что ты — гей?

Могу сказать, что он даже не удивлен, как я быстро переключаюсь. Нет никакой тревоги, никакого двойного смысла. Он сильнее хмурится, и отходит еще дальше от меня.

— Мне нужно выяснить много всего о себе, перед тем как заводить подобный разговор с ними.

Я впиваюсь в него взглядом.

— Себастиан? Ты — гей?

Конечно, это так.

Да ведь?

Он смотрит на меня так, будто совсем не знает.

— Не знаю, как отвечать на это.

— Либо да, либо нет, вроде как.

— Я знаю, кем хочу быть.

— *Кем хочешь быть?* — какого хрена это вообще означает?

— Я хочу быть добрым, щедрым и любить Христа.

— Но какое отношение это имеет к моему вопросу? Ты *уже* такой человек. Ты замечательный, заботливый и верный. Все эти качества создают из тебя человека, которого я люблю. Ты *уже* такой. Статус гея не изменит этого.

И я вижу тот переломный момент, момент, когда слово оседает на его коже, когда оно впитывается. Я сказал это. Не «гей». Я сказал «люблю».

Он произносит очень тихо мое имя, а затем смотрит в сторону.

Он даже не смотрит на меня, а я только что сказал ему, что люблю его.

Каким— то образом следующий вопрос кажется намного значимее, чем предыдущий.

— Себастиан, ты слышал, что я сказал? Я люблю тебя. Это вообще как— то отложилось?

Он кивает.

— Отложилось.

Он краснеет, и я замечаю, как румянец задерживается, и знаю, что это счастливый румянец. Я вижу это. Знаю оттенки эмоций. Насколько это странно?

Ему нравится слышать, что я люблю его, но одновременно нет.

— Это слишком много для тебя, — произношу я. — Не так ли?

— Да, — отвечает он. — В смысле, честно говоря, это перебор. Дело даже не в том, что ты спросил до этого... — его голос обрывается, и он украдкой оглядывается. — Гей я или нет? Такое слишком говорить мне сейчас, потому что у меня выходит книга, и я собираюсь на миссию, и еще много чего.

— Так значит просто *неудобно* слышать, как я говорю, что люблю тебя?

Он морщится.

— Таннер. Нет. Я просто хочу сказать, я не уверен, что смогу дать в ответ тебе то же самое, что ты хочешь дать мне.

— Нет причин в моем желании *подарить* тебе мои чувства, — мне на самом — то деле смешно от этого. — Просто это то, *что я чувствую*.

Он смотрит на меня, как на больного.

Как будто не верит мне.

— Я люблю тебя за то, кто ты есть, не за твой румянец, твои глаза или то, что ты заставляешь меня испытывать, когда прикасаешься ко мне, — говорю я, и он снова краснеет. — Все, что я люблю в тебе, никуда не исчезнет, когда ты уедешь в свой книжный тур, и никуда не исчезнет, когда ты уедешь на миссию. Я все еще буду здесь, и я все еще буду думать обо всем этом. Я все равно буду работать над этим, чтобы стать лучшим человеком, лучшим другом, лучшим сыном. Я все равно буду думать — каково было бы стать лучшим парнем для тебя. А ты будешь на миссии, думая о том, как сильно не хочешь быть геем.

Он злится, могу сказать. Мой первый инстинкт — пожалеть, что я не могу забрать свои слова обратно, но он исчезает, как дым, когда реальность доходит до меня: я был серьезен в каждом слове, которое произнес.

— Я не буду думать... — начинает он, но затем отворачивается, его челюсть подрагивает от злости.

— Так это все? — спрашиваю его. — Мы достигли предела того, что ты хочешь отдавать?

Она качает головой и говорит:

— Ты хочешь, чтобы я был тем, чем не являюсь.

Чем. Не кем, а *чем*.

— Я только хочу, чтобы для тебя было нормально то, кто ты *сейчас*. Я знаю, что не единственный здесь испытываю чувства.

Он прицеливается и стреляет, его лицо — маска спокойствия.

— Думаю, нам нужно расстаться, — Себастиан замолкает, наблюдая, как каменеют мои органы и крошатся внутри. — Это больше не правильно.

***

Остаток дня трудно объяснить.

Я ушел сразу же после вырвавшихся из его рта слов, и даже сейчас я действительно не помню, что делал. Может, сходил к озеру. Ездил кругами, кругами, кругами.

Когда становится темно, и мой телефон светится миллионами сообщений от Отти и ни одним от Себастиана, я разворачиваю машину, тихо паркуюсь на тротуаре у ее дома.

Я никогда раньше не замечал, что в ее комнате пахнет ванильными свечами, и что от ее лампы идет успокаивающее голубое свечение. Я никогда не замечал раньше, как поэтапно она обнимает. Она обхватывает меня руками, а затем сжимает, а затем сжимает еще крепче, и в моей голове мы смещаемся на иной уровень комфорта, от «*эй, что случилось?*» до «*Таннер, поговори со мной*» и «*Боже мой, что стряслось?*»

А затем мы достигаем еще одного уровня, потому что она уговаривает меня. Ее ладони на моем лице — я плачу, я не знал — а она целовывает мои слезы, а я бормочу. Я

признаюсь, что мы с Себастианом были вместе. Я рассказываю ей о том, что случилось, как он все закончил, каким ничтожным я себя чувствую.

Ее губы около моих, на моих, открываются от удивления, а потом от нечто большего.

Я облажался.

Вот где я уничтожаю все.

Глава 18.

Не знаю, что я творю. Я определенно не должен быть здесь. У меня красные глаза, а волосы в беспорядке. Я все еще был в одежде, в которой спал, за исключением (а) я принял душ в ту же секунду, как приехал домой и (б) я все равно не спал. Я разбит.

Я сканирую взглядом коридор по пути к ее шкафчику. Обычно ее легко вычислить в толпе. Ее рыжие волосы — всполох огня в океане синего и джинсового, а ее голос может донестись от одного конца школы до другого, как ни у никого из моих знакомых.

Ничего.

Я кручу круговую шкалу на ее шкафчике, вправо, влево, и снова вправо, только чтобы увидеть, что ее пальто и рюкзак тоже отсутствуют.

Твою мать.

Звенит звонок, и ученики расходятся по классам, и коридор медленно пустеет. Адреналин смешивается со страхом, пока я стою в коридоре, предвидя мягкий *стук* обуви нашего директора по линолеуму. Я должен быть на Современной литературе — с Отти, которая так и не перевелась на Шекспира. Я захожу в класс, оглядываюсь достаточно для того, чтобы заметить ее пустующий стул, и разворачиваюсь. Я собираюсь прогулять и будь что будет, потому что слишком психую и беспокоюсь, чтобы сидеть и обсуждать Джеймса Фрея и его фальшивую драму.

Но домой идти не хочу. У моего отца сегодня выходной, и даже несмотря на то, что мне все равно придется поговорить с родителями, я не готов видеть этот взгляд — разочарование, смягченное жалостью — который скажет мне, что они знали, что все так и будет, что это был всего лишь вопрос времени, перед тем как все взлетело на воздух у меня на глазах. Я заслуживаю каждого «*я же говорил*», потому что они были правы, во всем.

Наверху лестницы есть скамейка вне пределов видимости учителей и администраторов, обходящих коридор в поисках идиотов — прогульщиков, как я, кто не достаточно сообразителен, чтобы свалить с территории школы. Я сжимаю телефон в руке, молясь на несколько вдохов, чтобы там что — то было, когда я включу его. Но ничего. Ни одного нового уведомления.

Отти не отвечает на звонки с прошлого вечера. От отчаяния я открываю ее контакт и нажимаю на «домашний» номер. Проходит два гудка, прежде чем линию заполняет голос.

— Алло?

— Здравствуйте, миссис Грин, — я сажусь прямее и прочищаю горло. Обычно я разговариваю с мамой Отэм чуть ли не так же, как со своей матерью, но внезапно я начинаю нервничать. Рассказала ли ей Отэм о том, что произошло? Она знает, что я натворил?

— Привет, Таннер.

— Отэм не рядом случайно? — я вытираю свободную ладонь об джинсы на моем бедре.

Спустя секундное молчание, я понимаю, что даже не знаю, что скажу, если она подойдет к телефону. Что люблю ее — даже если не так, как нужно ей? Что мы совершили

ошибку — я совершил ошибку — но она все равно нужна мне в моей жизни? Будет ли всего этого достаточно?

— Рядом. Бедняжка проснулась с какими— то желудочными проблемами, и пришлось остаться дома. Разве она не писала тебе?

Табличка «выход» сияет зеленым над лестницей, и я зажмуриваюсь. Я выбрался из кровати Отэм и ушел не оглядываясь. Когда я, наконец, привел мысли в порядок, она не отвечала. Я писал письма на почту, звонил и скидывал смс— ки.

Я тру глаза основанием ладони.

— Я, наверное, не заметил.

— Мне жаль, Тан. Надеюсь, ты не прождал ее сегодня утром на улице.

— Нет. Она не спит? Возможно поговорить с ней? — мой голос — чистое, хрупкое отчаяние. — Тут тест по математике, и я понадеялся, что в ее шкафчике есть заметки.

— Она спала последний раз, когда я проверяла ее. Я могу разбудить ее, если нужно.

Я колеблюсь.

— Нет. Нет, все в порядке.

— Я просто уйду на работу, но оставлю ей записку на двери. Она увидит ее, когда проснется.

Я держу голос ровным достаточно долго, чтобы завершить звонок, и пихаю телефон обратно в карман.

Звонок звенит, и коридор снова заполняется и пустеет, но я не шевелюсь. Я даже не знаю, сколько времени.

Я представляю, что похож на статую: сижу на лавочке, обрамленный большим окном за моей спиной. Я сгибаюсь в талии, локти на колени, смотрю в пол, и пытаюсь заставить себя полностью замереть. В голове хаос, но пока я тут сижу, не шевелясь, в ней тоже все начинает успокаиваться.

Легко понять, что я — козел, что повел себя импульсивно — как и всегда — и потенциально разбил еще одно сердце, чтобы отвлечься от истерзанного состояния своего собственного. Я сижу и начинаю представлять, что вырезан из чего— то холодного и бесчувственного. Не уверен, замечают ли меня люди или просто говорят, что мне нужно побыть одному, но я вижу, как мелькают ноги передо мной, и никто не окликает.

Кроме одного.

— Таннер.

Я поднимаю глаза, пугаясь, и смотрю на Себастиана, остановившегося на полпути на лестнице. Он делает один пробный шаг, а затем второй, пока ученики пробегают мимо него, надеясь успеть на третий урок до последнего звонка.

Он тоже хреново выглядит, впервые в жизни. Меня поражает, что среди всего остального, я едва вспоминал его. Мне рассказать ему об Отэм? Несмотря на то, что он сказал вчера, он здесь — и мы все еще вместе?

— Что ты здесь делаешь?

Он направляется ко мне, руки затолканы в карманы худи, и останавливается, когда достигает верхней ступеньки.

— Я приходил к тебе домой.

— Меня там нет, — я бесстрастен. Я не хочу, казаться таким, но так получается. Статуя растрескивается намного медленнее, чем ожидалось. Может, это я холодный и безэмоциональный.

— Да, я уже понял, когда открыл твой отец, — Себастиан не виделся с моим отцом с того дня, как тот застукал нас, и он должно быть тоже об этом думает, потому что румянец высоко поднимается по его щекам.

— Ты разговаривал с моим отцом?

— Всего минуту. Он милый. Сказал, что ты в школе, — он опускает свой взгляд на ноги. — Не знаю, почему я сам до этого не додумался.

— А разве *ты* не должен быть на учебе?

— Ну да.

— Прогуливаешь, — я пытаюсь улыбнуться, но улыбка кажется гримасой. — Так значит, идеальный Себастиан не такой уж и идеальный.

— Думаю, мы оба знаем, что я не идеальный.

Я даже не знаю, как вести этот разговор. О чем мы говорим?

— Зачем ты пришел?

— Я не хотел оставлять все так, как было вчера.

Только от упоминания этого мой желудок ухает.

— Разрыв, ты имеешь в виду?

Лицо Отэм всплывает в моих мыслях, ощущение того, что мы натворили, и тошнота подступает к горлу. Я искренне волнуюсь, что меня стошнит, и откидываю голову к потолку, втягивая воздух.

— Да, — тихо произносит он. — Я уверен, что было ужасно сказать то, что ты сказал и получить такой ответ от меня.

Я опускаю на него взгляд, чувствуя тяжесть слез под нижними веками. *А что я сказал?* Я хочу, чтобы он признавал слова.

— Ага. Довольно ужасное ощущение, когда я говорю тебе, что люблю, а ты расстаешься со мной.

Снова этот румянец, и я практически вижу восторг, который он ощущает, когда слышит три этих слова. Это глупо, но и так несправедливо, что он может радоваться чему— то, что кажется веревкой стягивает мою грудь, и стягивает все сильнее, сколько я повторяю их.

Он сглатывает, и мускул подрагивает на его челюсти.

— Мне жаль.

Емужаль? Я хочу рассказать ему, что натворил — потому что это было дважды предательством — но не думаю, честно говоря, что смогу произнести слова, не сломавшись. Прямо сейчас, мы говорим достаточно тихо, что нас никто не слышит. Но если я сломаюсь и начну плакать? Для всех станет очевидно, какого рода между нами разговор. Я не готов к подобному, и даже после всего, я хочу его защитить.

На его лице идеальное, терпеливое выражение. Я уже вижу в этот момент, каким прекрасным миссионером он станет. Он выглядит заботливым и абсолютно искренним, но каким— то образом... безмятежно отстраненным.

Я встречаюсь с ним глазами.

— Ты когда—нибудь представлял меня в своей жизни после этого семестра?

Он на мгновение кажется растерянным. Я знаю это, потому что будущее — всегда было абстрактным понятием. У него были планы, конечно — книжный тур, миссия, возвращение домой, завершение учебы, наверное, знакомство с какой—нибудь милой девушкой и следование плану Господа — но меня никогда не было в них. Может, рано утром или в каком—то секрете, темном уголке его сознания, но ни в одной настоящем, значимом плане.

— Мне кажется, я не так много представлял, — осторожно произносит он. — Я не знаю, как пройдет книжный тур — я никогда в них не ездил. Я не знаю, каково будет уехать на миссию — я никогда не делал этого. Как никогда не делал этого тоже, — он указывает между нами указательным пальцем, и это кажется каким-то обвинительным, как будто я втянул его в это.

— Знаешь, чего я не понимаю? — спрашиваю я, проводя ладонью по лицу. — Если ты не имел ни единого намерения, чтобы кто-то узнал или это что-то бы значило, тогда зачем ты водился со мной перед своей семьей и церковью? Ты *хотел*, чтобы тебя поймали?

Что-то вспыхивает на его лице, и спокойная, отстраненная маска слетает. Разве эта мысль никогда не приходила в его голову? Его рот открывается и закрывается снова.

— Я... — начинает он, но больше нет места легким ответам или остроумиям из церковного руководства.

— Я знаю, ты говорил, что молился и молился и, что Бог сказал тебе, что быть со мной не плохо, — на этом Себастиан разрывает зрительный контакт, чтобы оглянуться за спину, и убедиться, что мы все еще одни. Я подавляю разочарование — он пришел сюда за мной, ради всего святого — и продолжаю. — Но когда ты занимался этим, ты вообще задумывался о том, насколько это подходит твоему будущему, и тому кто ты есть, и что означает быть геем?

— Я не...

— Я знаю, — рычу в ответ. — Я *понял* уже. Ты *не гей*. Но ты когда-нибудь заглядывал в себя, пока молился и пытался найти росток того, кто ты есть, вместо того, чтобы снова и снова просить у Бога *разрешения* взглянуть?

Он больше ничего не говорит, и мои плечи опускаются. Я просто хочу уйти. Без единого предположения, зачем он искал меня, я не могу исправить все за нас двоих. Себастиан собирается уйти, и я должен позволить ему.

Я встаю впервые за то время, что кажется часами. У меня слегка кружится голова, а кровь вся оттекает к ногам, но приятно двигаться, иметь новую цель: Отэм.

Я подхожу и останавливаюсь рядом с ним, наклоняясь ближе, чтобы прошептать и уловить его такой знакомый запах.

— Мне, на самом-то деле, плевать, если ты разобьешь мое сердце, Себастиан. Я пошел на это, зная, что меня ждет, и все равно подарил тебе это. Но я не хочу, чтобы ты разбил свое собственное. В твоём сердце так много места отведено церкви, но есть ли там место для тебя самого?

***

Я слышу музыку, как только выбираюсь из машины. Окна небольшого двухэтажного домика Отэм закрыты, но стучащие басы ее дэт-металла грохочут об их рамы. Она сдвинулась с печали и спряталась под одеялом с дэт-металлом.

В конце концов, это хороший знак.

Обычно я подстригаю траву летом, и прямо сейчас она нуждается в хорошей стрижке; буйные клочки травы ползут по краю их подъездной дорожки. Я делаю мысленную пометку, привезти газонокосилку в конце этой недели...если Отэм позволит мне. Мы, может, даже общаться не будем.

Равномерно дыша, я звоню в дверь, понимая, что она, наверняка, не услышит этого из-за музыки. Никаких движений в доме. Я достаю телефон и снова набираю ее номер. Моя

голова дергается, когда — впервые с прошлой ночи — действительно идут гудки, а не уходит сразу на голосовую почту. Она не отвечает, и все равно меня переключает на голосовую почту. Я оставляю еще одно сообщение: *Отэм, это я. Пожалуйста, перезвони мне.*

Пихаю телефон в карман и снова пытаюсь позвонить в дверь, прежде чем усесться на ее ступеньки для длительного ожидания. Я знаю, что она дома. Мне просто придется подождать.

Я на двенадцатой машине, на двоих собачниках и одном почтальоне, проходящих мимо, когда, наконец — то, что — то слышу. Музыка отрубается так быстро, что от внезапной тишины в моих ушах звенит.

Я оборачиваюсь как раз вовремя, чтобы заметить красноглазую Отэм, выглядывающую из — за двери. От спешки я встаю и чуть не валюсь с ее крыльца, и уголок ее губ подрагивает от улыбки.

В моей груди начинает пузыриться надежда.

— Я видела, как ты приехал, — говорит она и, шурясь от яркого, дневного света, выходит на крыльцо. Что означает, она знала, что я просидел здесь примерно час. — Решила, что мне лучше выйти, пока соседи не сообщили о тебе.

— Я пытался дозвониться.

— Я видела, — она вздыхает и оглядывает двор, прежде чем снова сощурится. — Может, тебе стоит зайти?

Я охотно киваю. Она открывает дверь шире и отступает в темноту, махнув мне бледной ладонью.

Ее гостиная буквально форт из одеял, таким образом, как бывает, когда ей нужно скрыться от всего мира, шторы плотно занавешены, а телевизор на беззвучном. Подушки и одеяла поглощают диван, а в углу упаковка чипсов, которая выглядит так, будто ее разорвала стая хорьков. Ее телефон спокойно лежит на журнальном столике. Экран мигает от уведомлений. Могу поспорить, что все они от меня.

Я был в этом доме тысячи раз, ужинал здесь, делал уроки, просмотрел бесчисленное количество фильмов вот на этом вот диване, но я никогда так не стоял здесь, с горой неловкости между мной и Отэм. И я не знаю, как ее снять.

Я смотрю, как она уходит к дивану, сбрасывает большую часть одеял на пол, прежде чем махнуть мне. Мы едва *разговаривали* здесь. Мы смотрим в тишине фильмы, едим на кухне, но всегда — пока были лучшими друзьями — наши разговоры проходили в ее спальне.

Я не уверен, что кто — то из нас готов подняться туда.

Мой желудок скручивает в узлы. Какой был смысл сидеть в школе, приводить в порядок мысли все утро, если сейчас я не могу придумать ни слова?

Я смотрю на нее и пытаюсь сосредоточиться. Когда я приехал прошлой ночью, она была в черно — розовой пижаме. Вспышка цвета мелькает в моей голове, вдогонку с вопросом: Она переделалась? Или сразу же залезла в душ?

Пыталась ли она смыть все то, что произошло так же быстро, как и я?

Сейчас она в спортивных штанах и в футболке Университета Юты, которую мы покупали на игру прошлым летом. Они играли с УБЯ, и мы так сильно хотели чтобы университет Юты их выиграл, что рыскали по земле в поисках счастливых центов и загадывали желание у фонтана. Такое ощущение, что это было сотни лет назад от того места, где мы сейчас находимся. Ее волосы собраны в простую косу на боку. Она, похоже, влажная. Почему я испытываю облегчение от того, что она помылась? Но мои мысли уходят по другой

касательной: я помню, как ощущались волосы Себастиана напротив моего лица, когда он целовал дорожку от моей челюсти к груди, но я не помню, были ли волосы Отэм собраны или распущены, и чувствовал ли я их вообще.

Это, похоже, вытягивает мою вину на поверхность, и вырываются слова.

— Когда я приехал, я не собирался... — я смахиваю слезу и пытаюсь сначала. — Я не собирался... делать то, что произошло. Мне было больно, и я нетрезво мыслил, и я не хотел воспользоваться тобой и...

Отэм поднимает руку, чтобы остановить меня.

— Стой. До того, как ты начнешь разыгрывать благородство, я скажу.

Я киваю. Мне так трудно дышать, как будто пробежал только что десять миль досюда.

— Окей.

— Когда я проснулась сегодня утром, я подумала, что это был сон, — произносит она, уставившись взглядом на свои колени, пальцы перебирают завязки с ее пояса. — Я подумала, что мне приснилось, как ты приехал, и мы сделали то, что сделали, — она смеется и поднимает на меня взгляд. — Мне снилось такое раньше.

Я не знаю, что сказать. Не то, чтобы это удивило меня, но увлеченность мной Отэм всегда была каким-то абстрактным понятием, ничем фундаментальным, ничем прочным, что могло бы продлиться дольше.

— О.

Что, наверняка, не очень подходящий ответ.

Она тянется и наматывает кончик косы вокруг пальца, пока не белеет кожа.

— Я знаю, ты станешь говорить, будто воспользовался мной, и думаю... в ком-то смысле да. Но не ты один. Я не солгу, когда скажу, что все связанное с Себастианом было очень тяжело для меня, Тан. По нескольким причинам. Я думаю, часть тебя всегда знала некоторые из них. Знала *почему*.

Отэм смотрит на меня, ожидая подтверждения, и у меня возникает то тошнотворное, скользкое чувство в груди.

— Думаю, именно поэтому все так ужасно, — отвечаю я. — Из-за этой *ясности* в использовании ситуации.

— Да, ладно... — она качает головой. — Но все не так просто. Наши отношения так сильно изменились за прошедшие несколько месяцев, и я думаю, что все равно пыталась понять это. Понять *тебя*.

— В смысле?

— Когда ты рассказал мне, что ты би — и господи, это делает меня просто ужасным человеком, но с тех пор между нами буквально не было больше секретов, и мне нужно было понять. Да? — я киваю, и она притягивает свои ноги к груди, устраивая подбородок на своих коленях. — Думаю, я не поверила тебе сначала. Был момент, когда я подумала, классно, теперь мне придется волноваться и о девочках и о мальчиках? А потом еще одна — может, я стану той, кто изменит твое мнение.

— О, — снова произнес я, не зная, что еще ответить. Она, понятное дело, не первый человек, кто считает, что бисексуальность — это выбор, а не то, какой ты, поэтому мне будет трудно обвинять ее в этом. Особенно сейчас.

— Ты был такой расстроенный и просто... я *знаю* тебя. Я знаю твою реакцию, когда тебе больно. Ты погружаешься в меня, в безопасное пространство своей лучшей подруги, и прошлой ночью... — она прикусывает губу, пожевывая ее, пока думает. — Я притянула тебя

к себе. Возможно, я тоже воспользовалась ситуацией.

— Отти, нет...

— Когда ты сказал, что Себастиан не любит тебя, в моей груди как будто сгорел какой-то предохранитель, — слезы наполняют ее глаза, и она качает головой, пытаясь сморгнуть их. — Я так разозлилась на него. А потом стало еще хуже, как ты мог позволить ему причинить тебе боль? Это же было так *очевидно*.

Я не знаю почему — честно, не знаю — но от этого мне смешно. Мой первый искренний смех такое ощущение, что за несколько дней.

Она тянется ко мне, притягивая мою голову себе на плечо.

— Иди сюда, идиот.

Я прислоняюсь к ней, и от запаха ее шампуня и ощущения ее руки на моей шее, пленка размытых образов проносится передо мной и срывается тихий всхлип.

— Отэм, мне так жаль.

— Мне тоже, — шепчет она. — Я заставила тебя изменить.

— Мы расстались.

— Должен пройти траурный период.

— Я хочу любить тебя так же, — признаюсь я.

Она позволяет словам просто так повиснуть между нами, а я продолжаю ждать, что они уплотнятся, станут роковыми, но ничего не происходит.

— Скоро это все будет в нашем зеркале заднего вида, — она целует меня в висок. Так говорила ее мама, наверное, тысячи раз. Прямо сейчас Отти похожа на девушку, которая постигает мудрость, и от этого я сжимаю ее еще крепче.

— Ты в порядке?

Я чувствую, как она пожимает плечами.

— Больно.

— Больно, — повторяю я медленно, пытаясь догнать.

А потом она смеется, смущенно, и тормоза резко оставляют длинный черный шрам в моей голове.

Как.

Как я мог забыть?

Как это вообще не всплыло в моей голове хоть в одну из долбанных секунд?

От ощущения, как сминает мою грудь, я заваливаюсь вперед.

— Отти. Твою мать.

Она отталкивается, пытаясь перехватить мое лицо своими руками.

— Тан...

— *Боже мой*, — я сгибаюсь, сжимая голову между своих коленей, чтобы не отключиться. — Ты была девственницей. Я знал это. Я знал и...

— Нет, нет, все в п...

Я издаю какой-то омерзительный стон, желая — в большей степени — сдохнуть на этом диване, но Отти ударяет меня по руке, вздергивая вверх.

— Хватит уже.

— Я — дьявол.

— *Прекрати*, — она, кажется, бесится впервые за прошедшее время. — Нам было больно. Мы были расстроены. Я была дома, делала уроки, читала. Я была в своем уме. Я не была пьяна. Я знала, что происходит. Я хотела этого.

Я закрываю глаза. *Вернись, статуя Таннера. Слушай, что она говорит и больше ничего.*

— Хорошо? — спрашивает она и трясет меня. — Прояви немного снисхождения ко мне и к себе. Ты был очень мил со мной, и мы предохранялись. Вот что важно.

Я качаю головой. Я помню только крошечные кадры. Большая часть которых странное, эмоциональное нечто.

— Я хотела, чтобы это был ты, — говорит она. — Ты мой лучший друг, и в каком— то извращенном смысле, это значило, что это будешь ты. Даже если ты сделал это, пытаюсь отключить голову на полчаса... — я прямо фыркаю на это, определенно это было не полчаса, и она снова меня бьет, но я вижу, что она улыбается. — Я — единственная, с кем ты совершил эту ошибку. Этот человек я.

— Правда?

— Правда, — отвечает она. Ее взгляд становится ярким сиянием уязвимости, и мне хочется врезать себе по лицу. — Пожалуйста, не говори, что ты сожалеешь. Это будет ужасно.

— Я хочу, — начинаю я, желая быть честным. — Я не знаю, что сказать на это. Нравится ли мне в каком— то роде, что я твой первый? Да, — она улыбается. — Но это дерьмово, Отти. Это должен был быть...

Она приподнимает бровь, скептически выжидая.

— Да, не Эрик, — признаю я. — Я не знаю. Кто— то, кто будет любить тебя так же. Кто не будет спешить и все такое.

— Кто не будет спешить и все такое, — повторяет она. — Честное слово, ты такой милый, что я даже понятия не имею, почему Себастиан порвал с тобой.

Я хохочу на это, что кажется убивает сразу же тишину.

— Так значит у нас все нормально? — спрашиваю я, спустя минуту или около.

— У меня — да, — Отти пробегается пальцами по моим волосам. — Ты разговаривал с ним?

Я снова стону. Это как вернуться к двери из дерьма. Я прошел через холл Ужасное Поведение Лучшего Друга и вошел в комнату Разбитое Сердце и Религиозное Ханжество.

— Он приходил сегодня, чтобы извиниться.

— Так вы снова вместе? — я люблю ее за росток надежды в ее голосе.

— Нет.

Она издает небольшой сочувствующий звук, что напоминает мне, как легко все прошло вчера.

Я думаю, мы оба осознали это одновременно. Отэм убирает руки, пропихивая их между своих колен. Я смещаюсь, чтобы сесть прямо.

— Я думаю, что он просто хотел признать, что повел себя дерьмово. И как бы я не хотел его ненавидеть, я не думаю, что он намеренно причинил мне боль.

— Мне кажется, он не думал, что все так далеко пойдет, — говорит она.

Я поднимаю подбородок, чтобы посмотреть на нее.

— В каком смысле?

— Я думаю, что сначала он был просто заинтригован. Иногда ты можешь быть таким очаровательным, каким себя считаешь. Я думаю, он увидел в тебе способ принять какое— то решение, а потом произошло обратное.

— Господи, это угнетает.

— Ужасно, что я испытываю какого— то рода жалость к нему? — спрашивает она. — Я

хочу сказать, что понимаю то болезненное ощущение, будто ничего больше не будет нормальным, но это не так. Однажды. Ты проснешься, и боли будет немного меньше, пока какой — то парень или девушка не улыбнется тебе, и ты снова станешь вести себя, как идиот.

Это звучит очень правдоподобно.

— Вся моя книга о нем, — рассказываю я. — Он собирался помочь мне с редактурой, вырезать себя из нее, заменить на кого — то другого. Я так и не отправил ее ему. Теперь все усилия насмарку, и честно я не знаю, что мне теперь делать.

Глава 19.

Я быстро уясняю, что даже если кажется, будто все нормально, после того разговора с Отти, еще не означает, что это *правда*.

Что бы там ни было нормальным — больше не так.

Отэм возвращается обратно в школу в среду, но то условное общение, которое образовалось между нами, кажется, только отдаляло нас. Мы выбираемся из моей машины, и она пытается пошутить, показывая на мою расстегнутую ширинку. Мы оба превращаемся в неловких роботов, когда я тянусь к молнии, застегивая ее. Я забрасываю на нее свою руку, пока мы идем по коридору, и она напрягается прежде, чем прислонится ко мне, и это настолько вымучено, что мне хочется смеяться. Один взгляд на ее лицо — взволнованное, с надеждой и желанием все исправить — и я пытаюсь притянуть ее в медвежьи объятия, но мы врезаемся в пару учеников, бегущих по коридору. Наше возвращение к непринужденному физическому контакту займет некоторое время.

Интересно — это из — за того, что после хаотичных, взаимных извинений, реальность, наконец — то, доходит до нас — *мы переспали*. Есть такие вещи, которые мы обычно анализировали вместе. И если бы это был кто — то другой, то я мог бы пожаловаться Отти о том, как все изменилось, но вы же видите очевидную проблему.

Я так же не обсуждаю это с мамой и папой, потому что не важно, как бы сильно они меня не любили, новость, что я сделал нечто подобное, может изменить то, каким они видят меня. Я знаю, что так и будет. Все, что они знают, что мы с Себастианом расстались, и я в плачевном состоянии.

Мамины наклейки на бампер набирают полную силу. За прошедшие три дня я получил в наволочку своей подушки послания, якобы, от Моргана Фримена, Эллен Дедженерес и Теннесси Уильямса. И сколько бы я не дразнил ее этим, я не могу отрицать, что они помогают. Я протяжно выдыхаю, когда вхожу в дом. Я никогда не стеснялся ее объятий. Мне не нужно постоянно говорить об этом вслух, чтобы дать понять, что я испытываю.

Часы отсчитывают время до выпускного, что одновременно радует и страшит — не могу дождаться, когда уже уберусь отсюда подальше, но выпускной сигнализирует о сдаче книги, и моей единственной стратегией прямо сейчас — предложить Фуджите первые двадцать страниц, сказать, что остальное слишком личное, чтобы делиться этим, и надеяться, что он поймет.

И еще плюсуется к колонке «страшит», что мы с Отти сгруппировали и не подали документы в один и тот же университет. Так что когда я получаю письма о приеме в Калифорнийский университет, Вашингтонский университет, Университет Тафтса и Тулейнский университет, Отэм принимают в Университет Юты, Йель, Райса, Северо — Западный университет и Орегонский университет. Она пойдет в Йель. А я — в Калифорнийский.

Я повторяю это снова и снова.

Отэм пойдет в Йель, Ая — в Калифорнийский.

Мы просто не могли разъехаться еще дальше. Осталось несколько месяцев, а я уже страшусь боли от этого расставания. Это вырежет полую яму внутри меня, как будто я потеряю больше, чем просто географический якорь. Я потеряю целую эпоху. Глупо ли это? Возможно. Все, похоже, ныряют с головой в окончание школы. А потом наши родители слушают нас и смеются, как будто мы все еще маленькие и ничего не знаем.

Что, скорее всего, правда. Хотя, я кое— что знаю.

Я знаю, что мои чувства к Себастиану, похоже, не тускнеют за прошедшие две недели. Я понимаю, что книга, которую я пишу, кажется врагом, рутинной работой. В ней нет сердца, и нет финала. Теперь я понимаю, то, что я считал легким — написать книгу — действительно *было* легко. Обоснованно говоря. Любой может ее начать. Закончить — вот невозможное.

Отэм предлагает заменить все имена и места, но я убеждаю ее, что это не сработало в первый раз. *Таненр* подтверждает это. Она быстро предлагает мне переписать ее, или она сама перепишет, или мы можем вместе. Она считает, что существуют миллионы способов, как я могу проработать книгу, не выдав Себастиана. Я в этом не уверен.

Оглядываясь назад, эта книга настолько простая, что даже немного неловко. Это просто история одного парня, глупая автобиография о влюбленности. Любовь терпит неудачу по миллионам причин — расстояние, измена, гордость, религия, деньги, болезнь. Чем эта история достойней?

Такое чувство, что достойней. Она кажется важной. Жизнь в этом городе — удушающая по различным причинам.

Но если дерево падает в лесу, возможно, оно не издает звука.

И если парень влюбляется в «закрытого» сына епископа, возможно, тут нет никакой истории.

***

Себастиан приходил только раз на занятия за прошедшие две недели. Фуджита сообщает нам, что тот берет перерыв, чтобы завершить собственный учебный год и вернется к тому времени, когда мы будем сдавать рукописи.

Последний раз, когда Себастиан был на занятии, он сидел в начале класса, низко склонив голову над столом с Сабиной и Леви, просматривая их финальные главы. Его волосы спадали на глаза, и он неосознанно смахивал их. Его рубашка растягивалась на спине, и я вспоминал, как видел его без нее, видел драгоценную карту его мускулатуры и костей. Находиться с ним в одном помещении после расставания было, на самом деле, болезненно. Я хочу сказать, как я могу сидеть здесь, когда ко мне никто не прикасается, и все равно испытываю *боль*. Моя грудь, легкие, горло — все ноет.

Все это время Отэм сидит рядом со мной, она сгибается от чувства вины и пытается прислушаться к тому, что Фуджита рассказывает нам о редактировании перед сдачей. Каждый раз, как она смотрит на Себастиана, она смотрит на меня, и я вижу вопрос в ее глазах: *«ты рассказал ему?»*

Но она знает ответ. Мне придется поговорить с ним, чтобы сделать это. Мы не переписываемся смс—ками, не пишем на электронку, и даже не обмениваемся записками в

папках. Я не буду лгать: это медленно убивает меня.

Когда я был ребенком, я смотрел фильм, что— то наверняка слишком зрелое для меня в том возрасте, но там была одна сцена, которая застряла в моей голове так далеко, что иногда всплывает в моих мыслях и, на самом деле, вызывает дрожь страха. В ней, женщина переходит улицу со своим ребенком, ребенок бежит вперед и его сбивает машина. Я даже не знаю сюжет, который следует дальше, но мать начинает кричать, пытается вернуться назад, отмотать, что произошло. Она настолько сходит с ума, так мучается, что за мгновение в ее голове что— то раскалывается, и она считает, что есть способ все исправить.

Я не сравниваю свой разрыв со смертью ребенка — я не настолько мелодраматичен — но это чувство беспомощности, полной неспособности изменить свою судьбу, — настолько ошеломляюще, что иногда меня начинает совершенно неожиданно тошнить. Я ничего не могу сделать, чтобы исправить что— то.

Я ничего не могу сделать, чтобы вернуть его обратно.

Я говорю родителям, что у нас не вышло, мы перегорели, и как бы сильно они не подбадривали меня, как бы сильно мы с Отэм не работали над поиском пути обратно к легкому комфорту, который был у нас прежде, это грозное облако преследует меня повсюду. Я не голоден. Я много сплю. И мне плевать на долбанную книгу.

***

Три недели спустя после нашего расставания и за восемь дней до сдачи моего романа, Себастиан сидит на моих ступеньках, когда я приезжаю домой.

Мне стыдно признаваться в этом, но я сразу же начинаю плакать. Не сказать, что я ломаюсь и рассыпаюсь по дорожке, но основание моего горла стягивает, и покалывание растекается по всей поверхности моих глаз. Может, я плачу потому, что напуган тем, что он пришел сюда, чтобы нанести еще больший ущерб, активировать то, что я испытываю только, чтобы обломать меня снова в легкой, миссионерской манере.

Он встает, вытирая ладони о свои спортивные штаны. Он, должно быть, пришел сразу после тренировки.

— Я пропустил футбол, — сообщает он вместо приветствия. Он сильно нервничает, его голос дрожит.

Мой тоже:

— Серьезно?

— Да, — он улыбается, такой улыбкой, которая начинается с одного уголка, неуверенная, больше вопросительная. Мы улыбаемся? Все классно?

Меня добивает, как пощечиной, что я — его безопасное место. Я получаю его настоящие улыбки.

Он никогда не дарил их Отэм, или Полу или Дженне Скотт, Мэнни или даже Хейли которая ненавидит, но принимает его.

Я проигрываю и улыбаюсь в ответ. Себастиан становится настоящим прогульщиком. Боже, так хорошо видеть его снова. Я так сильно по нему скучал, что создается ощущение, будто внутри меня какой— то зверь, звериный кукловод пытается направить мои руки прямо на его плечи, а лицо в его шею.

Вопрос нависает тучей над моей головой.

— Что ты здесь делаешь?

Он сдавленно кашляет и смотрит в конец улицы. Его глаза припухшие и красные, и я думаю, на этот раз он плакал.

— Я не так хорошо справляюсь. Я не знал, куда еще пойти, — теперь он смеется, крепко зажмуривая глаза. — Как — то неубедительно звучит.

Он пришел ко *мне*.

— Нет, — я приближаюсь к нему, покачиваясь, достаточно близко для прикосновения, если захочу проверить его везде и убедиться, что он в порядке. — Что случилось?

Себастиан пристально смотрит на наши ноги. Он в ботинках для помещения, и я уже люблю их на нем. Это черный Adidas с оранжевыми полосками. У меня такие же потертые кеды. Пока он раздумывает над своим ответом, я представляю, как наши ноги двигаются в танце, или наши ботинки стоят рядом друг с другом у входной двери.

Мой мозг — предательская зверюга. Он моментально переключается с «*Блин, там сидит Себастиан*» на «*Счастлива женатая парочка*».

— Я разговаривал с родителями, — произносит он, и мир останавливается со скрежетом.

— *Что?*

— Я не открывался, — тихо отвечает он, и даже услышав подобное откровение, мои ноги готовы подогнуться. — Но я предположил.

Показав жестом, что мы обойдем дом на задний двор для уединения, я разворачиваюсь, и он следует за мной.

Я бы хотел описать, что происходит в моей груди, когда я чувствую его руку, скользящую в мою, проходя мимо решетки с плющом вдоль гаража. В моей крови вечеринка, буйная и возбуждающая. Она вибрирует на моих костях.

— Ничего? — спрашивает он.

Я опускаю взгляд на наши руки, так похожие по размеру.

— Я не знаю, на самом деле.

Голос Отэм проталкивается в мою голову: *Будь осторожен*. Я перемещаю голос на первый план, но не позволяю ему отпустить мою руку.

Мы находим место под маминой любимой ивой и садимся. Трава все еще влажная от разбрызгивателей, но я не думаю, что кого — то из нас это волнует. Я вытягиваю ноги, и он тоже, прижимаясь всей длинной своего бедра ко мне.

— Что сначала? — спрашивает он, уставившись на наши ноги. — Мои извинения или моя история?

Его *извинения?*

— Я не знаю, догонит ли мой мозг это.

— У тебя все нормально... *было* нормально?

Я издаю короткий сухой смешок.

— Насчет нас? Нет. Вообще.

— И у меня тоже.

Я считаю свой пульс. Один, два, три, четыре. Птица пронзительно кричит над головой, а ветер шуршит в листве. Это дерево всегда напоминало мне мистера Снаффлепагуса из «*Улицы Сезам*». Неуклюжее, ненавязчивое и ласковое.

— Я расстался не потому, что залез на тебя, — произносит он.

— Я знаю. От этого стало бы только хуже, мне кажется.

Он поворачивается, обхватывает мою шею двумя ладонями, чтобы я смотрел в его глаза.

— Прости.

Его ладони очень теплые, и они дрожат. Я прикусываю губу, чтобы не сорваться. Себастиан приближается, неуклюже, не прерывая зрительного контакта, даже когда его губы соприкасаются с моими. Я даже не думаю отвечать. Я просто сижу так, с распахнутым от шока ртом.

— Я тоже люблю тебя, — он снова целует меня, на этот раз дольше. *На этот раз я отвечаю ему.*

Я отстраняюсь от него, потому что, возможно, мне нужно немного походить с ума, согнуться и вжаться лицом в свои ладони. Безусловно, этот момент проходит именно так, как я хотел во всех повторяющихся фантазиях. Но внутри очень много рубцов, и я не уверен, как и смогу ли начисто избавиться от них рядом с ним, внимательно наблюдающим за мной. Мне нужно как минимум полчаса на то, чтобы разобраться, как реагировать на то, что он сказал, что немного важнее, чем потянуть его на себя и уложить поверх на лужайке.

— Мне нужно минуту, чтобы осмыслить все, — произношу я. — Расскажи, что произошло.

Он кивает с горящими щеками.

— Ладно, значит, помнишь того парня, Бретта, которого обсуждали мои родители? — спрашивает он. — Когда мы подслушивали их?

Тот парень, который вышел за своего парня, и мать Себастиана больше беспокоило состояние его родителей.

— Ага. Помню.

— Он со своим парнем переехали из Калифорнии в Солт— Лейк— Сити. Кажется, там разыгралась какая— то драма в приходе насчет этого, — Себастиан переворачивает наши руки, проводя по моим сухожилиям своим указательным пальцем. — *Так ничего?*

— Думаю, нет, — смеюсь я, потому что голос дает петуха, но я даже не думаю смущаться из— за этого.

— Ну, он вернулся обратно, и мои родители обсуждали это за ужином. Мои бабушка с дедом тоже были там, — он смеется и смотрит поверх меня. — Я выбрал неудачное время для подобного, знаю, но это в каком— то роде был... камин— аут.

— Если можно так сказать.

Он снова смеется.

— Итак, ужин, они обсуждали Бретта и Джоши, а я просто отложил приборы на стол и в упор спросил их, что бы случилось, если бы один из нас оказался геем.

— Так и спросил?

— Ага, — он кивает и продолжает кивать так, будто едва верит в это. — Мне было плохо последние несколько недель. Я не знаю, мог ли вернуться к мысли, что все само рассосется. Я перепробовал все гипотезы на себе, как например, что если ты уедешь отсюда, перестанут ли меня привлекать парни? Смогу ли я однажды жениться на ком— то таком, как Манда? Но, правда в том, что я не смогу. Все мои чувства правильные только с тобой. Частично потому что ты — это ты, и частично потому...

Я тычу себе в грудь.

— Парень.

Себастиан улыбается по— настоящему.

— Да, — он замолкает, и я знаю, что последует дальше даже до того, как он произнесет это, и солнце будто выбирает именно этот момент, чтобы пробиться сквозь густые ветви. —

Я стопроцентный гей.

Из меня вырывается радостный смех.

Я закидываю руки на его шею и заваливаю.

Он смеется подо мной, позволяя мне зацеловать всю его шею и лицо.

— Я хочу сказать наименее снисходительным образом их возможных: я так горжусь тем, что слышу это от тебя.

— Я тренировался, — признается он. — Я повторял это в подушку. Потом шептал, пока ездил на велосипеде. Я повторял это каждый день после того, как мы расстались. Для меня это больше не странно.

— Потому что так и есть, — я даю ему подняться и вспоминаю, что он посреди своего рассказа. — Ладно, так значит, ты спросил их гипотетически...

— Мама сразу замолчала, — продолжает он, и обе наши улыбки спадают, потому что это больше не глупая, веселая борьба. — Папа и дед переглянулись, как будто «*ох, ну приехали*». Дед сосредоточился на резке своего стейка на очень— очень— крошечные кусочки. Лиззи встала, забрала Аарона и Фейт и вывела их из столовой, — он с болью смотрит на меня. — Лиззи, мой самый близкий друг, захотела избавить их от разговора. Как будто, *никто* не был удивлен этому.

Вот что, я думаю, ощущаешь при разбитом сердце. Я издаю какой— то искаженный, сочувствующий звук.

— И наконец, отец сказал, «Ты говоришь о поведении или влечении, Себастиан?» А он никогда не использовал мое полное имя, — он сглатывает, с усилием. — Я ответил ему, «И то и другое. Оба». И он фактически сказал, что наша семья верит, что священный акт продолжения рода может быть разделен только между женщиной и его женой, а все остальное подрывает основы нашей веры.

— То есть, фактически, что ты ожидал, — осторожно произношу я. Я хочу сказать, что это свидетельство того, как все запутанно, исходя из услышанного мной, и я думаю, что «*могло бы быть и хуже!*» — Как ты думаешь они, по крайней мере, открыты для разговора?

— Это было неделю назад, — шепчет он. Когда он поднимает глаза на меня со слезами в них, он добавляет. — Никто не разговаривал со мной с тех пор.

***

Неделю.

Неделю!

Я даже понять не могу, как можно не разговаривать с родителями неделю. Даже когда они в командировках, они звонят и проверяют нас каждый вечер, требуя детального отчета о делах, что выходит далеко за пределы их обычной, рассеянной «домашней» проверки. А Себастиан живет в доме с семьей, которая ходит вокруг него, как будто он призрак.

Я не знаю, когда именно мы меняем положение, но это происходит вскоре после его признания. Я ничего не могу сказать, чтобы все казалось менее ужасным. Я пытаюсь, но проваливаюсь, и по сути просто сосредотачиваюсь на том, чтобы уложить его на спину рядом со собой, глядя вверх на дерево, и пересказать ему все самые дурацкие сплетни, которые передавала мне Отэм.

Оох. Отэм. Мне нужно и к этому как— то прийти.

Но не сейчас. Прямо сейчас мы лежим и держимся за руки. Наши ладони становятся липкими и скользкими, но он не отпускает мою руку, как и я.

— Чем ты занимался?

— Хандрил, — отвечаю я. — Учился. Но в большей степени хандрил.

— И я, — он поднимает вторую свою руку и чешет свою челюсть. Она покрыта однодневной щетиной, и мне нравится это. — Ну, и еще в церковь ходил. Я практически жил там.

— Что ты собираешься делать?

— Не знаю, — он перекатывает голову, чтобы посмотреть на меня. — Через три недели я уезжаю в тур по книге. Честно, не думаю, что родители будут продолжать в том же духе, когда выйдет книга. Я знаю, что они гордятся. Они захотят поделиться своей гордостью со всеми.

Я совсем забыл о книге. Как будто тур просто в каком— то роде перетек в его миссию и перестал иметь какие— то закономерные цели. Я — тряпка.

— И они не захотят, чтобы кто— то увидел их скотское поведение.

Он ничего не отвечает на это, но это и не означает, что он не согласен.

— Прости, — произношу я. — Я не хочу порочить твоих родители, потому что понимаю, как вы все супер близки. Я просто в бешенстве.

— Как и я, — он ерзает, укладываясь головой на мое плечо. Следующие десять слов выходят настолько слабыми, как будто они проносились в его голове так много раз, что истончились, затерлись. — Никогда бы не подумал, что буду чувствовать себя таким никчемным.

Это как ножом в живот, и я моментально хочу, чтобы он нахрен убрался из Прово. Я надеюсь, что его книга разойдется миллионами копий за неделю, и все будут с ума сходить от того, какой он классный. Я надеюсь, что его эго возрастет до громадных размеров, и он станет несносным — ничем не похожим на этот его дрожащий голос, снова произносящий эти слова.

Я притягиваю его к себе, и он перекатывается на бок, выпуская придушенный всхлип в мою шею.

Так много банальностей скапливается на кончике моего языка, но они все будут ужасными.

Ты удивительный.

Не позволяй никому вызывать в тебе чувство никчемности.

Я в жизни не знал никого похожего на тебя.

И все в таком духе.

Но нас обоих воспитывали больше волноваться о том, что наши семьи подумают о нас — их уважение — наше все. И в довершении всего, на Себастиана надвигается осуждение церкви, которая скажет ему, что куда бы он ни посмотрел, Бог, которого он любит, будет считать его очень грязным человеком. Невозможно представить, как исправить тот ущерб, которые они нанесут ему.

— Ты удивительный, — все равно произношу я, и он давится всхлипом— смешком. — Иди сюда, поцелуй меня. Позволь мне целовать это удивительное лицо.

***

Мама находит нас в таком состоянии — плачущей— смеющейся— и— снова— плачущей кучей под деревом Снаффлепагус — и от одного взгляда на наши лица она

переходит в режим оказания первой помощи по состоянию.

Она прихлопывает рот своей ладонью, когда видит Себастиана, и слезы сразу же выступают на ее глазах. Мама поднимает нас, обнимает меня, а затем, без слов, заключает в свои объятия Себастиана — он получает длительные объятия, пока мама тихо шепчет ему в ухо — и что — то ломается во мне, потому что я начинаю плакать еще сильнее. Возможно, она сейчас говорит ему, «Ты удивительный. Не позволяй никому вызывать в себе чувство никчемности». Возможно, она говорит ему, что понимает, через что он проходит и что все будет хорошо. Возможно, она обещает ему еженедельную доставку стикеров на бампер. Чем бы это ни было, это именно то, что ему нужно, потому что слезы в итоге прекращаются, и он кивает ей.

Солнце начинает садиться, и несомненно, он останется на ужин. Мы стряхиваем траву с наших штанов и следуем за мамой в дом. Сейчас конец весны, и не смотря на то, что довольно тепло в течение дня, температура летит камнем вниз, когда скрывается солнце, и только сейчас я осознаю, как холодно было под деревом. В доме родители разожгли камин в гостиной. Они врубают Пола Саймона на стерео. Хейли сидит за кухонным столом и бьется с домашней работой по химии черными, возмущенными царапинами карандаша.

Внезапно становится невозможным согреться. Мы смеемся, вцепившись друг в друга каким — то нереальным, классным образом — он здесь, в моем доме, с моей семьей — и я утягиваю Себастиана за собой в прихожую, вручая ему одну из своих толстовок с вешалки для верхней одежды. Она насыщенного красного цвета с белой надписью S — T — A — N — F — O — R — D спереди.

Он терпеливо позволяет мне застегнуть на нем молнию, и я восхищаюсь своим творением.

— На тебе здорово смотрится этот цвет.

— К несчастью, я уже зачислен в местный университет.

Пока, думаю я. Боже, его решение затронуть это — нас — отразится на многих вещах. Если он хочет остаться в УБЯ, он не сможет вести себя открыто, точка. Даже его нахождение здесь, по факту, нарушает кодекс чести. Но есть и другие университеты.

Это не реально. Я смотрю вглубь коридора туда, где склонились мои родители и смеются над истерической, неприязненной реакцией отца на прикосновение к сырой курице. Они оба, похоже, отложили свое беспокойство в сторонку на вечер, понимая, что нам нужно это — несколько часов, когда мы можем просто быть вместе, как любая другая пара. Единственным указанием, которое они нам дали, — помыть руки перед ужином.

— Кстати о колледже.

Я пугаюсь, когда он произносит это, потому что до меня только что доходит: прошло всего несколько недель, пока мы не были вместе, и столько всего произошло, мудрые — решения — для — будущего. Он не знает, куда я поеду в августе.

— Полагаю, ты получил ответы из множества мест?

— Угу, — я тянусь вперед, опуская молнию на его толстовке достаточно для того, чтобы открыть вид на его горло и ключицы. Его кожа того идеально оттенка и гладкости. Я хочу, чтобы он снял верх, и я сделал лично для себя снимки.

Я зависаю.

— И?

Я встречаюсь с его взглядом.

— Я еду в Калифорнийский университет.

Себастиан не произносит ни слова в течение нескольких напряженных секунд, и пульс на ее шее набирает скорость.

— Ты не останешься в штате?

Я признаюсь, поморщившись.

— Нет, — надеюсь, улыбка, которую я посылаю ему, сгладит резкость моего ответа. — Но, так же как и ты, по всей видимости.

Он немного сдувается.

— Кто знает, — его рука поднимается к моей груди, скользит открытой ладонью от моего плеча к животу. Все напряжено. — Когда ты уезжаешь?

— В августе.

— Как дела с книгой?

Желудок сжимается, и я аккуратно убираю его руку с моего пупка.

— Нормально. Пойдем. Возьмем что-нибудь попить.

Он отправляет сообщение своим родителям, сообщая, что будет поздно. Оно остается без ответа.

Думаю, я запомню этот вечер на всю оставшуюся жизнь, и я говорю это не для того, чтобы показаться дерзким или преувеличивающим. Я хочу сказать, что мои родители над чем-то веселятся — вместе, они очень смешные. Хейли хохочет так сильно, что у нее выступают слезы. Себастиан чуть ли не выплевывает воду, когда папа рассказывает свою любимую, ужасную шутку про то, как утка заходит в бар и заказывает изюм. Когда мы заканчиваем с едой, я беру руку Себастиана за столом, и родители смотрят на нас несколько ударов сердца со смесью восхищения и беспокойства. А затем они предлагают нам десерт.

Именно этого я хочу для нас. И когда бы я ни посмотрел на него, он встречает мой взгляд, а я пытаюсь сказать, *«Видишь? Вот как может быть. Так может быть каждый день»*

Но затем я вижу, как его собственные слова пробиваются мне в ответ, серьезные и напряженные мысли: *«Может. Но я потеряю все, что знаю и что у меня есть»*.

Честно говоря, я не могу винить его за то, что пока этого недостаточно.

***

Родители уходят спать только на двадцатой минуте *«007: Спектр»*. Они поднимают сопящую Хейли с кресла и помогают ей подняться по лестнице. Папа оглядывается на меня поверх плеча, посылая один полу-подбадривающий, полу-напоминающий-никакого-секса-на-диване взгляд, а затем исчезает.

И тогда мы остаемся одни, в гостиной, со странным голубым свечением телевизора и огромной почти нетронутой чашкой попкорна перед нами. Поначалу мы не двигаемся. Мы уже держимся за руки под наброшенным одеялом. У меня продолжают всплывать осознания — интересно у него такие же — когда я на самом деле не верю в то, что он здесь, что мы снова вместе, мои родители только что проводили время со мной и моим парнем, как будто это что-то естественное, непроблематичное.

Но тот голос, что сидел в моей голове все эти дни, прочищает горло, и я понимаю, что больше не могу откладывать.

— Мне нужно рассказать тебе кое-что, — произношу я.

Он оглядывается на меня. Левую сторону его лица подсвечивает телевизор, и

комбинация его острой челюсти, скул и легкой обеспокоенности на лице делает его похожим на Терминатора.

— Давай.

— Я облажался, — делаю глубокий вдох. — После того, как ты бросил меня, я был разгромлен. Я вообще не помню большую часть того дня. Я знаю, что проездил несколько часов по кругу, а потом поехал к Отэм. Я плакал, и не совсем ясно мыслил.

Могу сказать, что он *понимает* все в ту же минуту, как я произношу это, потому что он резко вдыхает через нос, как бы говоря «Ох».

Кивнув, я выпускаю медленное сожаление:

— Да.

Он кивает, отворачиваясь обратно к телевизору.

— Она в порядке. Я в порядке. Мы обсудили это, и естественно это странно, но мы справимся. Я просто... не хотел скрывать этого от тебя.

— Просто, чтобы убедиться, что я правильно понял: ты с ней переспал?

Я медлю, стыд и вина давят весом на мои плечи.

— Да.

На его челюсти дергается мускул.

— Но ты не хочешь *встречаться* с ней?

— Себастиан, если бы я хотел встречаться с Отти, то я был бы с Отти. Она моя лучшая подруга, и я приехал к ней домой, потому что был убит горем. Я понимаю, что звучит совершенно безумно, но мы перешли в странный, комфортный водоворот, который закончился сексом.

Я думаю, ему становится смешно, вопреки его воле. Но он смотрит на меня.

— Не очень приятно.

— Я знаю.

Он поднимает руку и рассеянно растирает грудь своим кулаком. Я поднимаю его руку, чтобы поцеловать костяшки пальцев.

— Я знаю, что все испортил, — он произносит тихо. — Думаю, я не могу реагировать так, как хочу.

— Ты можешь. Я понимаю. Я бы сошел с ума, прямо сейчас, если бы ситуация была обратной.

— Но ты не можешь говорить мне, что делать, после того, как бросил меня.

Видимо, побеждает его спокойная сторона. Не уверен испытываю ли я облегчение от этого или жалею, что он не показал небольшую вспышку ревнивой ярости.

— Думаю, нет.

— Но если мы вместе, то ты только со *мною*, так? — спрашивает он. — Даже если я уеду?

Отстранившись, я секунду изучаю его.

— Мне казалось, что ты не можешь состоять в отношениях, когда уедешь.

Он опускает голову.

— Я еще должен решить, каким правилам последую, а каким — нет.

— Храня все о себе в тайне?

Себастиан поворачивается ко мне, прижимаясь лицом к моей шее и мило рычит.

— Я еще не знаю, — его слова выходят приглушенно. — Я так много люблю в церкви. Общение с Богом кажется инстинктом, как будто это вшито в меня. Я не могу себе

представить, что буду делать, если уйду. Это так же, как стоять в пустом поле и пытаться указать на четыре стены. В моей жизни просто нет никакой основы без церкви.

Интересно, что если ему придется уехать, что если перед ним встанет такой двойной выбор.

— Может, все намного проще в приходах в других городах, — предлагаю я. — В Лос-Анджелесе, например.

Он смеется на это и впивается своими зубами в мою ключицу.

Мы замолкаем на некоторое время.

Я одним ухом прислушиваюсь к звукам шагов на лестнице, а вторым — к звукам, которые Себастиан издает рядом со мной.

Глава 20.

Мудрый совет: Никогда не пытайтесь спать маленькой ложкой на диване. Вы упадете, это во— первых, и проснетесь с судорогой в шее, это во— вторых. И скорее всего, когда вы просыпаетесь в одиночестве на полу, а ваш отец смотрит сверху— вниз на ваш обнаженный торс, усыпанный шелухой от перевернутой чашки с попкорном, ждите наказания.

— Себастиан *ночевал здесь?*

— Эм... — я сажусь прямо, когда отец задает свой вопрос, оглядывая комнату. Даже не глядя в зеркало, я могу сказать, что мои волосы стоят торчком. Я снимаю острое ядро попкорна с места, где оно очень опасно лежит рядом с моим соском. — Я, на самом— то деле, не знаю. Кажется, он испарился.

— Как и твоя футболка?

— Пап...

— *Таннер.*

Очень тяжело воспринимать его серьезную интонацию, когда он стоит в пижамных штанах с Коржиком, которые Хейли подарила ему на Рождесхануку два года назад.

— Ты опаздываешь, — произносит он и отворачивается. Но я улавливаю вспыхнувшую ухмылку. — Одевайся и поешь чего—нибудь.

Я хватаю чашку с хлопьями и уношусь прямо в свою комнату. Мне нужно много чего написать.

***

Себастиан не отвечает на смайлики курицы/попкорна/пляжного пейзажа, которые я отправляю ему перед началом уроков, и он не появляется на Семинаре днем. Я отправляю на его личную почту короткое письмо, когда приезжаю домой.

«Привет, это я. Просто проверка связи. Все в порядке? Я вечером дома, если захочешь зайти

Тан...»

Он не отвечает.

Я пытаюсь игнорировать знакомую топящую боль, которая обосновывается в моем желудке, но за ужином я не голоден. Мама с папой обмениваются взволнованными

взглядами, когда они спрашивают, разговаривал ли я сегодня с Себастианом, я что— то мычу в ответ. Хейли даже предлагает помыть посуду.

Я отправляю наш резервный — смайлик с горой — на следующий день, и ничего не получаю в ответ.

Я звоню ему в обед. Звонок уходит сразу же на голосовую почту.

А дальше все мои сообщения всплывают «зеленым облачком», как будто его iMessage был отключен.

***

Ничего сегодня.

Ничего сегодня.

Прошло четыре дня с тех пор, как он был здесь, а я слышал его или переписывался.

«Таннер,

Мне очень жаль, что я ввел тебя в заблуждение насчет своих чувств или принадлежности. Я надеюсь, что отсутствие ясности не принесет тебе слишком много боли.

Желаю тебе только успехов в будущих начинаниях в Калифорнийском университете.

С наилучшими пожеланиями,

Себастиан Бразер»

Я даже не знаю, что сказать или о чем думать, когда заканчиваю читать это. Похоже, я перечитал это около десяти раз, потому что в первые девять, я не мог поверить, что правильно понял.

Открываю папку, ту, где все письма от него. Я перечитываю разные фразы, полностью сраженный отстраненностью и формальностью его письма.

«Странно, что я хочу проводить каждую секунду вместе?»

«Иногда очень трудно не смотреть на тебя на занятиях. Мне кажется, что люди, увидевшие, как я задерживал на тебе взгляд хотя бы на секунду, все поймут»

«Я все еще ощущаю твой поцелуй на своей шее»

И никакого заблуждения насчет его чувств.

***

Я отправляю официальное подтверждение на письмо о поступление в Калифорнийский университет, но руки трясутся, когда я подписываю признание, что мое поступление зависит от уровня оценок в этом семестре. Мой план — переехать к 7 августа. Но ориентируюсь на 24 августа. Я сообщаю об этом Себастиану в сообщении, но он не отвечает.

Сегодня я подсчитал: прошло шесть дней, как я отправил ему двадцать сообщений со смайликами. Безумство? Это кажется ничем в сравнение с тем количеством, без слов, которые я начал и удалил. У меня есть Отти, мама и папа, готовые выслушать меня в любое время, когда мне понадобится. Мы обедаем с Мэнни, и все проходит тихо, но на самом деле довольно спокойно провести время в тишине. Даже Хейли становится милой.

Но я всего лишь хочу поговорить с *ним*.

***

Сдача моей книги сегодня, и я понятия не имею, как должен сделать это. Себастиан появляется уже во второй главе. Фуджита говорил мне, что я должен сдать, по меньшей мере, сотню страниц, чтобы получить оценку, но он знает, что у меня их больше. Даже если я сдам ему первую сотню, то он попадет прямиком на ту часть, где Себастиан рассказывал мне, что его привлекают парни. Он попадет на то, где мы целуемся.

Самое забавное, что если вы наблюдали за мной хотя бы две минуты на занятии, то сколько бы я изменений не сделал, это не будет иметь значения. Я могу переехать в альтернативную вселенную на планету Скай— Трон— 1, назвать его Стивом, а себя — Баки, и одарить нас обоих суперсилой, и все равно будет очевидно, о чем эта книга. Я не могу ничего скрыть, когда он в одном помещении со мной, и мое сердце в каждой странице, независимо от деталей.

Если я получу «двойку» за занятия — в случае, если я не сдам готовую книгу или отдам Фуджите только двадцать страниц — я все равно закончу школу, но потеряю свой почетный рейтинг. Думаю, Калифорнийский университет все равно примет меня. Я так думаю.

Я понимаю, что финал этой книги отстойный, и едва пытаюсь сделать его хоть сколько — нибудь стоящим, но этот конец — то, что у меня есть. Каким идиотом я был, начав книгу о написании книги, и всего лишь предположил, что финал будет счастливым? Именно такая основа — счастливый конец, спокойная жизнь. Но полагаю, лучше, что я выучил этот урок сейчас, а не позже, не в будущем, когда я не буду жить дома, а мир не будет таким же добрым.

Я — счастливый засранец, тот, кто понятия не имеет, как устроен реальный мир.

***

Я стою перед дверью кабинета Фуджиты. Он внутри с ученицей — Джули, кажется, — которая плачет и наверняка переживает из— за сдачи своей книги, но я ощущаю странное оцепенение. Нет, это не совсем правда. Я испытываю облегчение, как будто оба моих приближающихся страха — страха, что Себастиан снова меня бросил, и страха, что придется разбираться с книгой — вот вой пройдут, и по крайней мере мне не нужно будет волноваться ни из— за одного из них.

Когда приходит моя очередь, я вхожу внутрь. Фуджита смотрит на ноутбук в моих руках.
— Ты не напечатал копию?

— Нет.

Он пристально рассматривает меня, озадаченный этим.

— Мне нечего сдавать.

Очень похоже на разряд тока, когда слышишь учительское:

— Чушь.

— Нет, — переступаю с ноги на ногу, чувствуя дискомфорт от его пристального внимания. — Я кое— что написал, но не могу это сдать. Я даже не могу сдать вам сто страниц.

— Почему?

Я даже это объяснить не могу. Я смотрю мимо него, на беспорядок его стола.

— Каких действий ты от меня ждешь? — тихо спрашивает он.

— Завалить меня.

— Присядь, — произносит он. — Возьми перерыв на пять минут и задумайся над этим.

Ты из ума выжил?

Да, выжил. Какое еще может быть объяснение этому?

Так что я открываю ноутбук на коленях и печатаю слова

слова

слова

слова

Себастиан.

Ночью, когда Себастиан лежит без сна, он пристально смотрит в свой идеально белый потолок и ощущает, как дыра медленно обжигает его тело. Она всегда начинается под его грудиной, а затем растягивается вниз, черная и закручивается, как в целлофановую пленку.

В первую ночь, он решил, что это несварение.

Во вторую — он понял, что это не оно.

Он страшился третьей ночи, но к четвертой, он ушел спать раньше, уже предвидя, как она начнется с крошечной дырочки, а затем разрастется до пронзающего жжения, которое растянется, бурлящее и соленое, по всему его нутру. Странно, что это происходит только в момент его первого контакта головы с подушкой, запуская рой образов Таннера: его улыбку и смех, изгиб его уха, и худощавый разворот его плеч, то, как прищуриваются его глаза, когда его шутки превращаются в язвительные, за чем следует мгновенное, полное раскаяния, расширение зрачков. А теперь, вместо этого, когда Себастиан укладывает свою голову на подушку, он вспоминает, что Таннер больше него, а потом он больше не чувствует ничего, кроме боли.

Ему не нравится драматизировать, но боль лучше, чем чувство вины; она лучше страха, она лучше сожаления, и она лучше одиночества.

Когда он просыпается, боль уходит, и запах завтрака в комнате запускает череду его собственных каждодневных дел: Подъем. Молитва. Еда. Чтение. Молитва. Пробежка. Душ. Книга. Молитва. Еда. Кинга. Молитва. Еда. Чтение. Молитва. Боль. Сон.

Окончательные оценки выставят в течение двух дней, и в порыве отчаяния, Фуджита передает Себастиану три книги на прочтение и оценку. Очевидно, это был плодотворный семестр: каждый ученик сдал больше шестидесяти тысяч слов. Так складывается, что для одного человека прочитать около миллиона слов, слишком за пять дней.

Но ему не достается книга Таннера, и Себастиану тысячи раз приходило в голову попросить ее, но в итоге он выкинул эту идею из головы. Он прочитал непостижимый манифест Ашера, неуклюжую мистику Буррито— Дейва, и исключительно качественно проработанный триллер про ЦРУ Клайва. Он набросал краткие отзывы о сильных и слабых сторонах каждой работы. И предложил оценки.

Он сдает книги на два дня раньше, предоставляя Фуджите время пролистать их, если потребуется, перед выставлением окончательных оценок. И он возвращается домой, готовясь наверстать свой ежедневный ритуал до следующего приема пищи, только чтобы встретиться с Отэм на пороге своего дома.

На ней свитер с эмблемой «Когтеврат»¹⁸, джинсы и сланцы.

Она так же неуверенно улыбается и что— то держит в сомкнутой ладони.

— Отэм. Привет.

Ее улыбка становится еще неуверенней.

— Прости, что просто так...пришла.

Он не может сдержать ответную улыбку. Разве она так быстро забыла, что люди всегда *просто приходят?*

Но немного болезненно видеть ее, потому что она может увидеть *его*, когда бы ей этого не захотелось.

— Может, зайдём?

Он качает головой.

— Наверное, лучше поговорить на улице, — дома, как внутри огромного, пушистого микрофона. В нем слишком жарко, слишком напряженно и тихо. В свои редкие вспышки свободного времени, он ищет в сети просторные, немеблированные квартиры в Атланте, Нью—Йорке, Сиэтле и Лос—Анджелесе.

— Ладно, ну, во—первых, — тихо начинает Отэм. — Я хочу извиниться. Я знаю, что Таннер рассказал тебе о том, что произошло между нами. Надеюсь, ты понимаешь, в каком беспорядке он был. Я воспользовалась ситуацией, и мне жаль.

На челюсти Себастиана вздрагивает мускул. Напоминание о том, что произошло между Таннером и Отэм, не очень классное, но, по крайней мере, оно ответит на единственный вопрос: «*Они теперь вместе?*»

— Я очень ценю, но в этом нет никакой необходимости. Никто не должен мне ничего объяснять.

Она изучает его несколько мгновений. Он даже представить не может, как выглядит со стороны. Конечно, Отэм видела горечь и раньше, и сейчас Себастиан тоже знает, как она может устроиться в крошечных уголках на лице, мышцы на которых не поддаются улыбке. Под его глазами пролегли синяки. Его кожа не такая бледная, но землистого оттенка, как будто ему недостает солнечного света.

— Ладно, ну, я все равно хотела это сказать, — Отэм открывает руку с маленькой, розовой флешкой внутри. Предательский румянец ползет по ее шее вверх. — Я хотела отдать тебе книгу.

— Разве ты не сдала ее Фуджите? — срок сдачи был два дня назад. Отэм знает об этом.

Она смотрит на него, смущенно.

— Это не *моя* книга.

Себастиан никогда раньше не ощущал той боли в дневное время суток, но вот она, есть. Под солнцем, распространяется быстро, подпитывается, как лесной пожар, сбитый до безумия на ветру. Ему требуется минута, чтобы вспомнить, как говорить.

— Где ты ее взяла?

— Из его ноута.

Его сердце странно сжимает— как— в— тисках в груди, а затем оно начинает колотиться в грудину.

— Полагаю, он не знает об этом.

— Ты абсолютно прав.

— Отэм, ты должна ее вернуть. Это вторжение в его личную жизнь.

— Таннер сказал мистеру Фуджите, что ему нечего сдавать. Мы оба знаем, что это неправда. *Фуджита* знает, что это неправда.

Жар стекает с лица Себастиана, а слова выходят шепотом.

— Ты хочешь, чтобы я сдал ее за него?

— Нет. Я никогда бы не попросила тебя об этом. Я хочу, чтобы ты *прочитал* ее. Может, ты сможешь поговорить с Фуджитой, спросить его, можешь ли сам оценить ее. Я слышала, что ты оценивал несколько работ. Он знает, что Таннеру некомфортно сдавать ее, но, может, он будет рад узнать, что ты прочитал книгу. У меня нет для этого привилегий. А у тебя есть.

Себастиан кивает, уставившись на флешку в своей ладони. Желание прочесть, что на ней практически ослепляющее.

— Это будет немного конфликтом интересов для меня...

Отэм на это смеется.

— Эм, *ага*. Но я больше не знаю, что делать — если он сдаст ее, то правда о тебе вскрыется учителю без твоего согласия. Если он не сдаст ее, он провалит задание, которое составляет основную часть его оценок и поставит под угрозу свою репутацию в Калифорнийском университете. И мы оба знаем, что просто сменить имена — не самый легкий выход.

— Точно.

— Лично я не знаю, чем он думал, — Отэм смотрит на него. — Он знал, что в конечном итоге должен *что—то* сдать. Но именно такой Таннер. Он сначала действует на эмоциях, а потом думает.

Себастиан садится на ступеньки, его взгляд на тротуаре.

— Он говорил, что пишет *что—то* новое.

— Ты серьезно поверил в это или от этого стало проще? Он не мог ни о чем другом думать.

Себастиана заполняет это царапающее чувство раздражения; он хочет, чтобы она ушла. Присутствие Отэм, как палец, тыкающий в синяк.

Отэм садится рядом с ним.

— Ты не обязан отвечать, потому что это, скорее всего, не мое дело... — она смеется, а затем колеблется. Себастиан снова концентрируется на поиске болезненного ощущения. — Они знают о Таннере?

Его взгляд взмечается к ее лицу, и он быстро отводит его.

Знают ли они о Таннере?

Это такой большой вопрос, и ответ очевиден — *нет*. Если бы они знали о нем — действительно *знали* о его способности к нежности, юмору, молчанию и общению — он был бы с Таннером прямо сейчас. Он искренне верит в это.

— Они знают, что я заинтересовался кое—кем, и что это был он. Я не рассказывал им всего, но это неважно. Они все равно сорвались... Именно поэтому...

Поэтому он отправил то письмо.

— У нас дома повсюду висят такие вдохновляющие цитаты и фотографии, — произносит она. — Я помню одну из них «Семья — дар, который длится вечно».

— Я уверен, что у нас есть где—то такая же.

— Хотя там не было звездочки, которая бы сообщала, что «только при определенных условиях», — она подцепляет невидимую пушинку со своих джинсов и поднимает на него взгляд. — Мама избавилась от большинства из них. Кажется, она сохранила одну фотографию с их свадьбы перед Храмом, но я не уверена. Она очень злилась; все должно было отправиться на помойку.

Себастиан смотрит на нее.

— Таннер немного рассказывал о твоём отце. Мне очень жаль.

— Иногда я не понимаю мамину реакцию, но сейчас она приобрела смысл. Я знаю, что эти высказывания предположительно должны вдохновлять, но в большей степени от них создается такое ощущение, что кто— то стоит за твоим плечом, пассивно— агрессивно напоминая, где ты потерпел неудачу или почему твоя трагедия — во благо, все это план Божий. Для мамы все это стало бесполезно.

Он моргает, сползая взглядом на свои ноги.

— Ясно.

Она толкает его своим плечом.

— Я готова поспорить, что все не очень здорово сейчас.

Он наклоняется вперед, желая немного отстраниться, и устраивает свои локти на коленях. И не потому, что он не желает прикосновений, а именно потому что хочет их так сильно, что они чуть ли не обжигают.

— Они едва разговаривают со мной.

Отэм рычит.

— Шестьдесят лет назад, они были бы просто несчастны, если бы ты привел домой черную девушку. Она была бы правильной изнутри, но не с тем оттенком кожи. Понимаешь, как все это смешно? Это не самостоятельное мышление. Это решение, как любить своего ребенка, основанное на каких— то устаревших учениях, — она замолкает. — Не прекращай бороться.

Себастиан встает и стряхивает грязь со своих штанов.

— Брак — вечен, созданный между мужчиной и женщиной, и ведет к благородной, вечной семье. Гомосексуализм отрицает этот план, — он говорит абсолютно безучастно, как будто читает по сценарию.

Отэм медленно поднимается, не читая улыбаясь ему.

— Каким замечательным епископом ты станешь.

— Я должен. Я уже достаточно наслушался.

— Они расстроены, но в каком— то смысле они поймут, что ты можешь быть прав, или можешь быть любим. Лишь немногие получают и то, и другое.

Он проводит пальцем вдоль флешки.

— Так она здесь?

— Я ее не читала совсем, но разве должна была...

Он ждет один, два, три удара в молчании между ними, перед тем, как наконец— то вдохнуть.

— Хорошо.

***

Себастиан не привык избегать свою семью. Он — сын, который помогает матери с уборкой, чтобы у нее было время передохнуть перед ужином, который уходит в церковь на несколько часов раньше со своим отцом. Но в последнее время с ним обращаются, как с гостем, которого нужно терпеть. Когда машина Отэм съезжает с подъездной дорожки и исчезает в конце улицы, ему хочется вообще не заходить в дом.

Все стало напряженно с тех пор, как он спросил у своих родителей — гипотетически — что они будут делать, если один из их детей окажется геем. Видимо, отсутствие в нем явной

гетеросексуальности уже заметили и обсудили. Он подбросил спичку прямо в лужу бензина. Это было пару недель назад. Мама снова начала с ним разговаривать, но всего лишь немного. Отца никогда нет дома, потому что ему, похоже, нужно постоянно где— то быть, помогать другим семьям в их кризисах. Его дедушка с бабушкой не заезжали в выходные. Аарону в большей степени безразлично. Фейт понимает, что что— то не так, но не что именно. Только Лиззи понимает детали и — к его отчаянной боли — держится от него подальше, как от нулевого пациента¹⁹, зараженного.

Что самое ужасное — Себастиан даже не уверен, что заслуживает разбитое сердце. *Разбитое сердце* подразумевает под собой, что он невиновен в этом, жертва какой— то трагической влюбленности и в значительной степени не несет ответственности в его собственной боли. Он тот, кто действовал за спинами своих родителей. Он тот, кто влюбился, а затем бросил Таннера.

Появление Отэм что— то затронуло внутри него, и он не мог войти в дом и притвориться, что все в порядке, что новость о том, как Таннер защитил его, не перевернула его мир только что с ног на голову.

Он всегда был хорош в притворстве, но не знает, сможет ли поступать так дальше.

***

Когда шпора открылась и закрылась в третий раз, Себастиан, наконец, входит в дом. Его мать не тратит времени зря, и как только дверь захлопывается, она идет за ним по пятам.

— Отэм ушла?

Он хочет уйти прямо в свою комнату, но она блокирует ему лестницу. Он идет вместо этого на кухню, достает стакан из шкафчика и наполняет его водой. Флешка прожигает дыру в его кармане. Руки Себастиана практически трясутся.

Он опустошает стакан за несколько секунд и ставит его в раковину.

— Да, — отвечает он. — Она уехала.

Его мать огибает кухонный островок, чтобы включить миксер, и запах масла и шоколада заполняет воздух. Она готовит капкейки. Вчера было печенье. Позавчера — бискотти. Ее обычный распорядок не изменился совсем. Его семья не разваливается на части. Ничего не изменилось.

— Я не знала, что вы дружите.

Он не хочет отвечать на вопросы об Отэм, но понимает, что это повлечет за собой еще больше, если он не ответит.

— Я только наставник на ее занятиях.

Повисает тяжелое молчание. В теории он был наставником только у Таннера, так что этот ответ не слишком убедителен. Но его мать не давит. Он больше не *разговаривает* со своими родителями — они обмениваются любезностями, как «*передай, пожалуйста, картофель*» или «*мне нужно, чтобы ты покосил лужайку*» — и Себастиан чувствует, что они теряют эту способность. Он всегда ожидал, что их отношения изменятся со временем, когда у него появится больше опыта, он станет способен относиться к ним, как ко взрослым таким образом, который он никогда не понимал прежде. Но он не ожидал увидеть острые стороны и ограничения родителей так скоро и так быстро. Как будто открыть, что мир действительно плоский. Как будто внезапно пропала другая сторона чудес и приключений, которые нужно исследовать. Вместо этого, ты исчезаешь за гранью.

Отключив миксер, она рассматривает его с другой стороны стола.

— Я ни разу не слышала, чтобы ты упоминал о ней раньше.

Разве она не понимает, что он никогда в действительности не рассказывал *ни об одной* девушке раньше, даже о Манде?

— Она завезла кое— что для Фуджиты.

Себастиан наблюдает, как она соединяет факты в одно целое. Ее подозрительность возрастает, как темное солнце, на ее лице.

— Отэм же его знает, да?

Его.

— Они дружат.

— И она заезжала не для *этого*?

Только одно оскорбительное «он», и сразу же за ним одно запретное «этого».

Раздражение вспыхивает в его груди из— за того, что они не называют его даже по имени.

— Его зовут Таннер, — от произнесенного в его сердце свербит, и он хочет добраться до него и резко расчесать ногтями.

— Ты думаешь, я не знаю его имени? Это шутка такая?

Внезапно ее лицо краснеет от линии волос до горловины, ее глаза стекленеют и блестят. Себастиан никогда не видел свою мать такой злой.

— Я даже не понимаю, как мы оказались здесь, Себастиан? *Это?* Через что ты прошел? — она пронзает воздух жестко скрюченными пальцами, имитируя кавычки вокруг слова «прошел». — Это твое личное дело. Отец Небесный не несет ответственности за твои решения. Только твоя свободная воля лишает тебя счастья, — она поднимает деревянную ложку, втыкая ее в тесто. — И если ты считаешь, что я жестока, тогда поговори об этом со своим отцом. Ты и понятия не имеешь, как сильно ранил его.

Но он *не может* поговорить с отцом, потому что Дэна Бразера никогда нет дома. С того судьбоносного ужина, он оставался в церкви после работы или ходил на вызовы на дом, один за другим, возвращаясь домой, только когда все уходили в постель. Ужины обычно были полны болтовни. Теперь же только скрежет приборов и редкое обсуждение домашних заданий, и пустой стул во главе стола.

— Прости, — говорит он, как и всегда раскаявшийся сын. Он без сомнения понимает, что ее злость исходит из интенсивности ее любви. *Представьте*, думает он, *волнение*, что *ваша семья навсегда отдалится от вас. Представьте, истинную веру, что Бог любит всех Своих Детей, кроме тех, кто любит друг друга неправильно.*

Представьте, что Бог любит деревья, его мозг цитирует книгу, которую он однажды читал, *но осуждает цветение, которое происходит весной.*

Себастиан огибает центральный уголок, приближаясь.

— Она, действительно, принесла кое— что с занятий.

— Я думала, что ты закончил с ними.

— Мне нужно сдать рецензию на одну рукопись, которую мистер Фуджита еще не читал, — это не откровенная ложь.

— Но ты больше не виделся с ним? И не разговаривал?

— Я не разговаривал с ним несколько недель, — эта часть тоже правда. Себастиан держался подальше от школы, от мест, где они встречались. Он не ходил на гору. Он снова хочет быть репетитором, но знает, что искушение будет слишком велико. Будет проще

простого снова заехать к нему домой, дожидаться его после уроков.

У него даже не осталось старых голосовых сообщений. Он удалил их за несколько минут до того, как отец конфисковал его телефон.

— Хорошо, — отвечает она, заметно успокаиваясь. Она отключает миксер и начинает соскабливать с боков чашки, зачерпывая тесто в ожидающую форму для выпечки. — Ты обязан мистеру Фуджите за все, что он сделал, так что можешь прочитать эту книгу для него, если есть время. И у тебя встреча с Братом Янгом и закончи последний запрос на встречу, — его мать счастливее, когда у нее есть список дел, которые она может проверить, поручить и организовать, и Себастиан позволяет ей, даже если это единственный вариант ее общения с ним. — Заканчивай свои обязательства, а затем давай двигаться дальше, пожалуйста.

***

Брат Янг и Себастиан вместе опускаются на колени на пол и молятся, чтобы Себастиан снова стал примером для подражания, когда выйдет в мир, чтобы он все равно смог вынести что — то хорошее из всего *этого*.

Он может сказать, что Брат Янг чувствует себя лучше, когда они поднимаются, потому что у него такое выражение на лице, как у человека сделавшего что — то значимое за день. Он обнимет Себастиана, предлагает выслушать его в любое время, говорит, что гордится им. Он произносит это такой умудренный пониманием, как более взрослый человек, а ему всего двадцать два.

В любом случае, когда старейшина уходит, Себастиан чувствует себя еще хуже. Молитва — рефлекс, ритуал, часть его — но она не несет того же обещанного облегчения, как раньше. Ужин готов, но Себастиан не голоден. В последнее время, он ест потому, что лишение его тела кажется еще одним грехом, а тележка и так уже полна с верхом.

В его комнате тихо гудит ноутбук. Он включил его, как только оказался один — около часа назад — и медленно наблюдал, как умирала батарея. Эта схема становится успокаивающим ритуалом: экран гаснет, уходя в режим сна, и Себастиан поглаживает пальцем по тачпаду, чтобы снова его «разбудить».

На рабочем столе новая папка «ИСТОРИЯ ЛЮБВИ ОДНОГО ПАРНЯ», и содержит файл, который интересен для чтения, но он пока не может сделать этого. Отчасти, из — за предстоящей боли, которая он знает, станет только острее, как только он начнет читать. Но еще, было что — то чарующее в том, как организованы и ясны заметки Таннера на Семинаре. В папке есть несколько версий документа, все четко подписаны, с датами. Снимки Себастиана, подписанные.

СЕБАСТИАН, ФУТБОЛ 2014

СЕБАСТИАН, ФУТБОЛ 2014.А

СЕБАСТИАН СОЛТ — ЛЭЙК — ТРИБ²⁰

СЕБАСТИАН ПАБ — УИКЛИ²¹ 2016

СЕБАСТИАН ДЭЗЕРТ НЬЮЗ 2017

И здесь есть подвох. Эта книга ключ к мыслям Таннера. Тщеславная сторона Себастиана хочет попасть туда больше всего на свете, узнать каждую сверханалитическую подробность. Рациональная сторона понимает, что он не станет ближе к Таннеру, чем сейчас, и вообще не станет снова. Разве эта стоящая попытка? Разве не будет проще удалить папку, поблагодарить Отэм и попросить ее передать сообщение Таннеру? Что — нибудь

искреннее и окончательное, что нельзя напечатать или молча передать ему через обеденный стол — как отец поступил со всеми его сообщениями и письмами?

Он и не заметил, как в комнате снова стемнело. Себастиан скользит по тачпаду и морщится от яркости. Его руки трясутся, когда он кликает по иконке, и экран заполняют слова.

Книга начинается с мальчика и девочки, спора и крошек на постели.

Но реальность начинается с повторного взгляда и слов: «Его улыбка *погубит* меня».

***

Себастиан читает бóльшую половину ночи. Его щеки, в некоторых моментах, намокают от слез. В другие — он смеется — честно говоря, он никогда так много не веселился, пока не влюбился в Таннера. Он следует за ними на гору, вспоминает тот первый поцелуй. Он видит, как волнуются его родители — первые предупреждения Дженны теперь кажутся чуть ли не пророческими.

Он наблюдает, как Таннер уклоняется от правды, оставляет Отэм в неведении. Пульс колотится в его ушах, когда он читает о звуках, которые они издают, пальцах, губах и ладонях, что скользят ниже.

Он влюбляется в небо полное звезд.

Солнце начинает пробиваться на горизонте, а Себастиан смотрит в экран размытым взглядом. Кроме подключения ноутбука к питанию, он не шевелился несколько часов.

Он втягивает воздух, ощущая пустоту, но и нервное, безошибочное ликование. Страх. Его семья скоро проснется, так что если он собирается что-то предпринять, то нужно выходить до того как кто-то увидит это. Он мог бы просто позвонить Фуджите, объяснить личностную природу, предложить оценку.

Мышцы протестуют, когда он поднимается на ноги, отключает провод, тянется за ноутбуком и выскальзывает за дверь.

Таннер.

Таннер таращится на экран компьютера. Моргает.

Его мама наклоняется ближе, щурясь.

— На что ты смотришь?

— На свои оценки.

Она выдает восторженное: «Ох, как быстро!», а затем обхватывает его за плечи, сжимает, когда ее взгляд спускается по всему списку.

Не сказать, что это важно. Он уже собирает вещи в комнате, подготавливает потрепанную «Камри» для переезда в ЛА. Но оценки не такие ужасные. «Пятерка» по Современной литературе — не удивительна — она далась ему легко. Математика тоже. Остальное — приятное открытие, но совершенно не шокирующее. Как «пятерка» за Семинар, а он так и не сдал книгу.

Он на автопилоте тянется к телефону, набирая номер школьного кабинета.

— Мистера Фуджиту, пожалуйста.

Голос главного секретаря мисс Хилл слышится в трубке:

— Секунду.

— Что ты делаешь? — мама изгибается вокруг него, пытаясь перехватить его взгляд.

Он показывает на «пятерку» прямо по центру экрана.

— Здесь что — то не сходится, — по правде, это почти ошибкой кажется, как будто он отделался малой кровью, в чем Отэм всегда его обвиняла. Одно дело — очаровать, и совсем другое — получить выдающуюся оценку даже не выполнив единственное задание, которого стоила большая часть его оценки.

Новая линия пикает раз, затем еще раз.

— Алло?

— Мистер Фуджита? — Таннер перебирает гладкий, черный степлер на столе его родителей.

— Да?

— Это Таннер Скотт, — дальше пауза, и странно, как она многозначительно звучит. От этого тревога начинает закипать в нем. — Я только что смотрел свои оценки.

Скрипучий голос мистера Фуджиты кажется еще грубее по телефону.

— Все в порядке?

— Я не понимаю, как получил «пятерку» за ваше занятие.

— Мне понравилась твоя книга, малец.

Таннер замолкает.

— Я не сдавал вам книгу.

На том конце линии становится тихо, как будто связь оборвалась. Но затем Фуджита прочищает свое горло.

— Он не сказал тебе? Ох, черт. Не очень как — то.

— Сказал мне что?

— Ее сдал Себастиан.

Таннер зажмуривает глаза, пытаясь уловить, что он пропустил.

— Имеете в виду, первые двадцать страниц?

— Нет, — пауза. — Всю книгу.

Он открывает рот, чтобы ответить и не может придумать ни единого слова.

— Она замечательная, Тан. Я хочу сказать, у меня есть мысли о редакции, но я ничего не смог с собой поделаться, и конец у тебя отстойный, но в то же время, почему бы и нет? В целом я испытал искренне наслаждение книгой, — он замолкает, и на этот раз Таннер не способен придумать, что сказать.

Раньше, когда он читал слова «мысли прокручиваются», сама идея этого казалась раздутой. Но сейчас образы петель мелькают, как киноплёнка: его ноутбук в шкафчике; слова «я стопроцентный гей» на странице; лицо Себастиана перед тем, как он уснул на диване рядом с ним, довольное, нахальное и немножечко застенчивое; ухудшающийся, бестолковый финал его книги.

— Возможно, «наслаждение» не совсем верное слово, — произносит Фуджита. — Мне больно за тебя. И него. Я так много раз наблюдал, как разворачивались подобные истории, что даже не смогу ответить тебе. Я рад, что вы оба все выяснили.

Фуджита снова замолкает, и похоже это удачный момент что — то ответить Таннеру, но он не может. Он завис на «Я рад, что вы оба все выяснили». Недоумение — преобладающая эмоция. Он не разговаривал с Себастианом несколько недель.

— Что?

— Но я думаю, ты что — то сделал, — продолжает Фуджита, игнорируя это. — Показал

ему свое сердце. Я думаю, что так было на самом деле. И твои слова ожили. Я видел, что ты пишешь, но не осознавал *что* ты пишешь.

Этот разговор официально ушел на несколько шагов вперед Таннера, с момента, где он в последний раз понимал, какого черта происходит. Его ноутбук, насколько он знает, уложен в безопасности его комода вместе с носками, щитками для голени и парочкой журналов, которые его родители не могут отследить своим волшебным приложением.

Таннер встает и взбегает по лестнице в свою комнату. Фуджита в трубке молчит.

— Ты там в прядке?

Таннер роется в ящике. Ноутбук на месте.

— Ага. Просто...осмысливаю это.

— Ну, если захочешь заехать этим летом и обсудить мои заметки, я буду счастлив. Я буду еще здесь в ближайшие две недели или около, заканчивая дела.

Таннер выглядывает в окно на улицу, на свою «Камри», припаркованную у тротуара. Насколько безумным будет просто заявиться домой к Себастиану? Спросить, как он получит копию книги, как умудрился сдать ее в руки Фуджите?

Реальность оседает в нем, и паника начинает ползти вверх к его затылку. Себастиан прочитал ее. Целиком.

— Таннер? Ты еще здесь?

— Да, — отвечает он, голос надламывается. — Спасибо.

— Ты пойдешь на?

Он промаргивается. Над верхней губой влажно сейчас, все его тело на грани бешеной, лихорадочной дрожи.

— Куда?

— На автограф— сессию, в... — Фуджита замолкает. — О чем я думаю? Естественно, ты не пойдешь. Или пойдешь?

— Честно говоря, я понятия не имею, о чем мы разговариваем.

Таннер слышит скрип стула Фуджиты, когда тот ерзает. Может, он сел ровнее, теперь уделив внимание.

— Вчера вышла книга Себастиана.

Время, кажется, замедлилось.

— Он подписывает сегодня книги в «Desert Book» в Университи Плэйс в семь вечера. Но я не знаю, ожидают ли тебя там, — неловкий смешок, а затем. — Я надеюсь, ты придешь. Я надеюсь, что все будет так, как в моей голове. Мне нужен конец этой истории.

***

Отэм забирается в машину.

— Ты такой странный и загадочный. Куда мы едем?

— Мне нужна сила лучшей подруги, желательна активированная, — он паркует машину у обочины и поворачивается лицом к ней. — Не знаю, как это случилось, но Себастиан сдал мою книгу...

Один взгляд на цвет ее лица — пятнисто— розовый с проступившим осознанием — и он все понимает.

Он вообще не уверен, как это сразу же не пришло ему в голову. Возможно, ему нравилась фантазия, где герой Себастиан забирается в его окно, копается в ящиках в поисках

ноутбука, копирует файл и уезжает на своем верном коне (велосипеде) в школу, чтобы сдать рукопись и спасти задницу Таннера. Но естественно, этому есть более банальное объяснение: Отэм. Она прочитала ее. Отдала ее Себастиану со словами: «*Посмотри на эту разбитую душу. Ты сделал это, монстр*» и бах. Себастиана накрывает чувством вины, и он не может позволить Таннеру провалиться.

Он сделал это из жалости.

Таннер сдувается.

— Оох.

— Хочешь сказать, что он сдал ее?

— Хочешь сказать, что ты не знала?

Она наклоняется ближе, с настойчивым выражением лица.

— Я не знала, что он отдал ее *Фуджитте*. Клянусь. Я просто подумала, что он мог бы прочесть ее. Я подумала, что возможно он смог бы оценить ее. Я к нему заезжала на днях, а затем он вернул ее.

— Очень важное решение, принятое за меня.

— На эмоциях, — произносит она, только слегка раскаявшись. — И твоя книга потрясающая. Это было безумное время, окей? — она ухмыляется. — И я только что потеряла девственность.

Таннер смеется, игриво щипая ее за ногу. По крайней мере, в этом все вернулось в нормальное состояние за прошедшие несколько недель. По правде говоря, Отэм получает много поблажек, чего и добивается. Несмотря на вернувшуюся легкость между ними, ему все еще не уютно от ее давления, чтобы добиться своего.

— Ну, я получил «пятерку», — сообщает он. — И конец света не наступил. Хотя, я не могу понять, что на него нашло. Очевидно, теперь Фуджита знает, — прошло несколько дней с окончания школы. Возможно, все знают. Или, возможно, Себастиан отступил на три шага назад, обратно в шкаф. — Вчера вышла книга Себастиана, и он подписывает их сегодня в «Desert».

Глаза Отэм увеличиваются от волнения, когда она понимает, что они делают в машине.

— Нет.

— Да.

***

Очередь начинается с начала магазина и завивается змей, выходит за пределы торгового центра и дальше от «Юниверсити» почти на пол квартала. Это напоминает Таннеру аэропорт, когда столпотворение людей дожидается своих миссионеров, возвращающихся домой, у ленты выдача багажа. Когда возвращаются мормоны, они возвращаются *массово*.

Таннер с Отэм пристраиваются в конец очереди. Сейчас начало июня, и ветер горячий и сухой. Помимо возвышающихся над землей гор, город кажется бесконечно плоским. Это не совсем так, но он обладает той атмосферой заниженных ожиданий, пресным городским дизайном непритязательного городка.

Небольшой трепет зарождается в желудке Таннера, распространяя повсюду тепло. Он будет скучать по Отэм, но снова будет жить рядом с океаном.

Мужчина в клетчатой рубашке с коротким рукавом подходит к ним. В его левой руке стопка, по меньшей мере, из десяти книг.

— Вы пришли за автографом?

Таннер кивает.

— Да.

— Вы со своей книгой или здесь купите?

Отэм с Таннером обмениваются неуверенными взглядами.

— Купим здесь? — рискует Отэм.

Мужчина раздает им по книге из своей уменьшающейся стопки и срывает два стикера с верха блокнота. Таннер чуть ли не смеется. Они голубые, такие же, как те, что хранят его злость, любовь и драму.

— Напишите на них свои имена, — произносит мужчина. — Себастиану будет проще подписывать их лично, когда подойдет ваша очередь.

Веревка стягивает грудь Таннера, а Отэм издает небольшой сочувственный стон.

— Когда ее подпишут, вы сможете оплатить ее у стойки администратора, — персоналу никогда и в голову не придет, что кто-то может забрать книгу и уйти с ней, даже не заходя внутрь.

Мужчина отходит, и Отэм поворачивается к нему, вцепившись в свою копию.

— Это очень странно по нескольким пунктам.

— Ага, — Таннер внимательно рассматривает роман в своих руках. На обложке огненный пейзаж — выжженная долина, горы все еще пышут зеленью, нависая над посягнувшим огнем. Очень красиво. Расцветка насыщенная, практически трехмерная. Мальчик, скрытый плащом, стоит у подножия горы, в руке удерживая факел. У его ног, заголовок переходит из бумажного в плотную фольгу.

ОГНЕННАЯ БУРЯ.

Себастиан Бразер.

Название пока не несет никакого смысла для Таннера. Возможно, никогда и не будет. Сама мысль провести — он перелистывает в конец — четыреста страниц с творческим разумом Себастиана кажется почти невыносимой. Возможно, однажды, когда он переедет, и это все просто останется болезненной ссадиной в его истории, он откроет ее, посмотрит на его имя небрежно выведенное в ней, и сможет на самом деле оценить эту историю между обложками.

— Нет, я хочу сказать, что это странно для *меня*, — произносит Отэм, врываясь в его мысли. — Я даже не могу представить, какого тебе.

— Я начинаю задаваться вопросом, какого черта мы здесь делаем. Это может превратиться в катастрофу.

— Ты не думаешь, что он тебя чуть ли не ждет?

Таннер задумывается еще ненадолго. Он не пытался связаться с Себастианом, нет, после того «прощального» письма. Несомненно он думает, что Таннер просто исчезнет. Он, наверное, должен просто исчезнуть.

— Нет.

Она указывает вперед, в конец квартала.

— Ну, мы очень удачно стоим рядом с хозмагазином Emergency Essential, если тебе что — то нужно.

— Это так по — мормонски, такой магазин в городе, — бормочет Таннер.

Отэм не спорит. Они смотрят на вывеску торгового центра с тремя огромными рекламными объявлениями крупных компаний: Desert Book. Emergency Essential. Avenia Bridal.

— Здесь все по— мормонски, — соглашается она.

— Тебе не хватает церкви?

Она наклоняется к нему. Ее макушка едва достает до его плеча, так что когда он обнимает ее рукой, она устраивается прямо под его подбородком.

— Иногда, — она смотрит на него снизу— вверх. Любой, кто посмотрит на них, сочтут их парой. — Мне не хватает мероприятий и той уверенности, что все счастливы рядом с тобой, что ты делаешь все правильно.

Таннер морщит нос на это.

— Отстой.

— Именно, — отвечает она, хлопая его по груди. — Именно такое мое мнение. Себастиан не делал с тобой ничего плохого.

Он многозначительно оглядывается и понижает голос:

— Да неужели.

На этот раз Отэм шепчет.

— В том, что ты здесь, нет ничего плохого.

Очередь начинает двигаться, и в желудке Таннера ухает. *Разве* в том, что они здесь, нет ничего плохого, даже немного? И если это не определение нанесения неожиданного удара, тогда оно ужасно близко. Да, Себастиан и Отэм действовали за его спиной, чтобы сдать книгу, но здесь люди. Себастиан должен будет держать себя в руках. Таннер должен будет держать себя в руках.

Он забирает ручку у Отэм, когда она заканчивает писать свое имя, и пишет собственное. Он делает это не для того, чтобы показаться нахальным; он делает это из— за практичности: вполне возможно, что Себастиан будет слишком взволнован, чтобы вспомнить как пишется Т— а— н— н— е— р.

Очередь продвигается медленно. Таннер представляет Себастиана за стойкой или столом, очаровывающего всех, кто подходит.

В животе урчит, а солнце висит низко на небе перед тем, как сдаться и нырнуть за горы. Когда солнце уходит, воздух становится прохладнее впервые за весь день.

Отэм прибывает комара на его руке.

— Ладно, давай пройдем через это.

— Пройдем через что?

Она обеспокоенно смотрит на него.

— Для чего ты здесь.

Он делает глубокий, резкий вдох.

— Я собираюсь просто поблагодарить его за то, что он сделал — он поймет, о чем я — и пожелать ему удачи в туре и его миссии.

— И все?

— И все.

Она тянется, целует его в челюсть.

— Ты милый.

— А ты надоедливая.

— По крайней мере, больше не надоедливая девственница.

Люди перед ними оборачиваются, от шока, распахивая глаза.

Отэм издает притворно— униженное: «Упс»

Таннер низко склоняет голову, пытаясь не засмеяться.

— Однажды эта шутка станет очень— очень неудачной.

— Я была очень близка к этому.

Теперь они почти у входа, и могут видеть, что внутри очередь состоит всего из пятнадцати человек до конца. До Себастиана.

Таннер не видит его, но замечает странную, веселую атмосферу первых рядов. Помещение полно мужчин в костюмах, женщин в платьях, праздничных стаканчиков с пуншем. На столе капкейки и овощи с соусом в сторонке. Кто— то испек торт. Это не просто автограф— сессия, это стартовая вечеринка.

Здесь родители Себастиана, разговаривают в небольшом кругу с женщиной с бейджиком и еще одним человеком — мужчиной в костюме и галстук. Отэм шагает внутрь, и Таннер следует за ней, придерживая дверь для человека позади него в очереди. Дверь ударяется об демонстрационный стол, и на этот звук Дэн Бразер поднимает взгляд, инстинктивно улыбаясь, но его выражение становится каменным.

Таннеру не приходило в голову, что он может столкнуться с родителями Себастиана, что они узнают его, что он будет ассоциироваться у них с раком, который заражает их сына. Но естественно все так.

— А вот и папочка, — произносит Отэм, кивая на Дэна напротив них.

— Ага.

Мать Себастиана поднимет взгляд на Дэна Бразера, чтобы оценить его реакцию, как будто ищет инструкции. Они оба умудряются, после паузы, вернуть своим лицам нейтральное выражение.

Отэм пропихивает свою руку под руку Таннера.

— Ты как?

— Я хочу уйти. Но слишком поздно.

Слишком поздно. Теперь их отделяет двое человек, и Таннер видит Себастиана. Он рассматривает его. На нем аккуратно отглаженная голубая рубашка и темный галстук. Его волосы короче. И его маска с улыбкой на месте. Но даже в этом книжном магазине для мормонов, за стеной из мормонов, он все равно выглядит, как парень с той прогулки, парень, поедающий китайскую еду, парень, на капоте машины.

А потом Себастиан поднимает взгляд и замечает, кто следующий в очереди, и маска трескается на одну лишь секунду. Нет — дольше. Взгляд дважды, и он такой до боли знакомый.

Таннер шагает вперед, протягивая свою книгу.

— Привет. Поздравляю.

Челюсть Себастиана подрагивает, и он прочищает горло, хмурит брови.

— Привет, — он смотрит вниз, притягивая ближе книгу Отэм, медленно срывая стикер с обложки. — Эм... — он выдыхает с дрожью на выходе. Он снова прочищает горло, открывая книгу на титульном листе, поднимая ручку дрожащей рукой.

Отэм судорожно переводит с одного на другого взгляды.

— Привет, Себастиан.

Он бросает взгляд на нее, заметно смаргивая, чтобы сосредоточиться на ней.

— Отэм. Привет. Как ты?

— Хорошо все. Уезжаю в Коннектикут через пару недель. А какая твоя первая остановка в книжном туре?

— После этой? Я еду в Денвер, — он перечисляет города на автомате. — Портленд, Сан-Франциско, Феникс, Остин, Даллас, Атланта, Чарльстон, Чикаго, Миннеаполис... Эм.. Филадельфия, Нью-Йорк, а потом домой.

— Вау, — произносит она. — Безумие какое— то.

Себастиан издаёт сухой смешок, подписывая первой её книгу, простым: «Удачи в Йеле. С наилучшими пожеланиями и благодарностью, Себастиан Бразер».

Он протягивает Отэм её книгу, а затем подтягивает ближе экземпляр Таннера. Коротко нахмурившись из— за стикера, он сминает его в кулаке и швыряет в мусорку у своих ног.

Таннер молчит несколько секунд, а Отэм осторожно толкает его локтем в бок.

«Скажи что—нибудь», — произносит она одними губами.

— Я пришел поблагодарить тебя, — начинает он тихо, надеясь, что находится вне пределов слышимости людей вокруг — и особенно родителей Себастиана. Себастиан напрягается и сосредотачивается на том, что он там пишет. — За то, что ты сделал. Я не уверен, что понимаю, зачем ты это сделал, но я благодарен.

— Спасибо что пришел сегодня Таннер, — великодушно произносит Себастиан. Как— то восстановив свое самообладание, его голос разносится за пределы безопасного пространства стола.

Его интонация до отвратительного фальшивая, что Таннер почти смеется. Наконец, он снова встречается глазами с Себастианом, и в них сокрушенное выражение. Его голос может и восстановился, но глаза — нет. Взгляд непроницаемый и блестящий от слез.

— Боже мой, прости, — тихо говорит Таннер. — Я не должен был приходить.

— Ты поклонник фантастики? — его голос все еще насильственно— веселый. Он шире раскрывает глаза, чтобы сдержать слезы.

Им двоим больно, и сейчас Таннер ощущает себя чудовищем.

— Надеюсь, что твой книжный тур будет удивительным, — произносит он, не заботясь о продолжении этой фальшивой беседы. — Надеюсь, что и миссия тоже. Я уезжаю в ЛА в августе, но звони мне в любое время, — он в последний раз поднимает взгляд. — В любое время.

Он забирает книгу из руки Себастиана, даже не глядя на нее, и разворачивается, оставив оплату на Отэм. Таннер проталкивается сквозь толпу и выходит обратно на улицу, туда, где есть кислород, незамкнутое пространство и полное отсутствие мерцающих, как солнце— в— озере— глаз, смотрящих на него в ответ.

Себастиан.

Книжный тур, как возможность глотнуть свежего воздуха. Здесь нет сопровождающих или родителей. Здесь нет церкви.

И не сказать, что его мама не пыталась прицепиться следом. Он не совсем уверен, что появление Таннера спровоцировало это или она просто в последнюю минуту распереживалась, но она написала его агенту за два дня до отъезда. Слава богу, его агент смог объяснить, что перелеты и размещение в гостиницах уже забронированы, и только если его мать не готова оплачивать перелет через всю страну и отели в тринадцати городах тура, то она опоздала.

Себастиан выезжал из Юты в школьных поездках или на семейный отдых, но никогда вот так. Его издательство арендовало машину и водителя, чтобы забрать его из аэропорта и завезти в отель; у него был куратор, который отвозил и привозил его с мероприятий, а остальное время было в его распоряжении.

Следующая автограф— сессия в Денвере, и конечно она не такая же огромная, как та, что прошла дома, но все равно достаточно людная. Всего лишь парочка пустых стульев во время его обсуждения. Сюрреалистичное понимание, как дуновение чего— то вкусного, что незнакомцы в этом помещении даже не знают, какой он.

Очередь состоит в основном из девочек, но разбавлена несколькими парнями. Себастиан знает, что Таннер не придет, но это не отменяет того, как его ручка сползает со страницы от звука низкого голоса в конце очереди, или как его взгляд взмывается в надежде увидеть темную макушку над толпой.

Временами он не может поверить, что Таннер действительно приходил. Его родители определенно не хотели создавать из этого событие. Не было никого, к кому бы он мог обратиться, когда Таннер с Отэм ушли, чтобы спросить: «Это, правда, был Таннер?»

Он хотел бы рассказать ему, как сильно ему понравилась книга, как после ее прочтения что— то изменилось внутри него, и как он распечатал ее на следующее же утро, зная, что возьмет ее с собой в тур. Но он не мог, не там. Он не хотел, чтобы Таннер уходил, но не мог сформулировать, что сказать, потому что слова «я скучаю» проталкивались на свободу яростно и настойчиво.

Это «скучаю» не дает ему спать по ночам — в Денвере, Остине, Кливленде — и каждый раз он тянется за ней, ищет в сумке и достает книгу Таннера. Он может открыть ее где— угодно — на двадцатой странице или восьмидесятой — потому что на каждой он найдет историю любви, которая освещает тьму, грязные уголки его ненависти к себе, которая напоминает ему, что кое— что *произошло* и было настоящим. И правильным.

Иногда он думает о том, что написал в экземпляре «*Огненной Бури*» Таннера, и задается вопросом, откроет ли вообще Таннер книгу, чтобы посмотреть.

Всегда твой,
Себастиан Бразер.

Себастиана врезается в стену жары, выходя их международного аэропорта Солт— Лейк— Сити, и жалеет, что не успел сменить рубашку и галстук до отъезда в аэропорт Кеннеди.

— Не могу поверить, что ты побывал в Нью— Йорке, — произносит Лиззи, прижимая блестящую статую свободы к своей груди. Она вернулась к себе прежней, и ему становится интересно — это потому, что все ждут, что он тоже вернулся к *себе прежнему*? — Там так же классно, как и по телевизору?

— Еще круче, — он обнимает ее плечи одной рукой и притягивает к себе, прижимаясь поцелуям к ее волосам. Было здорово сбежать, но он не может при этом поверить, как ему не хватало ее. — Возможно, как—нибудь мы сможем поехать туда вместе, — произносит он. — Когда выйдет следующая книга.

Лиззи изображает пируэт, пока идет по пешеходному переходу.

— Да!

— Если Лиззи поедет в Нью— Йорк, тогда я думаю, мы должны поехать в Сан— Франциско и посетить «Алькатрас». Ты был *там*? — спрашивает Фейт, глядя на него снизу — вверх.

— Нет, но видел ее с пирса. Мой куратор возил меня на ужин в морской ресторан, и мы прошлись вдоль воды. Я не знал, что ты хотела поехать, тогда бы отправил тебе снимок. Кажется, у меня есть один в телефоне.

Фейт забывает обо всех возможных обидах, когда Себастиан сгребает ее в свои руки, чтобы понести на плече. Ее восторженный визг оглушителен на всей площади парковки.

Миссис Бразер отпирает замки, и вопрос застревает камнем в груди Себастиана.

— Отец и Аарон не смогли приехать?

— Твой отец забрал Аарона на несколько вызовов на дом сегодня, но просил передать, что вы увидите за ужином.

Себастиан общался со своим отцом считанное количество раз за прошедшие две недели, но появляется ответная реакция на его отсутствие здесь. Отсутствие отца на возвращении — как пульсация на кончике отрезанного пальца. Он ощущает это так остро, так непрерывно, потому что это *неправильно*.

Но к счастью, ему не удастся на этом задержаться, потому что как только Лиззи пропевает, что на ужине будет сюрприз, Фейт — неспособная больше хранить секрет — кричит:

— *Будет пицца!*

Лиззи прихлопывает своей рукой рот Фейт и оставляет громкий чмок на ее щеке.

— Вот способ испортить сюрприз, дурында.

Себастиан наклоняется вперед, помогая Фейт с ее ремнем.

— Пицца для *меня*?

Она кивает, ее хихиканье все еще приглушено весом ладони Лиззи.

Себастиан сгружает свою сумку назад.

— И раз уж один секрет раскрылся, — произносит его мама, пристегиваясь своим ремнем, когда он забирается на пассажирское сидение. — Есть кое— что еще, — она ухмыляется ему. — Я отправила твои документы.

Он кивает, посылая ей довольную улыбку, но не находит сразу слов, потому что из него будто выбили весь дух.

Время, проведенное вдаль, было замечательным. Он скучает по церкви и по близкому окружению единомышленников. Он скучает и по Таннеру тоже, но понимает, что миссия по — прежнему самый лучший путь для него.

Просто он думал, что отправит документы на миссию сам, когда вернется домой. Он надеялся, что отправив их лично, укрепит в решимости, сделает все реальным и приведет свой путь в движение.

Ее улыбка сползает, и он понимает, что она волновалась, рассказывая ему про это. Она беспокоилась, что получит именно такую реакцию — неуверенную.

Он прилагает все усилия, чтобы стереть эту реакцию со своего лица, заменив ее улыбкой, которая, кажется, растягивается на его лице рефлексом при вдохе.

— Спасибо, мам. От этого...мне стало намного легче. На один пункт меньше беспокойства.

Похоже, уловка удалась. Она смягчается, обратно разворачиваясь к рулю. Они съезжают по склону, лавируя по лабиринту конусных конструкций. Подъехав к терминалу, она

вставляет карточку в аппарат и поворачивается к нему.

— Что ты думаешь насчет, сделать это вместе?.

— Сделать вместе что?

— Открыть твое письмо, — она снова поворачивается к терминалу оплаты, и за эту десятисекундную передышку, Себастиан борется с выжигающей паникой, которая реальностью следует за этими тремя словами. Она имеет ввиду его вызов на миссию.

Голос в его подсознании кричит «нет».

Это похоже на жизнь с раздвоением личности, и он закрывает глаза, медленно вдыхая. Вдали было намного— намного легче. Надвигающаяся миссия была приятной издалека. Постоянное навязывание его матери, вес ожиданий — возвращение домой уже подавляет десять минут спустя.

Он ощущает рокот двигателя и понимает, что она закончила с оплатой, и они едут вперед. Когда он оглядывается на нее, ее челюсть напряжена, взгляд непроницаемый.

Себастиан фальшиво зевает.

— Бог ты мой, я так вымотался. Да, мам, думаю, будет просто потрясающе. Я так полагаю, дедушка с бабушкой тоже приедут?

Ее плечи расслабляются, улыбка возвращается.

— Смеешься что ли? Они в жизни этого не пропустят.

Песочные часы переворачиваются в его животе, затопляя свинцом. Он поверхностно дышит.

— Но я не хочу, чтобы Себастиан снова уезжал, — кричит Фейт с заднего сидения. — Он только что вернулся домой.

— Он пока не уедет, милая, — говорит его мама, встречаясь с ней взглядом в зеркале заднего вида. — Еще пару месяцев точно.

Себастиан поворачивается и посылает своей малышке— сестричке ободряющую улыбку, и он даже не может объяснить, но у него возникает желание потянуться к ней, притянуть к себе. *Два года.* Ей почти тринадцать будет, когда он вернется. Аарон будет учиться вождению, а Лиззи будет готовиться к поступлению в колледж. Он тоскует по дому, а еще даже не уехал.

— Так ты ничего не имеешь против? — спрашивает она. — Присутствие всех будет слишком нервировать?

Себастиан прислоняется головой к подголовнику и закрывает глаза.

Отец Небесный, дай мне сил. Дай мне мудрости, в которой я нуждаюсь, уверенности в решении. Я пойду туда, куда ты мне укажешь.

— Думаю, это замечательная идея, — шепчет Себастиан. — Идеально.

***

Положительная сторона отъезда была в том, что его проблемы казались намного меньше на расстоянии. Ощущения не реальные, и он понимает это, как только входит в дом — окружение из знакомых вещей, запахов и звуков. Реальность обрушивается обратно.

Он только опускает свой чемодан на кровать, когда в его дверь стучат.

— Могу я войти, — отец просовывает свою голову в полуприкрытую дверь. — Я погляжу, наш путешественник вернулся.

— Ага. И выдохся.

Было временное перемирие, когда вышла книга, и его родители смогли увидеть гордость всей общины, сосредоточенную на Себастиане. Но он не проводил достаточно времени наедине с отцом несколько месяцев, и присутствие Дэна Бразера в комнате Себастиана вызывает ощущение клаустрофобии.

— У тебя достаточно времени отдохнуть перед ужином, — произносит он. — Я только хотел занести тебе это, — он протягивает ему стопку писем. — И хотел поприветствовать тебя дома. Мы очень гордимся тобой, сынок. Я знаю, у тебя был сложный период, и я горд от того, что ты смог осознать, что я стал свидетелем того, как ты вырос над этим и стал сильнее. «Несчастья подобны сильному ветру: он срывает с нас одежду, и мы остаемся такими, каким на самом деле являемся, а не такими, какими хотели бы казаться»

Себастиан хмурится, пытаясь вспомнить Писание.

— Я не знаю этой.

Епископ Бразер смеется, и смотрит на Себастиана с нежностью.

— Артур Голден, *«Мемуары Гейши»*.

— Окей, ладно, я бы никогда не полез туда.

Смех становится сильнее, и глаза его отца сияют.

— Полагаю, стоит внести это на Таинство на следующей неделе, — он разворачивается, чтобы уйти, но останавливается на пороге. — О, и твоя мама сказала, что там было что-то от мистера Фуджиты, — он кивает на стопку писем в руке Себастиана. — Возможно, твоя последняя зарплата, так что не задерживай со вскрытием.

— Я займусь этим, как разберу вещи.

Когда его отец уходит, воздух медленно стекает в его легкие. Он полностью закрывает дверь и пересекает комнату, чтобы разобрать вещи. Туалетные принадлежности, костюм, джинсы, свитера. Под всем этим, копия книги Таннера, которую он распечатал и брал с собой.

Страницы потрепаны, на верхней — жирное пятно из ресторана в Денвере, а края заворачиваются в верхнем, правом углу, где он перелистывал их пальцами, пока читал. Несмотря на то, что он перечитал всю книгу, по меньшей мере, десять раз, после первого раза, он никогда не начинал с начала. Он пролистывал его и останавливался, начиная читать с любого места, которое выбирал. Иногда он выбирал то место, где Таннер был в магазине одежды с Отэм и своей мамой. В другой раз, он открывал часть на озере и *«педике»*, и унижительном разговоре Таннера с Мэнни.

Но находясь вдали от дома, он ощущал отдаление и от *этого* тоже. Его проблемы дома могли быть не серьезными, но если это так, то означает, что Таннер тоже был не настоящим. У него нет ни одной его фотографии, но у него есть его книга.

Себастиан поднимает рукопись и убирает его за изголовье, прежде чем открыть конверт от Фуджиты.

«Дорогой, Себастиан.

Я надеюсь, это письмо найдет тебя среди множества легких книг и насыщенных приключений. Я хотел рассказать тебе о рукописи нашего общего друга. Я не уверен, разговаривал ли ты с Таннером, но он знает, насколько одержим я стал его романом. Он звонил, когда выставили оценки, уверенный, что я совершил какую-то ошибку. Я был более чем счастлив сообщить ему, что это не так.

Я поработал с ним над редактурой и предложил внести существенные изменения. Не изменять суть предмета, но видя, что в книге действительно что — то есть, я предложил ему изменить имена и характеры двух главных героев, вместе со всеми остальными узнаваемыми деталями. Я вышел на связь с несколькими редакциями, и существует возможность, что Семинар выдаст два из двух. Конечно, мы сначала проконсультируемся с тобой.

Моя глубокая благодарность тебе, Себастиан, за твою храбрость. Я желаю тебе всего хорошего. Ты исключительный человек с глубиной и сердцем. Не позволяй никому — и ничему — заглушать этот свет внутри тебя.

С уважением,
Тим Фуджита»

И действительно, под письмом он нашел свой последний зарплатный чек, и Себастиан посылает молчаливую благодарность; когда его родители спросят позже об этом, ему не придется врать.

Уставившись на бумагу, Себастиан понимает ту срочность, с которой его мать отправила заявление. Пятнадцать минут и он снова там же, скучает по Таннеру с той интенсивностью, которая выкручивает каждую его мышцу в готовности выставить его за дверь прямо сейчас.

Представить книгу Таннера изданной — слишком, и он заталкивает это поглубже, внезапно, благодарный, что снова уедет, возможно, из страны вообще. Достаточно далеко, чтобы прогнать боль и искушение увидеть его снова, всего лишь раз, и рассказать ему все.

***

Следующие недели, как временной скачок. Вызовы на дом вместе с отцом, стрижка лужаек для каждого и их бабушек, помощь семьям с переездом. Себастиану едва хватает времени нырнуть за кровать каждую ночь и прочитать несколько страниц книги Таннера, прежде чем его глаза закроются от полнейшего истощения.

Письмо, вызов на миссию, приходит в четверг, и конверт устраивается на кухонной столешнице, неприкосновенный целых четыре дня. Семья его матери прилетает из Феникса. Его прабабушка должна приехать к пяти из Сент— Джорджа. Десяток друзей и семьи приезжают из Солт— Лейк— Сити, и многие другие просто придут с концов улицы.

К трем у его матери крошечная армия закусок, выложена на противнях. Китайские пельмени, киш, мини Фрито— пай, и — с краю — огромное блюдо с овощами. Фейт и Лизи в одинаковых желтых платьях. Он и Аарон в одинаковых темно— синих костюмах.

Его руки трясутся. Его челюсть сводит от того, как он сжимает ее. Они ходят повсюду, болтают, ждут.

Голос Таннера мягкий, дразняще кружит в его голове. *Если ты так сильно ненавидишь все это, тогда почему занимаешься этим?*

Ответ прост. Когда он думает об отъезде, он расслабляется. Когда он после общается с Богом, он чувствует себя лучше. Он не сомневается ни в миссии или в вере. А в тяжести стыда его родителей и давления их ожиданий.

Он идет, с пылающим сердцем, на кухню.

— Пап. Могу я ненадолго взять машину?

Епископ Бразер поднимает обеспокоенный взгляд.

— Ты в порядке?

— Нервничаю, — честно отвечает он. — Я в порядке. Просто...мне нужно съездить на десять минут в церковь.

Отцу нравится подобный ответ, тот обхватывает его плечо ладонью и сжимает его солидарным жестом, прежде чем вручить ему ключи.

Себастиан говорит, что хочет поехать в церковь, и едет. Но поворачивает налево, едет прямо, когда должен повернуть, и в итоге оказывается на грязной дороге с табличкой «ДОСТУП ЗАПРЕЩЕН». Он паркуется, достает одеяло из багажника и пристальнее всматривается в синее небо, пытаясь вспомнить звезды.

Сейчас здесь по— другому. Во— первых, жарко и воздух кишит комарами. Второе отличие — отсутствие длинного тела рядом с ним — еще более заметное. Он дает себе десять минут, а потом и двадцать. Он пытается попрощаться с Таннером, но даже когда он закрывает глаза и просит Бога о правильных словах, о заклинании, которое откроет его сердце, этого не происходит.

Себастиан узнал в туре, что одной из возможностей издаваемого автора являются соцсети. У него есть аккаунты, но они остаются в большей степени неактивным, частично во избежание очень сильного искушения.

Он сопротивлялся до сих пор, но лежа на капоте машины, он наконец— то сдается и открывает Instagram, начиная поиски профиля Мэнни. Пролистав список своих подписчиков, он находит, что ищет: *таннбаннспасибомужик*.

Смех вырывается из него.

Аккаунт Таннера не заблокирован, и Себастиан нажимает большим пальцем на фотографию его профиля, увеличивая ее. Это ужасная идея. Он понимает это. Но когда появляется лицо Таннера, его сердце, такое ощущение, будто затопляет теплой водой, отталкивая все остальное в сторону. На фотографии Таннер держит огромный розовый цветок. Он закрывает половину его лица, но его ресницы кажутся в три раза длиннее. Его глаза светятся, волосы лохматее, чем было в последний раз, когда он видел его, рот изогнут в необычайно радостную улыбку.

Instagram Таннера еще более увлекательный, чем ожидал Себастиан: фотография его на заднем сидении его машины, притворяющимся, будто душит своего отца сзади. Фотография Хейли, крепко спящей рядом с ним с надписью, МНЕ НУЖНО АЛИБИ#НИКАКИХСОЖАЛЕНИЙ. Фотография гамбургера, каких— то странных фальшивых инопланетян, «Камри» Таннера, припаркованной у тротуара здания под названием «Дикстра Хол», а затем — Себастиан едва слышно всхлипывает — снимок улыбающегося Таннера, стоящего в пустой комнате общежития в футболке Калифорнийского университета.

Большой палец Себастиана зависает над иконкой «нравится». Если он коснется ее, Таннер увидит. Это будет сильно ужасно? Таннер будет знать, что он думал о нем. Возможно, со временем, они смогут подписаться друг на друга, поддерживать связь, общаться.

Но вот здесь у Себастиана возникнут проблемы. В его голове это никогда не останавливается на разговорах. Это идет дальше с телефонными звонками, встречами, поцелуями и *большим*. Потому что даже сейчас, пока люди прибывают в его дом — все они там ради *него* — он *все равно* думает о Таннере.

Через несколько недель он прибудет в Священство Мелхиседеково, а затем пройдет

через Храм, и получит свой дар — а он думает о Таннере. Он пытается представить, как облачается в свое храмовое белье — то, чего он с нетерпением ожидал всю свою жизнь...

И не может дышать.

Он — гей. Он никогда не будет другим. Сегодня все они ждут от Себастиана его засвидетельствования и речи, как он полон радости, что его призвали распространять слово Божье там, куда бы Он ни захотел отправить его, а он даже не знает, вписывается ли еще в Божье слово или нет.

Что он творит?

***

Когда он входит в дом, во рту скапливается слюна — пахнет едой. Появляется его мать, она сжимает его в объятиях и дает печенье.

Она выглядит такой *счастливой*, а Себастиан собирается все разрушить.

Он прочищает горло.

— Привет, ребят, — здесь еще не все, но важные лица уже пришли. Пять улыбающихся лиц повернуты в его сторону. Фейт натягивает свое платье, гордо распрямляясь, когда он смотрит на нее. Он вспоминает, каково это быть таким маленьким и наблюдать за кем— то, как они собираются вскрывать свой конверт.

Сердце раскалывается.

— Вы все так прекрасны сегодня.

Его мать встает рядом с обеденным столом. Ее фартук гласит «ОСТАВАЙСЯ СПОКОЙНОЙ И СЛУЖИ», и все, о чем он может думать, — о маме Таннера и ее радужно-фартуке, который смущает ее сына, и что Себастиан отдал бы все за родителей, которые принимают его таким, какой он есть, не смотря ни на что.

— Себастиан? — обращается его мама, ступая на шаг ближе. — Милый, ты в порядке?

Он кивает, но ощущает, как нарастает всхлип в горле.

— Мне жаль. Мне так...так сильно жаль. Но, кажется, я должен поговорить с родителями наедине несколько минут.

Эпилог.

Я недавно шутил с Отэм по телефону: что не знаю, что хуже, Прово или Лос—Анджелес. Она не поняла, ну, естественно, потому что живет в идеальной стране чудес Коннектикут, носит свитера с заплатками на локтях и гольфы. (Это правда; не губите фантазию). ЛА — классный, не поймите меня неправильно. Просто он большой. Мое детство прошло недалеко от Сан—Франциско, так что я знаю, что такое большие города, но ЛА совершенно другое дело, а Калифорнийский университет — город внутри города. Вествуд Виладж — такая густая сеть артерий и артериол в огромной кровеносной системе ЛА, зажата между Уилшир и Сансет. Потребовалось три недели, чтобы я перестал чувствовать, будто тону в городском океане.

Мама, папа и Хейли ехали со мной сюда в августе, как я думаю, самой худшей поездкой в истории. В разные моменты, я уверен, каждый из нас молился о зомби— апокалипсисе, который истребит наших родственников. В итоге: Хейли плохо в замкнутых пространствах, папа водит, как слепой дед, и никто из нас не мог согласиться с музыкой.

Дальше: ориентация прошла, как в тумане. Было много тренингов о том, как не стать насильником или не умереть от алкогольного отравления, что оба, я думаю, отличные темы

для обсуждения. Мы узнали о почетном кодексе — необычном, хорошо— продуманном пожелании в сравнении с железобетонным, ужасным пожеланием, навязываемым в УБЯ. Три недели спустя, и кажется я вообще не вспомню, что там было, потому что, ясное дело, никто не слушал.

Я получил комнату в Дикстра— Холл, что, очевидно, не так уж и плохо, потому что его отремонтировали несколько лет назад. Но учитывая отсутствие моего предыдущего опыта в этом вопросе, я могу только сказать, что это общага. Две односпальные кровати, отдельные душевые для мальчиков и девочек, с длинным рядом душевых у одной стены, и длинным рядом туалетов с другой. Прачечные. Wi— Fi. Моего соседа, Райкера, можно легко назвать самым диким человеком, которого я встречал. Как будто вселенная говорила: «*Ах, ты хочешь покинуть Прово ради чего— то более живого? Получай*», Плохие новости: он постоянно таскается на вечеринки и от него вечно несет пивом. Хорошие новости: он редко бывает в комнате.

Нам не нужно определяться с профилирующим предметом до второго курса, но я точно уверен, что пойду на медицинский. Кто знал, да? Здесь замечательные научные программы, и если я слаб в английском, то он будет разумной нагрузкой на курсе. Посмотрите на меня, на такого инициативного.

Естественные науки стали очевидным выбором, но я думаю, мы все знаем, что я не далеко уйду от английского. Во— первых, потому что Отэм очень хорошо натаскала меня, и это будет чуть ли расточительством, отбросить его в сторону. И во— вторых, писательство что— то открыло во мне, о существовании чего я не знал. Возможно, что— то, на самом деле, получится с этой книгой. А может, и нет, и меня снова что— то вдохновит, и я напишу другую. Без разницы. Писательство — связь — несмотря на то, что слабая — с ним. И я могу сейчас признать, что нуждаюсь в этом.

Он все еще здесь — буквально в каждом шаге, что я делаю. На первой вечеринке, куда я пошел, я поиграл в командную игру, познакомился с парочкой людей, выпил пива, пофлиртовал немного, но ушел домой один. Интересно, когда эта постоянная боль уйдет и я, на самом деле, захочу кого— то еще. Были ситуации, когда я думал, *если бы не Себастиан, я, наверное, переспал бы сегодня*. Но я хочу его. Так же безумно, как это кажется, я думаю о том, что эта книга только для меня — особенно после всего, что было — и можно с уверенностью сказать: я не утратил надежду. Его реакция на мое появление в том книжном магазине запала мне в душу. И он нарисовал мне *смайлик с горой* в книге. Он любит меня. Я знаю, любит.

Или, любил.

И жизнь здесь отличается сильнее, чем только в масштабах города. Не важно, что творится в остальной части страны, ЛА — гей— дружелюбный город. Люди здесь открыты. Люди гордятся. Пары любого сочетания гуляют за ручки, и никто и бровью не ведет. Я не могу представить, как подобное происходит на обычной улице в самых маленьких городках, и определенно не в Прово. Мормоны вообще слишком милые, чтобы сказать что— то тебе в лицо, но будет присутствовать мягкий порыв дискомфорта и осуждения, витающего в воздухе.

Я даже не знаю, куда Себастиан едет на миссию, но переживаю за него. Ему весело? Он несчастен? Запихивает ли он часть своего сердца в ящик, только для того, чтобы люди в его жизни оставались счастливыми? Я знаю, что ему нельзя поддерживать связь, так что я не пишу ни смс— ок, ни писем по электронке, но только чтобы ослабить давление в моей

грудь, иногда я печатаю кое— что и отправляю себе же, просто чтобы освободиться от слов, крадущих мой воздух.

Отэм рассказывала мне, что его мать собиралась устроить какую— то публичную вечеринку на Facebook, где открывают конверт, но я не пережил бы этого. Я предполагал, что Отэм маячила там, следила за событиями, но она клянется, что понятия не имеет, куда он поехал. Даже если она лжет, я взял с нее обещание, чтобы она не рассказывала мне. Что, если он в Фениксе? Что, если в Сан— Диего? Я не смогу удержаться и поеду туда прочесывать окрестности в поисках Старейшины Бразера, самого сексуального парня на свете, с небрежной прической, в белой рубашке с коротким рукавом и на велосипеде.

Иногда, когда я не могу уснуть и прекратить думать обо всем, что мы делали вместе, я представляю, как сдаюсь и спрашиваю Отэм, где могу найти его. Я представляю, как появляюсь там, где есть он, вижу его в его миссионерской одежде, и его удивление от встречи со мной. Я думаю, что даже предложу сделку: *Я обращаюсь, если ты будешь со мной, даже тайно, навсегда.*

***

В первые выходные октября я как обычно звоню Отти: в воскресенье в одиннадцать. Поначалу всегда больно, резаная рана, нанесенная знакомым тембром ее голоса. Странно, даже несмотря на то, как тяжело мне было прощаться со своими родными у общежития, прощаться с Отэм было труднее. В каком— то смысле, я ненавижу себя за то, что не рассказал ей обо всем раньше. У нас появятся другие безопасные места, но каждый из нас стал первым безопасным местом друг для друга. И не важно, что мы скажем или пообещаем, все изменится с этого момента.

— Таннер, бог ты мой, дай я тебе прочту это письмо.

Честно говоря, так она отвечает на звонок. Я даже не успеваю ответить, как она уже откладывает трубку, чтобы — как я предполагаю, — отыскать последний манифест Братали.

Ее соседка настоящая истеричка, и вообще— то ее зовут Натали. Она оставляет пассивно— агрессивные записки на столе Отэм насчет шума, аккуратности, отсутствия общей зубной пасты и количестве шкафчиков, которые Отэм позволено занимать. Забавный факт: еще мы абсолютно уверены, что она мастурбирует, когда считает, что Отэм спит. Это никак не взаимосвязано, на само деле, но я считаю это действительно увлекательным и требую множество подробностей, прежде чем соглашусь с теорией.

Ее телефон скребет по поверхности, и она появляется с ярким:

— *Божемой.*

— На этот раз хорошая?

— Возможно, лучшая за последнее время, — Отти вдыхает и смеется на выдохе. — Помнишь, я рассказывала тебе, что она приболела в начале недели?

Я смутно припоминаю сообщение. Наши ящики сильно переполнены.

— Ага.

— Ну, записка связана с этим. Окей. «Дорогая Отэм, — читает она. — Еще раз спасибо, что принесла мне завтрак на днях. Мне было так плохо! Я чувствую себя такой стервой за то, что говорю это...

Я скептически посмеиваюсь, предвидя к чему все идет.

— Боже.

— ...но не могу прекратить об этом думать, так что мне нужно выговориться. Вилка и тарелка были грязными, с какой— то засохшей фигней. И тогда я подумала, «*Отэм специально сделала это?*» Надеюсь, что нет. Я знаю, что временами могу быть привередливой, но я хочу, чтобы мы оставались и дальше также близки, как и сейчас...

— Вау, да она бредит.

— ...так что я подумала, что могу просто спросить. Или может быть я просто хотела дать тебе понять, что я знаю, и если это было преднамеренно, то это как— то отвратительно с твоей стороны. Конечно, если это была случайность, просто проигнорируй записку. Ты очень милая. Хохо, Нат».

Я растираю лицо ладонью.

— Серьезно, Отти, найди новую соседку. На ее фоне Райкер кажется нормальным.

— Я не могу! После того, как я видела, как другие меняются соседками, это такая трагедия!

— А *это* не трагедия?

— Да, — соглашается она. — Но здесь присутствует элемент абсурдности. Это объективно смешно.

— Хочу сказать, что я еще понимаю записку о крошках от крекеров. Я предупреждал тебя об этом несколько лет. Но грязные вилка и тарелка, когда ты приносишь еду ей в постель?

Она смеется.

— Можно подумать она не ест в столовке. Там вся посуда подозрительная.

— Да как они посмели! Они что не знают, что это *Йель*?

— Заткнись. Как в ЛА?

Я выглядываю в окно.

— Солнечно.

Отти стонет.

— Хорошие выходные? Что интересного?

— Мы играли с Вашингтоном вчера, так что половина их наших пошла на игру.

— Кто бы мог подумать, что ты футбольный фанат?

— Я бы сказал не *фанат*, а больше *осведомленный негласными правилами*, — я откидываюсь на спинку своего стула, почесывая челюсть. — Несколько парней из «Хедрика» устраивали вечеринку прошлой ночью. Я ходил с Брекином, — мой первый и самый близкий друг, Брекин сбежал из небольшого городка в Техасе, и по какому— то странному стечению обстоятельств — (1) гей и (2) мормон. Я не мог бы выдумать подобное, даже если бы попытался. Он чертовски умный и читает так же жадно, как и Отэм. Я бы влюбился, если бы мое сердце уже не было занято. — Классный день. Не знаю. А что ты делала?

— Вчера у Дикона была гонка, так что мы были на ней.

Дикон. Ее новый парень и, похоже, бог в команде по гребле.

Небольшой виток ревности греется внутри. Я не могу отрицать этого. Но по большей части, он кажется классным парнем. Он — ирландец, и полностью ослеплен Отэм, так что он уже мне нравится. Он даже написал мне на прошлой неделе, чтобы спросить, что ему стоит купить на ее день рождения. Вербовка лучшего друга: умный ход.

— Я скучаю, — говорю ей.

— Я тоже скучаю.

Мы обмениваемся подробностями поездки на День Благодарения, обещаем друг другу поболтать на следующей неделе и отключаемся.

Пятнадцать минут после разговора мне грустно.

Но потом я замечаю Брекина на своем пороге с Фрисби.

— Кто на этот раз? — спрашивает он.

Благодаря графину водки с тоником и марафона «Во все тяжкие» однажды ночью в моей комнате, и он знает обо всем.

— Оба.

Он машет Фрисби.

— Пошли. На улице классно.

***

В моей жизни было несколько моментов, когда я думал, что ощущаю высшую силу в действии. Первый раз, когда мне было шесть, а Хейли — три. Мое самое раннее, четкое воспоминание, все, что перед ним — нечеткое: швыряние макаронами или разглядывание потолка по ночам, пока родители читали мне сказку. Но это первое, каждая деталь которого, похоже, отпечаталась у меня в мозгу. Мама, я и Хейли были в Т.Д. Махх²². Стеллажи были установлены так близко друг к другу и забиты одеждой, что казалось практически невозможным пройти между ними, не зацепив чего — то шерстяного, шелкового или джинсового.

Хейли была резвой и глупой и пару раз пряталась под стеллажами, которые перебирала мама. Но потом она исчезла. Абсолютно. Десять минут мы бегали повсюду, зовя ее по имени с нарастающей истерикой, капаясь в каждой стойке, полке или стеллаже. Мы не могли ее найти. Мы предупредили продавца, которая вызвала охрану. У мамы была истерика. У меня была истерика. Я никогда не делал этого прежде, но тогда закрыл глаза и начал молить — ни человека, ни силу, возможно, будущее — чтобы с ней было все в порядке. Только несколько недель назад я узнал слово «похищение» и казалось мой мозг перестроился так, что я видел все сквозь призму возможного сценария похищения.

Мне становилось легче, когда я снова и снова повторял — *пожалуйста, пусть с ней все будет в порядке, пожалуйста, пусть с ней все будет в порядке, пожалуйста, пусть с ней все будет в порядке* — и возможно, позже для меня всегда обретали смысл слова Себастиана, когда он говорил, что ему становилось легче, когда он молился. Я понимал, что беспомощен, но мне все равно казалось, что мои намерения имели силу, что они могли изменить траекторию всего, что произошло с моей сестрой.

Я навсегда запомню, каким спокойствием меня накрыло. Я продолжал твердить про себя, подошел и обнял маму, пока продавец истерично бегала повсюду, и мое спокойствие передалось ей. Мы просто так и стояли, молча вдыхая и выдыхая, веря, что она где — то поблизости, пока охранник рявкал приказы в рацию, а продавец проверяла каждую подсобку. Мы стояли, так пока Хейли не показалась в пыльном зазоре между стеллажами в самом дальнем углу магазина, с самой огромной, гордой улыбкой и не прокричала:

— ХЕЙЛИ ВЫИГРАЛА!

Были и другие случаи. Ощущение, что кто — то предостерегал меня, держаться подальше от океана однажды, когда пляж в итоге закрыли из — за опасной приливной волны. Успокоительное облегчение от того, что я был расстроен из — за чего — то и вдруг смог остановить катастрофичный сценарий, вдохнуть и выдохнуть — задаваясь вопросом, что это

было, отчего паника закручивалась непрерывно, и напоминало мне расслабиться. Иногда случаи были незначительны, иногда важными, но я всегда чувствовал, что они были частью человеческого существования, воспитания заботливых людей.

Однако, *воспитание заботливыми людьми* не объясняло того, что случилось в тот воскресный день. Мы с Брекином пошли на улицу с Фрисби в руках. Погода была потрясающей — почти двадцать четыре градуса без ветра и с ясным небом. Странный морской слой, повисший в воздухе до обеда, испарился, а небо было нереального голубого цвета, цвета, который запоминает и замечает каждый турист. Ярко — зеленая Фрисби Брекина разрезала его, туда и обратно между нами. Мы петляли между людьми на лужайке, извиняясь, когда Фрисби приземлялась у чьих — то ног или — один раз — врезалась в их голень. Мы начали, когда солнце стояло слева от нас, но пока бросали, носились и ловили, солнце в итоге оказалось прямо перед моими глазами.

Я, вероятно, романтизирую это сейчас — по сути, даже в свои самые атеистские мгновения, я *понимаю*, что романтизирую, — но оглядываясь назад, я вижу структуру нашей игры, как петляющего, точного спирографа. Каждый бросок Брекина, который я ловил, я смещался на точное количество градусов: десять, пятнадцать, двадцать, тридцать, пока не повернул ровно на девяносто градусов с того места, откуда начал.

У каждого своя походка, как уникальные и узнаваемые отпечатки пальцев. Походка Себастиана всегда была прямой, неспешной и осторожной: каждый шаг за предыдущим. Я знал его плечи — широкие, мускулистые — и как его голова смыкалась с шеей — подбородок вверх в своего рода изящной осанке. Я знал, что он ходил, свободно спрятав большой палец в ладонь, так что всегда казалось, будто он слегка сжимает правую руку в кулаке, когда его левая спокойно болталась с боку.

И там был он, освещенный со спины. Ни одна из его черт не была различимой, только походка, его приближение ко мне.

Брекин бросил Фрисби, и мой удивленный, изучающий взгляд уловил сердцевину солнца, и диск проплыл мимо меня.

Когда яркое пятно наконец — то растворилось в моих глазах, я снова посмотрел мимо Брекина. Теперь фигура была ближе, но в итоге оказалась не Себастианом. Это был кто — то другой с великолепной осанкой, поднятым подбородком и правой рукой, свободно сложенной в кулак.

Очень похож, но не он.

Я помню, как узнал на биологии в одиннадцатом классе, что нейроны, которые сигнализируют о боли, еще называемые С — волокнами, на самом деле обладают самой медленной проводимостью аксонов. Болезненное ощущение дольше доходит до мозга, чем чуть ли не все остальные типы информации — включая сознательное осознание, что приближается боль. Учительница тогда спросила нас, как мы думаем почему это может быть эволюционно выгодно, и тогда это казалось очень просто: нам нужна способность избежать источника боли, до того как он нас ослабит.

Мне нравится думать, что я каким — то образом готовился к боли осознания. В данном случае, слепящее солнце достигло меня первым, предупреждая о приближающемся болезненном сигнале — надежде. Напоминанием мне, что естественно, это не мог быть Себастиан. Я жил в *ЛА*. А он неизвестно где, собирал души. Конечно же, его не было здесь.

Его никогда не будет здесь, думал я. Он никогда не вернется обратно.

Было ли мне нормально от этого? Нет. Но скучать по нему каждый день до конца своей

жизни было по — прежнему легче, чем борьба, что была у Себастиана: забивать себя каждое утро в коробку, прятать ее в своем сердце и молиться, что оно сможет пробиться через препятствие. Каждый день я мог ходить на занятия, как человек, каким являюсь, и знакомится с новыми людьми, а позже выходить подышать свежим воздухом и покидать Фрисби. Каждый день я буду благодарен за то, что никто из важных мне людей не сомневается в том, что я слишком мужественен, слишком женственен, слишком закрыт или слишком открыт.

Каждый день, я буду благодарен за то, что имею, и за то, что могу быть тем, кто я есть, без осуждения.

Так что каждый день я буду бороться за Себастиана и людей в такой же ситуации, у кого нет того же, что и у меня, кто борется с поиском себя в этом мире, который твердит им, что белых, натуралов и худых — первых выбирают на школьном дворе жизненной игры.

Мою грудь переполняло сожалением, облегчением и решимостью. *Дайте мне больше*, думал я о том, кто мог бы это услышать — был ли бы это Бог, или Волшебник страны Оз, или три сестры Судьбы. *Дайте мне больше мгновений, когда я думаю, что он возвращается. Я смогу принять эту боль. Напоминание, что он не вернется — и почему — будет поддерживать во мне силы для борьбы.*

Я поднял Фрисби, бросая ее Брекину. Он поймал ее одной рукой, а я запрыгал из стороны в сторону, выставив локти, оживившись.

— Заставь меня побегать за ней.

Он приподнял подбородок, рассмеявшись.

— Чувак, осторожнее.

— Все нормально. *Бросай.*

Брекин снова дернул подбородком, более настойчиво.

— Ты врежешься в него.

Перепугавшись, я спрятал локти, разворачиваясь, чтобы извиниться перед кем бы там ни было.

А там был он, может в двух метрах от меня, откинувшийся назад, как будто я мог ударить его локтем по лицу.

Мгновенно потеряв контроль над своими ногами, я сел задницей на траву. Свет больше не освещал его сзади. Никакого солнечного нимба за ним. Только небо.

Он присел, облокотившись предплечьями в свои бедра. От беспокойства свело его брови, сомкнуло губы в легкую, хмурую линию.

— Ты в порядке?

Брекин подбежал к нам.

— Чувак, ты в порядке?

— К— к— к... — начал я, а затем протяжно, судорожно выдохнул. — Себастиан?

Брекин медленно попятился назад. Я не знаю, куда он пошел, но оглядываясь назад, остались только я и Себастиан и огромное поле зеленой травы и голубого неба.

— Да?

— *Себастиан?*

Очаровательная ухмылочка, шутка, к которой может быть причастен каждый.

— *Да?*

— Клянусь, я только что представлял, как ты однозначно идешь через двор и подумал, что Бог преподавал мне какой — то жизненный урок, и не проходит двадцати секунд, как ты

стоишь *прямо передо мной*.

Он потянулся ко мне, взял мою руку.

— Эй.

— Ты должен быть в Камбодже.

— В Кливленде, на самом деле.

— Я вообще не знал об этом. Только что выдумал.

— Не сомневаюсь, — он снова ухмыльнулся, и ее вид запустил строительство эшафота вокруг моего сердца. — Я не поехал.

— Разве ты не должен сидеть в мормонской тюрьме?

Он засмеялся, садясь лицом ко мне. Себастиан. *Здесь*. Он взял мои руки в свои.

— Мы проработали детали моего условно— досрочного освобождения.

Все шуточки испарились из моей головы.

— Серьезно. Я... — я моргнул, голова немного закружилась. Такое ощущение, что мир слишком медленно наводил фокус. — Я даже не понимаю, что происходит.

— Я прилетел в ЛА сегодня утром, — он изучал мою реакцию, прежде чем добавить. — Чтобы найти тебя.

Я вспомнил тот день, когда нашел его на пороге своего дома, выпотрошенного от молчания его родителей. Паника поползла вверх по моей шее. И теперь была моя очередь спрашивать.

— А ты в порядке?

— Хочу сказать, что аэропорт Лос— Анжелеса просто кошмар какой— то.

Я прикусил свою губу, сопротивляясь улыбке, сопротивляясь всхлипу.

— Я серьезно.

Он слегка покачал головой из стороны в сторону.

— Я близок к этому. Хотя мне намного лучше, после встречи с тобой, — он замолчал. — Я скучал по тебе, — он посмотрел в небо, а затем обратно на меня. На обратном пути его взгляд стал стеклянным и непроницаемым. — Я очень скучал по тебе. Мне придется долго заслуживать прощение. Если ты позволишь мне.

Слова смешались хаосом в моей голове.

— Что *случилось*?

— Твое появление на автограф— сессии серьезно сбило меня. Это было похоже на пробуждение рывком, — он сощурился на солнце. — Я уехал в тур по книге. Я читал твою книгу практически каждый день.

— *Что?*

— Она начала казаться новой библией, — его смех был очаровательно самоучижителен. — Безумно звучит, но это так. Любовное послание. Она каждый день напоминала мне о том, кто я, и как сильно меня любили.

— *Любят*.

Он резко вдохнул на это, а затем добавил, намного тише.

— Через несколько недель после моего возвращения домой из Нью— Йорка, пришло мое письмо — вызов на миссию. Мама запланировала большую вечеринку. Там было, наверное, пятьдесят человек, прибывших в наш дом, еще больше ждало трансляции на Facebook.

— Отэм рассказывала мне. Кажется, она смотрела, но я не позволял ей ничего рассказывать мне.

Он сглотнул, качая головой.

— Мы не дошли до конца. В тот вечер я сказал своим родителям, что не думаю, что должен ехать. В смысле, — он поправил себя. — Я знал, что могу говорить с людьми о церкви, о моем свидетельстве, о том, чего хочет от нас Отец Небесный, — он наклонился, прижавшись ртом к моим костяшкам, закрыв глаза. Это было похоже на поклонение. — Но я не считал, что смогу сделать это так, как они хотели: оставить тебя и их, и попытаться стать тем, кем я не являюсь.

— И ты не поехал?

Он покачал головой, его губы заскользили туда— обратно по тыльной стороне моей ладони.

— Я забрал документы из университета. Я, наверное, переведусь в другое место.

На этот раз надежда побилла любую другую реакцию:

— Сюда?

— Посмотрим. Продвижение моей книги обеспечивает меня некоторой передышкой. У меня есть немного времени подумать.

— А твоя семья?

— Сейчас ничего не понятно. Мы работаем над нашим сближением обратно друг с другом, но я не знаю, как это будет выглядеть, — он вскинул голову, поморщившись. — Я пока не знаю.

Я хочу эту ношу, подумал я. И, может быть, именно это только что произошло. Может быть, я заслужил это. Я хочу быть, по крайней мере, частично способным показать ему, что его возможные потери перевешивают обладание собственной жизнью, полностью.

— Я не боюсь того, что ждет нас впереди.

— Я тоже, — он улыбнулся мне в ответ, обнажая зубы напротив моей руки, и от его игривого рычания, кровь хлынула жаром к поверхности моей кожи.

Мне потребовалось десять секунд с закрытыми глазами, чтобы успокоиться. Вдох— выдох, вдох— выдох, вдох— выдох, вдох— выдох, вдох— выдох.

Я затем я наклонился вперед, набрасываясь, хватая его. Он завалился назад от неожиданности, а я приземлился сверху, уставившись на его распахнутые, сверкающие глаза — озера. Сердце колотилось в грудную клетку, колотилось об его грудную клетку, стуча в дверь, чтобы его впустили.

— Ты здесь, — сказал я.

— Я здесь, — он огляделся вокруг места, где мы растянулись на траве, инстинктивно слишком внимательно. Ни один человек не обратил никакого внимания.

Так что он позволил мне поцеловать его только раз. Но я хорошо постарался, предлагая ему свою нижнюю губу.

— Ты здесь, — сказал он. Я чувствовал, как его руки заскользили вокруг моей талии, переплетаясь пальцами на моей пояснице.

— Я здесь.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Заметки

[

←1

]

АКТ (англ. ACT — American College Testing) — Американское Тестирование — стандартный тест для поступления в колледжи и университеты США, а так же при переводе из одного в другой. Состоит и четырех тестов: английский, чтение, математика и научное рассуждение.

[

←2

]

Номинальный мормон (англ. Jack Mormons) — человек, родившиеся в семьях членов церкви, но не разделяющий мормонские убеждения и не участвующий в жизни общины.

[

←3

]

Церковь Иисуса Христа Святых последних дней (или другими словами мормоны), далее пойдет сокращение СПД.

[

←4

]

Далее пойдет сокращение УБЯ (прим пер)

[

←5

]

PFLAG — (Parents, Families and Friends of Lesbians and Gays) — «Родители, Семьи Друзья Лесбиянок и Геев» — некоммерческая организация, объединяющая членов семей геев, лесбиянок, бисексуалов и транссексуалов, а так же их друзей. Целью, которой является укрепление здоровья и благополучия ЛГБТ-лиц, активная поддержка семей и друзей с помощью образовательных и пропагандистских программ.

[

←6

]

Уэнзди Аддамс — персонаж известной серии комиксов «Семейка Аддамс», а также сериалов, мультсериалов и кинофильмов по ним.

[

←7

]

Лазертаг — или лазерный бой — высокотехнологичная игра, происходящая в реальном времени и пространстве. Суть игры состоит в поражении игроков-противников (и часто еще специальных интерактивных мишеней) безопасными лазерными выстрелами из бластера-автомата.

[

←8

]

Аутлайн — основа сценария/книги, его краткое содержание, может включать в себя детальную иерархию персонажей с обозначением взаимосвязи между ними, или последовательность событий.

[
←9

] КУЛА — Калифорнийский Университет в Лос-Анджелесе.

[
←10

] Бразер (Brother) — фамилия главного героя в переводе с англ. брат.

[
←11

] Большая буква «Y» «смотрит» с горы на Университет Бригама Янга. По легенде хотели выложить все сокращение целиком «BYU», но энтузиазма хватило только на одну букву (прим. пер.)

[
←12

] «Рип ван Винкль» — новелла американского писателя Вашингтона Ирвинга, написанная в 1819 году. Протагонист — Рип ван Винкль, житель деревушки близ Нью-Йорка, проспавший 20 лет в Каатскильских горах и спустившийся оттуда, когда все его знакомые умерли. Этот персонаж стал символом человека, полностью отставшего от времени и даром пропустившего свою жизнь.

[
←13

] Shasta — газированный напиток без кофеина.

[
←14

] Леброн Джеймс — игрок баскетбольной команды «Кливленд Кавальерс» (Cavs)

[
←15

] Кетуба (буквально «написанное», «документ, договор») — брачный акт, который составляется обычно до венчания, подписывается двумя свидетелями, читается лицом, венчающим под балдахином, и затем вручается невесте и ее родным.

[
←16

] Хупа — балдахин, под которым еврейская пара стоит во время церемонии своего бракосочетания.

[
←17

] Хамви — американский, армейский вседорожник.

[
←18

] Когтеврат — факультет Хогвартса.

[
←19

] Нулевой пациент — первый заразившийся пациент в популяции эпидемиологического исследования. Нулевой пациент может указывать на источник заболевания, возможные пути распространения, а также являться резервуаром болезни между вспышками заболевания. Термин часто используется в Северной Америке для описания пациента, с которого началось распространение ВИЧ/СПИД.

[
←20

] Salt Lake Trib — одна из основных, еженедельных газет Солт-Лэйк-Сити.

[
←21

] Publisher Weekly — американский, еженедельный журнал новостей, нацеленный на издателей, библиотекарей, продавцов книг и книжных агентов.

[
←22

] Американская сеть универсальных магазинов.